

НОВАЯ ПОЛЬША 12/2008

Содержание

1. ПАТРИОТИЗМ ЕВРОПЕЙСКИЙ И ПАТРИОТИЗМ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
2. ПОЛЬСКО-РУССКАЯ ВОЙНА
3. ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ
4. СОВРЕМЕННЫЙ «КОВЧЕГ» ПОЛЯКОВ, ЕВРЕЕВ И УКРАИНЦЕВ
5. СТИХОТВОРЕНИЯ
6. С ШУБЕРОМ
7. МОЯ ЗАМЕЧАТЕЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
8. ОТОРВАННЫЕ МИНУТЫ
9. КОНСТАНТЫ АНТОНИЙ ЕЛЕНСКИЙ
10. ЛИТЕРАТУРНАЯ ВАРШАВА
11. КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА
12. ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ
13. РИТМ СЕРДЦА

ПАТРИОТИЗМ ЕВРОПЕЙСКИЙ И ПАТРИОТИЗМ НАЦИОНАЛЬНЫЙ

Базиль Керский (обращаясь к Генриху-Августу Винклеру) :
Господин профессор, ваша изданная в 2000 г. двухтомная история Германии «Долгая дорога на Запад» заканчивается разделом «Формирование немецкой нации после 1989 года». Вы выдвигаете в нем тезис, что народы, жившие в обоих немецких государствах, в 1990 г. не были подготовлены к процессу интеграции. Несмотря на стремление к объединению Германии, идея свободы была в прежней ФРГ гораздо важнее, чем идея воссоединения нации. После объединения Германия оказалась пред трудной задачей восприятия самой себя, изобретения себя заново в качестве демократической германской нации. Насколько развилось сегодня в Германии национальное самосознание?

Генрих-Август Винклер: Примерно 30 лет назад боннский историк и политолог Карл Дитрих Брахер определил ФРГ как «постнациональную демократию» среди европейских национальных государств. Брахер хотел этим сказать, что ФРГ была нетипичным государством внутри Европейского Сообщества, так как Боннская Республика в отличие от Франции или Великобритании не была государством национальным, Юрген Хабермас заимствовал впоследствии понятие «постнациональный» и говорил о «переходе от национальной к постнациональной структуре» в применении к международному праву, и даже рассматривал «постнациональность» как «знамение времени». В конце 1980-х в ФРГ началось движение, возглавлявшееся группировкой, которую я мог бы иронически определить как «посмертное проаденауэровское движение левых сил». Эти левые силы полностью признавали правильность политики сближения с Западом, проводившейся Аденауэром в первые послевоенные годы. Одним из представителей этих левых был Оскар Лафонтен. В 1988 году была опубликована его книга «Die Gesellschaft der Zukunft» («Общество будущего»). Лафонтен был тогда вице-председателем Социал-демократической партии (СДП) и премьер-министром федеральной земли Саар. В книге мы можем найти следующий аргумент: именно потому, что мы, немцы, испытали самые трагические последствия

извращенного национализма, сегодня наше предназначение – в роли авангарда вести Европу в будущее в процессе наднациональной интеграции. То есть короче – от извращенности к предназначенности. Что ж, это смелая диалектическая эквилибристика: еще никто столь утонченным образом не обосновывал идею исторической миссии германского народа. Само это обоснование германской миссии служить примером остальной Европе не чем иным, как ужасным немецким опытом прошлого, было отвратительно.

В случае объединенной Германии уже нельзя использовать понятие постнациональной демократии среди европейских национальных государств. Мы стали национальным государством, хотя и не классического типа, но, как и все государства – члены Евросоюза, постклассическим национальным государством. А это означает, что мы должны быть готовы поделиться своей суверенностью с другими; именно этот факт долгое время вообще не понимали классики международного права. Европейские национальные государства сегодня должны быть готовы к частичной реализации своей суверенности совместно с другими, а частично – к передаче ее в ведение наднациональных органов и учреждений. Это – то и составляет суть постклассических национальных государств в объединении государств Евросоюза.

Базиль Керский: Каким образом это новое немецкое национальное государство может стать частью Европы, не формируя при этом склонности к гегемонии, не становясь вновь угрозой для других?

Генрих Август Винклер: Я думаю, что решение этой проблемы заключается в том, что мы научимся ответственно обращаться с этой полученной дополнительно суверенностью. Почти одновременно мы начали в 1990-е делиться полученной нами суверенностью. Ни одно федеральное правительство после 1990 г., будь то во главе с Гельмутом Колем или Герхардом Шрёдером, не было правительством националистическим, все они поддерживали европейскую интеграцию. Это относится и ко всем немецким политическим партиям, которые стремятся ответственно подходить к новым полученным правам объединенной Германии.

Тот факт, что в мире существуют нации, с исторической точки зрения является тем, что делает Европу Европой. Под этим утверждением могут подписаться сегодня все европейцы. Нации, однако, должны сегодня восприниматься как элементы европейской интеграции. Европа, к которой, как я полагаю, мы

все стремимся, будет Европой национальных государств и граждан. Национальные государства будут сотрудничать друг с другом, лишь частично ограничат свою суверенность, а частично будут пользоваться ею совместно. Если они выберут этот путь, если они признают своим лозунг «Не спрашивай, что Европа может сделать для тебя, спрашивай, что ты можешь сделать для Европы», тогда у проекта европейской интеграции еще есть будущее.

Базиль Керский: Я хотел бы еще на минутку остановиться на понятии «немецкой нации». Адам Михник напомнил, как ощутимо, несмотря на непрерывность демократической традиции, изменилось в последние годы во Франции определение французской нации. А в объединенной Германии – по-прежнему ли считается общепринятым определение нации как этнически однородного национального государства?

Генрих Август Винклер: Необычайно важной вехой в современной германской истории стало гражданское законодательство 1999 года, которое вступило в силу 1 января 2000-го. Тем самым ФРГ отошла от чисто этнического определения нации. Человек сегодня немец не по происхождению и языка, а может им стать, если этого хочет и при этом выполнит определенные условия – в смысле классической формулы французского этнолога и ориенталиста Эрнеста Ренана: «нацию составляют те личности, которые хотят быть нацией». Это изменение понятия немецкой нации сближает ее с Западом.

Базиль Керский: Польша стала в этническом и религиозном отношении однородным национальным государством лишь в 1945 г. в результате этнических чисток Гитлера и изменения границ по настоянию Сталина. Польский народ был до катастрофы II Мировой войны многоэтнической общностью в полном смысле этого слова и подобным же образом определял себя политически. После 1989 г. многие польские политики и интеллектуалы ссылались на эту политическую традицию Речи Посполитой. Однако сегодня у меня создается впечатление, что эта республиканская традиция все больше теряет свое значение. Представление национал-демократов, что в основе нации лежат католическая вера и этническая принадлежность, поддерживает сегодня большинство населения. Насколько важна дискуссия между сторонниками этих различных представлений о польской нации во внутриполитическом споре?

Адам Михник: Я думаю, что спор относительно определения национальной идентичности – это не какая-то особая польская

специфика. Во всех новых странах-членах Евросоюза мы видим дискуссии того же типа, что и в Польше. С одной стороны, мы имеем дело с нацией, которая понимается в этническом и/или религиозном аспекте, и такой идеей, что нация создает, как бы заполняет собой государство; с другой стороны, мы имеем дело с идеей нации, но нации открытого общества в открытом, демократическом государстве. Это спор между эксклюзивизмом и идеей инклюзивизма, идеей открытости.

Как это выглядит в Польше? Трудно абстрагироваться от того, что все историческое развитие Польши было нарушено, что на протяжении всего XIX века польское государство не существовало. В связи с этим момент, когда появились современные националистические идеи, был тем моментом, когда нации прежней Речи Посполитой, ищущие свои национальные идеи в националистических идеологиях, определялись в оппозиции друг к другу. Таким образом, национализм национал-демократов Романа Дмовского определялся через конфликт с немецким, украинским или, скажем, литовским и еврейским национализмом – это чрезвычайно существенно. Но если обратиться к тогдашним сочинениям, например, Владимира Жаботинского, то они во многих местах являются точным слепком с рассуждений, которые мы находим у Дмовского. Дмовский в какой-то из своих книг с уважением отзывается о Бисмарке, приводя более или менее такое его рассуждение (я никогда не проверял, действительно ли Бисмарк так говорил, я знаю только мысль Дмовского): что, мол, он, Бисмарк, питает даже определенную симпатию к полякам, такую, какую можно питать по отношению к симпатичной собаке; однако собака кусается, а раз она кусается, нужно от нее избавиться – и поэтому поляков нужно уничтожать. Дмовский цитировал это рассуждение с полным одобрением – не в том смысле, что поляков нужно уничтожать, но что поляки должны научиться у Бисмарка, как относиться к нациям, которые находятся с тобой в вымышленном или же подлинном конфликте.

С одной стороны, вы правы, что для поляков жизнь в этнически однородном государстве – что-то совершенно новое, но с другой – идеи польского национализма были идеями эксклюзивистскими, исключаящими, потому что происходило формирование национального сознания, идентичности через посредство конфликта с другим, пусть даже с соседом. В этом смысле эта давняя терминология часто возвращается в новой упаковке, тем более что коммунисты, захватывая власть, с самого начала были в состоянии своеобразной идеологической и интеллектуальной шизофрении: они ссылались на идеи

универсализма, интернационализма, на идеи мировой революции, но это были лишь лозунги, произносимые на торжественных заседаниях, а на практике они были строителями моноэтнического и авторитарного государства, по духу близкому к идеям предвоенных национал-демократов Дмовского. Если мы понаблюдаем за сегодняшними спорами, идущими в Венгрии, на Украине, в Румынии и Словакии, в Литве, – мы везде увидим в той или иной форме повторение того спора, который я попытался здесь описать лишь схематически и упрощенно.

Бронислав Геремек: Быть может, имеет смысл обратиться к классическому противопоставлению моделей наций в Европе: немецкой и французской. Когда Эльзас и Лотарингия были практически присоединены к Германской империи, крупнейший немецкий историк Теодор Моммзен говорил, что справедливость восторжествовала, ибо решать должны чувство этнической принадлежности и язык. На что французский историк Н.Д. Фюстель де Куланж отвечал: нет, решать должна воля граждан и, следовательно, гражданское понятие «нации».

Взглянем, например, на развитие польского национального самосознания. Сначала это сознание связи с правящей династией и сменявшимися правящими домами. Контрреформация принесла с собой отождествление шляхетской гражданской принадлежности с верой – религия стала определять национальные границы. И это в стране, которая была многоэтнической, где существовало несколько распространенных религий: в культурном ландшафте Польши рядом друг с другом располагались католическая, протестантская, православная, униатская Церкви, синагога и даже мечеть. Возрожденная после I Мировой войны, Польша должна была заново определить отношения внутри нации, которая существовала, но была нацией такого типа, где господствовал патриотизм без государства, то есть привязанностью к общей культуре, языку, а также к этнической или многоэтнической общности. После II Мировой войны, когда Сталин – а до этого еще вместе с Гитлером – определил рамки моноэтнической Польши, то для власти, для коммунистической партии, весьма привлекательной была идея сформировать такой патриотизм, в котором не было бы даже упоминания о вере, Церкви, религии. Власть апеллировала к этническому чувству принадлежности к нации: она утверждала, что принадлежность к польской нации наследуется, что в этом нет никакого акта гражданского выбора. Так вот, когда теперь мы вступали в Евросоюз, то были убеждены, что суверенность государства будет поделена, но

национальное сознание будет уважаться. Я думаю, что это по-прежнему остается реальностью в Евросоюзе – Евросоюз не только не предлагает отменить нации, но даже их укрепляет. В Ирландии много лет население практически уже не говорило по-ирландски, но под влиянием ЕС, который оплачивает обучение на национальном языке, ирландский язык возродился.

Но главной проблемой становится проблема государства: можно принять суверенность, разделенную с другими. Сегодня официальная пропаганда в Польше провозглашает, что национальное государство находится под угрозой исчезновения и что только путем признания понятия национальных интересов можно сохранить национальную культуру и интересы национального государства в условиях глобализации. Возникает вопрос: является ли Евросоюз моделью именно такого сверхгосударства, в котором суверенность не делится между отдельными государствами, но исчезает их внутренняя суверенность, – можно ли это назвать идеей «гражданства»? Дело в том, что в имперских системах, таких как Римская империя, общность создавалась именно благодаря идее «гражданства» – ты можешь быть сирийцем или греком, но ты – римский гражданин. Апостол Павел напомнил своим палачам, что он римский гражданин и поэтому они должны развязать его путы. Так что правильным путем является формирование гражданского чувства – ощущения того, что ты европейский гражданин. Я не хотел бы приуменьшать ответственность моей собственной страны за те трудности, которые испытывает сегодня Евросоюз, но хочу сказать, что это проблемы Евросоюза и Европы как целого. Мы до сегодняшнего дня еще не создали – и я не разделяю здесь «вы» и «мы» – такого гражданского чувства, которое способствовало бы открытости: человек становится европейским гражданином и поэтому что-то приобретает. Разумеется, он приобретает определенные права, он может сказать: «Развяжите мне путы, я европейский гражданин». Это во-первых. Во-вторых, я хочу сказать, что те опасные явления, которые мы наблюдаем в Польше – например, популистское уклонение от вызовов будущего – появляются и в «старых» европейских странах. Когда правительство канцлера Шрёдера вернуло в немецкий политический дискурс понятие «национальных интересов», можно было либо почувствовать беспокойство, либо признать, что каждое государство Евросоюза имеет право на национальные интересы. Но когда затем крупные государства, Франция и Германия, наделили себя правом несоблюдения пакта о [финансовой] стабилизации, утверждая, что этот пакт противоречит их

национальным интересам, то кто тогда говорил о национальных интересах в противопоставлении интересам европейским? Ответ: два крупных европейских государства! Когда канцлер Шрёдер принял от имени Германии решение об участии в строительстве Северного газопровода, то чем он это мотивировал? Интересами Германии! Главе немецкого правительства даже в голову не пришло, чтобы вопрос, где отчетливо прослеживались интересы России (то есть государства, которое не является членом Евросоюза и которое не хотело, чтобы газопровод проходил через территории Польши и Украины), обсудить с другими государствами: Польшей, членом Евросоюза, или Литвой, членом Евросоюза.

Меня сейчас интересует не полемический, а аналитический подход. С одной стороны, мы наблюдаем огромный успех европейской интеграции – и это единственный позитивный процесс XX века, а с другой – как раз в этот период мы наблюдаем не только конституционный кризис и кризис реформ европейских институтов, но и возвращения понятия национальных интересов национальных государств-членов Евросоюза, вступающего в противоречие с ощущением общеевропейских интересов.

Генрих Август Винклер: Быть может, обоснованные национальные интересы можно было бы определить именно тем, что такие интересы не противоречат общеевропейским интересам. Если этот факт выбрать в качестве какого-то критерия, то мы, Германия, в таком случае имеем, как легко заметить, немало поводов для самокритики. То, как поступал Герхард Шрёдер в вопросе о газопроводе на дне Балтийского моря, без каких-либо консультаций с другими странами, можно указать как пример отступления назад от той черты, которую мы считали уже достигнутой. Я доволен происшедшим смещением акцентов в этом вопросе в рамках большой коалиции и считаю положительным явлением тот факт, что федеральное правительство теперь оценивает роль средних и малых государств-членов Евросоюза выше, чем это имело место совсем недавно.

Профессор Геремек говорил о моделях для Европы, и я хотел бы еще раз к этому вернуться и напомнить о возникновении проекта европейской конституции. В мае 2000 г. в Гумбольдтовском университете выступил со ставшей впоследствии широко известной речью тогдашний министр иностранных дел ФРГ Йошка Фишер. В этой речи он брал за исходный пункт то, что члены Евросоюза достигнут договоренности о том, чтобы рискнуть совершить некий

«квантовый скачок» – преобразовать существующий союз государств в федерацию. Фишер чувствовал тогда поддержку со стороны Жака Делора, который определил Евросоюз как «федерацию национальных государств» («Fédération d'Etats-nations»). Однако французское понятие «fédération» и немецкое «Föderation» не совпадают друг с другом. И когда мы еще раз читаем выступление Фишера, у нас создается ощущение, что он рассматривает Германию как модель для Европы. По сути дела Фишер, выдвигая свое предложение о следующей фазе европейского процесса интеграции, имел в виду нечто наподобие федеративной модели ФРГ. Его речь была встречена за границами ФРГ с умеренным энтузиазмом. Быть может, Бельгия или Люксембург вполне охотно подписались бы под таким проектом, но французский министр иностранных дел Юбер Ведрин некоторое время спустя отрицательно отнесся к этой идее. Если я не ошибаюсь, в этой речи Фишера впервые появилось предложение разработать европейскую конституцию. Эта конституция, таким образом, уже считает принятым решение о преобразовании Евросоюза в федерацию. Это революционное решение так никогда и не было принято, однако само понятие «европейской конституции» осталось – оно – то и стало обременительным для всего проекта реформ. Быть может, вместо «конституционного трактата» полезнее было бы более скромное понятие наподобие «основного трактата». Патетическое понятие «конституции» не может свестись к тому, что национальные государства по-прежнему остаются «хозяевами своих трактатов». Государства-члены Евросоюза принимают суверенные решения о подписании международных трактатов. Не существует никакого общеевропейского суверена, никакой общей совокупности граждан одного государства – так что, реалистически подходя к исходной ситуации для нового «основного трактата», следовало бы прежде всего исходить из этих очевидных фактов.

Многие дискуссии последних лет стали бы ненужными, если бы люди осознали, что по сути дела речь идет всего лишь об определенном организационном статусе, который позволил бы расширенному Евросоюзу предпринимать правовые действия.

Сейчас главное – это сохранить суть несостоявшегося трактата, реформирующего европейские институты. По моему мнению, к этой сути относится принцип двойного большинства: большинства государств и большинства населения. Другими существенными элементами остается придание более важной роли Европарламенту и прозрачность процессов принятия решений в Брюсселе. Новый союзный трактат не нуждается в патетическом названии «конституция». Я бы рекомендовал

всерьез отнестись к прусскому принципу «mehr Sein als Schein» (буквально «больше сути, меньше видимости») и не позволять, чтобы возвышенные слова пробуждали излишние тревоги или надежды.

Евросоюз стоит перед проблемой сохранения равновесия между углублением и расширением. Процесс расширения продвинулся гораздо дальше, чем процесс углубления, а углубление – это нечто большее, чем просто реформа институтов и процессов принятия решений. Профессор Геремек говорил о гражданском сознании, о Европе граждан – именно это сегодня это становится главным. Мы должны поддерживать формирование европейского ощущения общности. Каким образом Европа сможет стать политическим союзом, который научится говорить одним голосом по важнейшим вопросам? Уже довольно трудно представить себе европейское ощущение общности, которое простирается от Северного полярного круга до Пелопоннеса, но еще труднее, если вообще возможно, представить себе Европу, опирающуюся на ощущение общности и простирающуюся от Карелии до Курдистана. Когда мы говорим о состоянии Европы, мы должны задать себе также вопрос о границах ее расширения. А вопроса расширения, в свою очередь, нельзя отделять от вопроса о способности функционирования европейских институтов.

Базиль Керский: Профессор Винклер упомянул о выступлении министра иностранных дел ФРГ Йошки Фишера, касавшемся Европы. Эта речь укрепила в Европе впечатление, что Германия – это государство, которое активно выступает за чрезвычайно далеко зашедшую европейскую интеграцию, что она вообще стремится к созданию европейской федерации, сформированной на основе опыта германского федеративного государства. Польский политолог Пётр Бурас в этом году в весьма интересном анализе указал, что подобное представление о германской европейской политике просто неверно. Проблема в том, утверждает Бурас, что Германия движется сегодня как раз в противоположном направлении, что она слишком отмежевывается от идеи европейской интеграции. Эта новая сдержанность Германии может стать в ближайшие годы крупной проблемой для Евросоюза. Господин профессор, согласны ли вы с этим тезисом? Действительно ли Германия отдаляется от идеи Аденауэра, гласящей, что чем больше Европа интегрируется, тем лучше для Германии?

Генрих Август Винклер: В Германии преобладает преимущество немецкой европейской политики.

Христианско-демократическая партия одобрила договоры с нашими восточными соседями, точно так же, как перед этим социал-демократы одобрили интеграцию с Западом аденауэровского типа. Я полагаю, что это можно продолжать и сегодня. Я не согласен с этим тезисом, так как не могу отметить недвусмысленной тенденции возврата к национализму среди политических кругов ФРГ, хотя и отмечаю подобную тенденцию во многих слоях немецкого общества. Я связываю этот факт с тем, что крупные европейские решения (например, касающиеся начала переговоров о вступлении какой-либо страны в ЕС или признания за ней статуса кандидата в члены ЕС) были приняты фактически за закрытыми дверями. Это вызвало у граждан разочарование, углубило впечатление, что они не имеют никакого влияния на принятие решений, судьбоносных для Евросоюза. Это разочарование сыграло решающую роль во время референдумов о европейском «конституционном трактате» в Голландии и во Франции.

Можно было бы свести на нет популистскую эксплуатацию этого разочарования путем более энергичного вовлечения национальных парламентов в процесс принятия решений в ЕС, как это предусматривал конституционный трактат. Подобного рода решения – относящиеся к наделению государства статусом кандидата или к началу переговоров о его вступлении в ЕС – следует обсуждать в национальных парламентах. Благодаря вовлечению национальных парламентов можно было бы вернуть часть той легитимности, которую «Проект Европа» наполовину утратил.

Карл Маркс, описывая в 50-е годы XIX века бонапартистскую Францию, говорил об «автономизации исполнительной власти». Если распространится ощущение, что Брюссель выступает за автономию исполнительной власти – как Европейской комиссии, так и Европейского совета, – тогда европейская интеграция не получит той поддержки среди населения, в которой она нуждается.

Бронислав Геремек: Если мы хотим понимать Европу как общность, а не исключительно как экономический и политический альянс государств, нужно обращаться к гражданам ЕС с вопросами, нужно с ними вести диалог. Традиционная парламентская система в масштабе Евросоюза неэффективна, потому что национальные парламенты всё еще обладают более сильным чувством национальных интересов, чем правительства. Национальные парламенты с беспокойством наблюдают, что именно приходит в их страны из Евросоюза и – в отличие от правительства отдельных стран –

не участвуют в европейском процессе. И здесь возникает проблема, по отношению к которой ФРГ всегда относилась отрицательно, – проблема референдумов. Если перед гражданином европейского государства не был поставлен вопрос, хочет ли он принятия конституционного трактата или его отклонения, это уже само по себе является ошибкой. Но ошибочна и постановка такого вопроса, ибо задающий вопрос прекрасно знает, что никто или почти никто из граждан не прочитал четырехсот страниц, по поводу которых должен высказаться.

Но если спросить европейского гражданина, задав ему в один и тот же день во всем Евросоюзе вопрос, хочет ли он, чтобы у ЕС был общий министр иностранных дел или, например, хочет ли он создания европейской армии, способной на быстрое реагирование, в размере от 60 до 100 тыс. военнослужащих, тогда гражданин почувствовал бы, что и он несет свою долю ответственности за европейские проблемы. Он бы осознал, что может обладать влиянием на решение этих проблем. Таким образом и возникает гражданская нация – через ощущение, что от гражданина что-то зависит, когда он задает себе вопросы или следит за дискуссиями. Образование подобной европейской нации может изменить всю систему функционирования Евросоюза.

Однако национальные правительства боятся ставить перед гражданами подобные вопросы, потому что опросы общественного мнения показывают, что в масштабе всего Евросоюза большинство граждан испытывает недоверие к институтам ЕС. Но если бы мы использовали метод общественных консультаций, когда каждый может высказаться не по поводу решения, но по поводу самого проекта чего-то, что будет определять жизнь общества, то уже самой постановкой вопроса мы создаем гражданина, причем не гражданина каждого из национальных государств, входящих в состав Евросоюза, но гражданина самого ЕС.

Базиль Керский: Идея проведения европейских референдумов на тему расширения ЕС представляется интересной, но политически рискованной. Проведение подобного референдума в Германии, по всей вероятности, заблокировало бы вступление Польши в Евросоюз. В 2004 г. в проведенных Евросоюзом опросах общественного мнения большинство населения Германии высказалось против принятия в ЕС своего восточного соседа...

Генрих Август Винклер: В таком случае британское правительство на идею проведения европейского референдума

отреагировало бы выражением дипломатического «недоумения» («we are not amused»), так как это было бы началом формирования европейской нации, чего англичане боятся как огня – и не только англичане. Нужно также задуматься, что именно выявили результаты конституционных референдумов в Голландии и во Франции. Дело в том, что там речь шла не только о Европе, но определенную роль сыграло и множество внутривнутриполитических факторов. Во Франции широкая коалиция от крайне правых до крайне левых, от коммунистов до сторонников Ле Пена ответила «нет» прежде всего по внутривнутриполитическим причинам. Это была коалиция сил, которые на практике никогда бы не смогли сформировать коалиционное правительство. Этот опыт показывает, насколько важно трудиться над дальнейшим развитием представительской демократии, над наделением более широкими прерогативами Европейского парламента, а также национальных парламентов в отношении процессов принятия решений в Брюсселе.

Базиль Керский: Европейский референдум во Франции отчетливо показал, что в продолжительной кампании перед референдумом на первый план всё больше выдвигались внутривнутриполитические проблемы, которые уводили в сторону от основного европейского вопроса.

Бронислав Геремек: Это правда, французский референдум был в сумме голосованием за или против деятельности Жака Ширака на посту президента.

Базиль Керский: Профессор Геремек в своем замечании подчеркнул проевропейскую настроенность большинства польского общества и на его положительное отношение к конституционному трактату. (К Михнику:) Господин редактор, разделяете ли вы эту оценку? У меня скорее такое впечатление, что и в Польше было бы легко пробудить националистические настроения. Явная критика Евросоюза могла бы встретить широкое одобрение.

Адам Михник: Есть такие моменты в жизни людей и наций, что очень трудно бывает определить, что именно происходит в человеке или в обществе. Тогда почти любое высказанное мнение оказывается справедливым, по крайней мере – справедливым в отношении определенных ситуаций или определенных частей большего целого. Не подлежит никакому сомнению, что все опросы общественного мнения в Польше свидетельствуют о поддержке Евросоюза среди абсолютного большинства польского населения. Причина этого весьма проста – до сих пор все последствия вступления Польши в

Евросоюз были только положительными. Нет ни одного негативного последствия, если мы говорим об этом в масштабе всего общества.

Одновременно с поддержкой Евросоюза существует некоторый страх – страх перед переменами. Каждая перемена – а общества в определенном слое являются консервативными – может быть стрессовой ситуацией. Я, например, когда мне приходится переезжать на другую квартиру, ощущаю такой сильный стресс, что сам, по своей инициативе, никогда в жизни квартир не менял. Разве что был вынужден – и тогда приходили какие-то люди, забирали вещи, мебель, тогда уже я переезжал. Ну не люблю я этого, и всё тут. Несомненно, наши контакты с Евросоюзом приносят с собой огромные перемены. Возьмем символический пример маленького городка, который на протяжении веков располагался в долине. И тут внезапно из различных наблюдений и изысканий выясняется, что вот-вот на нас сойдет лавина, и наш городок окажется засыпанным. Ну и жители городка, которые жили там из поколения в поколение, не хотят эвакуироваться. Они не хотят перемен. Этот синдром наблюдается в Польше и в других странах, хотя и обростаёт разнообразными идеологическими обоснованиями.

Есть ещё иной, третий фактор, чрезвычайно существенный. Для значительной, консервативно настроенной части общества, те перемены в нравах, которые произошли в Европе на протяжении последних 50 лет и которые совершались без всякого участия Польши, выглядят настолько шокирующими, что нужно время, чтобы с ними освоиться. И поэтому определенные факты, наблюдаемые извне, выглядят почти гротескно, так как попросту непонятны. Как это мэр города может запретить проведения Парада Равенства, на котором с плакатами маршируют организации гомосексуалистов? С точки зрения Берлина или Парижа это непонятно, совершенно непостижимо. Но в Польше никогда прежде таких парадов не было, а если люди сталкиваются с чем-то новым, то вначале они вообще не знают, как на это реагировать.

Бронислав Геремек: Я начну ещё раз с вопроса о том, как добиться, чтобы люди почувствовали себя гражданами Европы. По поводу общеевропейских общественных консультаций я уже выступил с соответствующей инициативой в Европарламенте и попытаюсь ее провести в жизнь. При этом следует заметить, что она не будет относиться к конституционному трактату. Существует множество проблем, достойных обсуждения и решения в рамках общественных консультаций, и я считаю,

что необходимо относиться к европейскому гражданину со всей серьезностью. Это во-первых.

Во-вторых, я думаю, что этому служат и сегодняшние дебаты в Европе. Они не превращаются в широкие общественные дискуссии, но их элементы проникают глубоко в общество: подобное влияние оказали статьи Юргена Хабермаса и Жака Дерриды или то, что писал Генрих о Турции. Эти статьи давали гражданину возможность выработать и высказать свое собственное мнение. Мне кажется, что это должно относиться также и к исполнительной власти. Мы должны стремиться к тому, чтобы председатель Европейской комиссии избирался либо Европарламентом, либо общеевропейским конгрессом, в котором участвовали бы делегации национальных парламентов и делегации регионов, либо же – это самый рискованный путь, но он приведет к оживлению гражданской жизни – непосредственно во всей Европе.

Генрих Август Винклер: Профессор Геремек кратко упомянул тексты Хабермаса и Дерриды. Оба философа в контексте войны в Ираке попытались выделить элементы европейской идентичности. Я полностью согласен с их критикой иракской войны, но я не согласен с тем, чтобы определять европейскую идентичность в терминах противопоставления чему-либо, прежде всего противопоставления США, которые внесли огромный вклад в проект демократии, в политическую культуру Запада. Мы критикуем США, исходя из общих для нас ценностей, которые мы нередко весьма различно интерпретируем, но политическая культура Евросоюза – это политической культурой всего Запада, то есть своего рода трансатлантический продукт. Идея неотъемлемых прав человека, ставшая квинтэссенцией политической культуры западной демократии, была впервые сформулирована на территории британской колонии в Северной Америке, в Виргинии в 1776 г., а затем была включена в американскую Декларацию Независимости. Тринадцать лет спустя французское Национальное Собрание официально вписало идею неотъемлемых прав человека в Декларацию прав человека и гражданина и тем самым сделало ее мерилom европейской политики. Таковы наши политические традиции.

Именно из этого мы должны исходить и в дискуссиях насчет того, какая страна может или не может входить в состав Евросоюза. Новые члены должны быть решительно настроены на то – я вновь процитирую здесь Юргена Хабермаса, – чтобы абсолютно и безусловно открыться политической культуре

Запада. Такова философия, стоящая за копенгагенскими критериями, касающимися условий вступления в Евросоюз.

«Диалог», №80–81 (2007/2008)

Приведенная выше беседа состоялась в рамках цикла дискуссий «Европа, любовь моя. Польско-немецкие диалоги» Фонда «Замок Нейхарденберг» и Федерального союза Немецко-польских объединений 16 июня 2007 г. в Нейхарденберге.

Бронислав Геремек – историк, в 80-е годы советник «Солидарности», с 1997 по 2000 гг. – министр иностранных дел Республики Польша. С 2006 г. Депутат Европейского Парламента, лауреат присуждаемой муниципалитетом Ахена международной премии им. Карла Великого за 1998 г. Погиб в автомобильной катастрофе в 2008 г.

Базиль Керский – главный редактор двуязычного немецко-польского журнала «Диалог»

Адам Михник – историк и публицист, главный редактор «Газеты wyborчей»

Генрих Август Винклер – профессор истории, автор множества публикаций по истории Германии XIX и XX вв., автор двухтомной истории Германии «Долгая дорога на Запад»

Базиль Керский (обращаясь к Генриху-Августу Винклеру) :
Господин профессор, ваша изданная в 2000 г. двухтомная история Германии «Долгая дорога на Запад» заканчивается разделом «Формирование немецкой нации после 1989 года». Вы выдвигаете в нем тезис, что народы, жившие в обоих немецких государствах, в 1990 г. не были подготовлены к процессу интеграции. Несмотря на стремление к объединению Германии, идея свободы была в прежней ФРГ гораздо важнее, чем идея воссоединения нации. После объединения Германия оказалась пред трудной задачей восприятия самой себя, изобретения себя заново в качестве демократической германской нации. Насколько развилось сегодня в Германии национальное самосознание?

Генрих-Август Винклер: Примерно 30 лет назад боннский историк и политолог Карл Дитрих Брахер определил ФРГ как «постнациональную демократию» среди европейских национальных государств. Брахер хотел этим сказать, что ФРГ была нетипичным государством внутри Европейского Сообщества, так как Боннская Республика в отличие от Франции или Великобритании не была государством

национальным, Юрген Хабермас заимствовал впоследствии понятие «постнациональный» и говорил о «переходе от национальной к постнациональной структуре» в применении к международному праву, и даже рассматривал «постнациональность» как «знамение времени». В конце 1980-х в ФРГ началось движение, возглавлявшееся группировкой, которую я мог бы иронически определить как «посмертное проаденауэровское движение левых сил». Эти левые силы полностью признавали правильность политики сближения с Западом, проводившейся Аденауэром в первые послевоенные годы. Одним из представителей этих левых был Оскар Лафонтен. В 1988 году была опубликована его книга «Die Gesellschaft der Zukunft» («Общество будущего»). Лафонтен был тогда вице-председателем Социал-демократической партии (СДП) и премьер-министром федеральной земли Саар. В книге мы можем найти следующий аргумент: именно потому, что мы, немцы, испытали самые трагические последствия извращенного национализма, сегодня наше предназначение – в роли авангарда вести Европу в будущее в процессе наднациональной интеграции. То есть короче – от извращенности к предназначенности. Что ж, это смелая диалектическая эквилибристика: еще никто столь утонченным образом не обосновывал идею исторической миссии германского народа. Само это обоснование германской миссии служить примером остальной Европе не чем иным, как ужасным немецким опытом прошлого, было отвратительно.

В случае объединенной Германии уже нельзя использовать понятие постнациональной демократии среди европейских национальных государств. Мы стали национальным государством, хотя и не классического типа, но, как и все государства-члены Евросоюза, постклассическим национальным государством. А это означает, что мы должны быть готовы поделить свою суверенность с другими; именно этот факт долгое время вообще не понимали классики международного права. Европейские национальные государства сегодня должны быть готовы к частичной реализации своей суверенности совместно с другими, а частично – к передаче ее в ведение наднациональных органов и учреждений. Это – то и составляет суть постклассических национальных государств в объединении государств Евросоюза.

Базиль Керский: Каким образом это новое немецкое национальное государство может стать частью Европы, не формируя при этом склонности к гегемонии, не становясь вновь угрозой для других?

Генрих Август Винклер: Я думаю, что решение этой проблемы заключается в том, что мы научимся ответственно обращаться с этой полученной дополнительно суверенностью. Почти одновременно мы начали в 1990-е делиться полученной нами суверенностью. Ни одно федеральное правительство после 1990 г., будь то во главе с Гельмутом Колем или Герхардом Шрёдером, не было правительством националистическим, все они поддерживали европейскую интеграцию. Это относится и ко всем немецким политическим партиям, которые стремятся ответственно подходить к новым полученным правам объединенной Германии.

Тот факт, что в мире существуют нации, с исторической точки зрения является тем, что делает Европу Европой. Под этим утверждением могут подписаться сегодня все европейцы. Нации, однако, должны сегодня восприниматься как элементы европейской интеграции. Европа, к которой, как я полагаю, мы все стремимся, будет Европой национальных государств и граждан. Национальные государства будут сотрудничать друг с другом, лишь частично ограничат свою суверенность, а частично будут пользоваться ею совместно. Если они выберут этот путь, если они признают своим лозунг «Не спрашивай, что Европа может сделать для тебя, спрашивай, что ты можешь сделать для Европы», тогда у проекта европейской интеграции еще есть будущее.

Базиль Керский: Я хотел бы еще на минутку остановиться на понятии «немецкой нации». Адам Михник напомнил, как ощутимо, несмотря на непрерывность демократической традиции, изменилось в последние годы во Франции определение французской нации. А в объединенной Германии – по-прежнему ли считается общепринятым определение нации как этнически однородного национального государства?

Генрих Август Винклер: Необычайно важной вехой в современной германской истории стало гражданское законодательство 1999 года, которое вступило в силу 1 января 2000-го. Тем самым ФРГ отошла от чисто этнического определения нации. Человек сегодня немец не по происхождению и языка, а может им стать, если этого хочет и при этом выполнит определенные условия – в смысле классической формулы французского этнолога и ориенталиста Эрнеста Ренана: «нацию составляют те личности, которые хотят быть нацией». Это изменение понятия немецкой нации сближает ее с Западом.

Базиль Керский: Польша стала в этническом и религиозном отношении однородным национальным государством лишь в

1945 г. в результате этнических чисток Гитлера и изменения границ по настоянию Сталина. Польский народ был до катастрофы II Мировой войны многоэтнической общностью в полном смысле этого слова и подобным же образом определял себя политически. После 1989 г. многие польские политики и интеллектуалы ссылались на эту политическую традицию Речи Посполитой. Однако сегодня у меня создается впечатление, что эта республиканская традиция все больше теряет свое значение. Представление национал-демократов, что в основе нации лежат католическая вера и этническая принадлежность, поддерживает сегодня большинство населения. Насколько важна дискуссия между сторонниками этих различных представлениях о польской нации во внутривнутриполитическом споре?

Адам Михник: Я думаю, что спор относительно определения национальной идентичности – это не какая-то особая польская специфика. Во всех новых странах-членах Евросоюза мы видим дискуссии того же типа, что и в Польше. С одной стороны, мы имеем дело с нацией, которая понимается в этническом и/или религиозном аспекте, и такой идеей, что нация создает, как бы заполняет собой государство; с другой стороны, мы имеем дело с идеей нации, но нации открытого общества в открытом, демократическом государстве. Это спор между эксклюзивизмом и идеей инклюзивизма, идеей открытости.

Как это выглядит в Польше? Трудно абстрагироваться от того, что все историческое развитие Польши было нарушено, что на протяжении всего XIX века польское государство не существовало. В связи с этим момент, когда появились современные националистические идеи, был тем моментом, когда нации прежней Речи Посполитой, ищущие свои национальные идеи в националистических идеологиях, определялись в оппозиции друг к другу. Таким образом, национализм национал-демократов Романа Дмовского определялся через конфликт с немецким, украинским или, скажем, литовским и еврейским национализмом – это чрезвычайно существенно. Но если обратиться к тогдашним сочинениям, например, Владимира Жаботинского, то они во многих местах являются точным слепком с рассуждений, которые мы находим у Дмовского. Дмовский в какой-то из своих книг с уважением отзывается о Бисмарке, приводя более или менее такое его рассуждение (я никогда не проверял, действительно ли Бисмарк так говорил, я знаю только мысль Дмовского): что, мол, он, Бисмарк, питает даже определенную симпатию к полякам, такую, какую можно питать по отношению к симпатичной собаке; однако собака кусается, а

раз она кусается, нужно от нее избавиться – и поэтому поляков нужно уничтожать. Дмовский цитировал это рассуждение с полным одобрением – не в том смысле, что поляков нужно уничтожать, но что поляки должны научиться у Бисмарка, как относиться к нациям, которые находятся с тобой в вымышленном или же подлинном конфликте.

С одной стороны, вы правы, что для поляков жизнь в этнически однородном государстве – что-то совершенно новое, но с другой – идеи польского национализма были идеями эксклюзивистскими, исключаящими, потому что происходило формирование национального сознания, идентичности через посредство конфликта с другим, пусть даже с соседом. В этом смысле эта давняя терминология часто возвращается в новой упаковке, тем более что коммунисты, захватывая власть, с самого начала были в состоянии своеобразной идеологической и интеллектуальной шизофрении: они ссылались на идеи универсализма, интернационализма, на идеи мировой революции, но это были лишь лозунги, произносимые на торжественных заседаниях, а на практике они были строителями моноэтнического и авторитарного государства, по духу близкому к идеям предвоенных национал-демократов Дмовского. Если мы понаблюдаем за сегодняшними спорами, идущими в Венгрии, на Украине, в Румынии и Словакии, в Литве, – мы везде увидим в той или иной форме повторение того спора, который я попытался здесь описать лишь схематически и упрощенно.

Бронислав Геремек: Быть может, имеет смысл обратиться к классическому противопоставлению моделей наций в Европе: немецкой и французской. Когда Эльзас и Лотарингия были практически присоединены к Германской империи, крупнейший немецкий историк Теодор Моммзен говорил, что справедливость восторжествовала, ибо решать должны чувство этнической принадлежности и язык. На что французский историк Н.Д. Фюстель де Куланж отвечал: нет, решать должна воля граждан и, следовательно, гражданское понятие «нации».

Взглянем, например, на развитие польского национального самосознания. Сначала это сознание связи с правящей династией и сменявшимися правящими домами. Контрреформация принесла с собой отождествление шляхетской гражданской принадлежности с верой – религия стала определять национальные границы. И это в стране, которая была многоэтнической, где существовало несколько распространенных религий: в культурном ландшафте Польши рядом друг с другом располагались католическая,

протестантская, православная, униатская Церкви, синагога и даже мечеть. Возрожденная после I Мировой войны, Польша должна была заново определить отношения внутри нации, которая существовала, но была нацией такого типа, где господствовал патриотизм без государства, то есть привязанностью к общей культуре, языку, а также к этнической или многоэтнической общности. После II Мировой войны, когда Сталин – а до этого еще вместе с Гитлером – определил рамки моноэтнической Польши, то для власти, для коммунистической партии, весьма привлекательной была идея сформировать такой патриотизм, в котором не было бы даже упоминания о вере, Церкви, религии. Власть апеллировала к этническому чувству принадлежности к нации: она утверждала, что принадлежность к польской нации наследуется, что в этом нет никакого акта гражданского выбора. Так вот, когда теперь мы вступали в Евросоюз, то были убеждены, что суверенность государства будет поделена, но национальное сознание будет уважаться. Я думаю, что это по-прежнему остается реальностью в Евросоюзе – Евросоюз не только не предлагает отменить нации, но даже их укрепляет. В Ирландии много лет население практически уже не говорило по-ирландски, но под влиянием ЕС, который оплачивает обучение на национальном языке, ирландский язык возродился.

Но главной проблемой становится проблема государства: можно принять суверенность, разделенную с другими. Сегодня официальная пропаганда в Польше провозглашает, что национальное государство находится под угрозой исчезновения и что только путем признания понятия национальных интересов можно сохранить национальную культуру и интересы национального государства в условиях глобализации. Возникает вопрос: является ли Евросоюз моделью именно такого сверхгосударства, в котором суверенность не делится между отдельными государствами, но исчезает их внутренняя суверенность, – можно ли это назвать идеей «гражданства»? Дело в том, что в имперских системах, таких как Римская империя, общность создавалась именно благодаря идее «гражданства» – ты можешь быть сирийцем или греком, но ты – римский гражданин. Апостол Павел напомнил своим палачам, что он римский гражданин и поэтому они должны развязать его путы. Так что правильным путем является формирование гражданского чувства – ощущения того, что ты европейский гражданин. Я не хотел бы приуменьшать ответственность моей собственной страны за те трудности, которые испытывает сегодня Евросоюз, но хочу сказать, что это проблемы Евросоюза и Европы как целого. Мы

до сегодняшнего дня еще не создали – и я не разделяю здесь «вы» и «мы» – такого гражданского чувства, которое способствовало бы открытости: человек становится европейским гражданином и поэтому что-то приобретает. Разумеется, он приобретает определенные права, он может сказать: «Развяжите мне путы, я европейский гражданин». Это во-первых. Во-вторых, я хочу сказать, что те опасные явления, которые мы наблюдаем в Польше – например, популистское уклонение от вызовов будущего – появляются и в «старых» европейских странах. Когда правительство канцлера Шрёдера вернуло в немецкий политический дискурс понятие «национальных интересов», можно было либо почувствовать беспокойство, либо признать, что каждое государство Евросоюза имеет право на национальные интересы. Но когда затем крупные государства, Франция и Германия, наделили себя правом несоблюдения пакта о [финансовой] стабилизации, утверждая, что этот пакт противоречит их национальным интересам, то кто тогда говорил о национальных интересах в противопоставлении интересам европейским? Ответ: два крупных европейских государства! Когда канцлер Шрёдер принял от имени Германии решение об участии в строительстве Северного газопровода, то чем он это мотивировал? Интересами Германии! Главе немецкого правительства даже в голову не пришло, чтобы вопрос, где отчетливо прослеживались интересы России (то есть государства, которое не является членом Евросоюза и которое не хотело, чтобы газопровод проходил через территории Польши и Украины), обсудить с другими государствами: Польшей, членом Евросоюза, или Литвой, членом Евросоюза.

Меня сейчас интересует не полемический, а аналитический подход. С одной стороны, мы наблюдаем огромный успех европейской интеграции – и это единственный позитивный процесс XX века, а с другой – как раз в этот период мы наблюдаем не только конституционный кризис и кризис реформ европейских институтов, но и возвращения понятия национальных интересов национальных государств-членов Евросоюза, вступающего в противоречие с ощущением общеевропейских интересов.

Генрих Август Винклер: Быть может, обоснованные национальные интересы можно было бы определить именно тем, что такие интересы не противоречат общеевропейским интересам. Если этот факт выбрать в качестве какого-то критерия, то мы, Германия, в таком случае имеем, как легко заметить, немало поводов для самокритики. То, как поступал Герхард Шрёдер в вопросе о газопроводе на дне Балтийского

моря, без каких-либо консультаций с другими странами, можно указать как пример отступления назад от той черты, которую мы считали уже достигнутой. Я доволен происшедшим смещением акцентов в этом вопросе в рамках большой коалиции и считаю положительным явлением тот факт, что федеральное правительство теперь оценивает роль средних и малых государств-членов Евросоюза выше, чем это имело место совсем недавно.

Профессор Геремек говорил о моделях для Европы, и я хотел бы еще раз к этому вернуться и напомнить о возникновении проекта европейской конституции. В мае 2000 г. в Гумбольдтовском университете выступил со ставшей впоследствии широко известной речью тогдашний министр иностранных дел ФРГ Йошка Фишер. В этой речи он брал за исходный пункт то, что члены Евросоюза достигнут договоренности о том, чтобы рискнуть совершить некий «квантовый скачок» – преобразовать существующий союз государств в федерацию. Фишер чувствовал тогда поддержку со стороны Жака Делора, который определил Евросоюз как «федерацию национальных государств» («Fédration d'Etats-nations»). Однако французское понятие «fédration» и немецкое «Föderation» не совпадают друг с другом. И когда мы еще раз читаем выступление Фишера, у нас создается ощущение, что он рассматривает Германию как модель для Европы. По сути дела Фишер, выдвигая свое предложение о следующей фазе европейского процесса интеграции, имел в виду нечто наподобие федеративной модели ФРГ. Его речь была встречена за границами ФРГ с умеренным энтузиазмом. Быть может, Бельгия или Люксембург вполне охотно подписались бы под таким проектом, но французский министр иностранных дел Юбер Ведин некоторое время спустя отрицательно отнесся к этой идее. Если я не ошибаюсь, в этой речи Фишера впервые появилось предложение разработать европейскую конституцию. Эта конституция, таким образом, уже считает принятым решение о преобразовании Евросоюза в федерацию. Это революционное решение так никогда и не было принято, однако само понятие «европейской конституции» осталось – оно – то и стало обременительным для всего проекта реформ. Быть может, вместо «конституционного трактата» полезнее было бы более скромное понятие наподобие «основного трактата». Патетическое понятие «конституции» не может свестись к тому, что национальные государства по-прежнему остаются «хозяевами своих трактатов». Государства-члены Евросоюза принимают суверенные решения о подписании международных трактатов. Не существует никакого общеевропейского суверена, никакой общей совокупности

граждан одного государства – так что, реалистически подходя к исходной ситуации для нового «основного трактата», следовало бы прежде всего исходить из этих очевидных фактов.

Многие дискуссии последних лет стали бы ненужными, если бы люди осознали, что по сути дела речь идет всего лишь об определенном организационном статусе, который позволил бы расширенному Евросоюзу предпринимать правовые действия.

Сейчас главное – это сохранить суть несостоявшегося трактата, реформирующего европейские институты. По моему мнению, к этой сути относится принцип двойного большинства: большинства государств и большинства населения. Другими существенными элементами остается придание более важной роли Европарламенту и прозрачность процессов принятия решений в Брюсселе. Новый союзный трактат не нуждается в патетическом названии «конституция». Я бы рекомендовал всерьез отнестись к прусскому принципу «mehr Sein als Schein» (буквально «больше сути, меньше видимости») и не позволять, чтобы возвышенные слова пробуждали излишние тревоги или надежды.

Евросоюз стоит перед проблемой сохранения равновесия между углублением и расширением. Процесс расширения продвинулся гораздо дальше, чем процесс углубления, а углубление – это нечто большее, чем просто реформа институтов и процессов принятия решений. Профессор Геремек говорил о гражданском сознании, о Европе граждан – именно это сегодня это становится главным. Мы должны поддерживать формирование европейского ощущения общности. Каким образом Европа сможет стать политическим союзом, который научится говорить одним голосом по важнейшим вопросам? Уже довольно трудно представить себе европейское ощущение общности, которое простирается от Северного полярного круга до Пелопоннеса, но еще труднее, если вообще возможно, представить себе Европу, опирающуюся на ощущение общности и простирающуюся от Карелии до Курдистана. Когда мы говорим о состоянии Европы, мы должны задать себе также вопрос о границах ее расширения. А вопроса расширения, в свою очередь, нельзя отделять от вопроса о способности функционирования европейских институтов.

Базиль Керский: Профессор Винклер упомянул о выступлении министра иностранных дел ФРГ Йошки Фишера, касавшемся Европы. Эта речь укрепила в Европе впечатление, что Германия – это государство, которое активно выступает за чрезвычайно далеко зашедшую европейскую интеграцию, что она вообще

стремится к созданию европейской федерации, сформированной на основе опыта германского федеративного государства. Польский политолог Пётр Бурас в этом году в весьма интересном анализе указал, что подобное представление о германской европейской политике просто неверно. Проблема в том, утверждает Бурас, что Германия движется сегодня как раз в противоположном направлении, что она слишком отмежевывается от идеи европейской интеграции. Эта новая сдержанность Германии может стать в ближайшие годы крупной проблемой для Евросоюза. Господин профессор, согласны ли вы с этим тезисом? Действительно ли Германия отдаляется от идеи Аденауэра, гласящей, что чем больше Европа интегрируется, тем лучше для Германии?

Генрих Август Винклер: В Германии преобладает преимущество немецкой европейской политики. Христианско-демократическая партия одобрила договоры с нашими восточными соседями, точно так же, как перед этим социал-демократы одобрили интеграцию с Западом аденауэровского типа. Я полагаю, что это можно продолжать и сегодня. Я не согласен с этим тезисом, так как не могу отметить недвусмысленной тенденции возврата к национализму среди политических кругов ФРГ, хотя и отмечаю подобную тенденцию во многих слоях немецкого общества. Я связываю этот факт с тем, что крупные европейские решения (например, касающиеся начала переговоров о вступлении какой-либо страны в ЕС или признания за ней статуса кандидата в члены ЕС) были приняты фактически за закрытыми дверями. Это вызвало у граждан разочарование, углубило впечатление, что они не имеют никакого влияния на принятие решений, судьбоносных для Евросоюза. Это разочарование сыграло решающую роль во время референдумов о европейском «конституционном трактате» в Голландии и во Франции.

Можно было бы свести на нет популистскую эксплуатацию этого разочарования путем более энергичного вовлечения национальных парламентов в процесс принятия решений в ЕС, как это предусматривал конституционный трактат. Подобного рода решения – относящиеся к наделению государства статусом кандидата или к началу переговоров о его вступлении в ЕС – следует обсуждать в национальных парламентах. Благодаря вовлечению национальных парламентов можно было бы вернуть часть той легитимности, которую «Проект Европа» наполовину утратил.

Карл Маркс, описывая в 50-е годы XIX века бонапартистскую Францию, говорил об «автономизации исполнительной

власти». Если распространится ощущение, что Брюссель выступает за автономию исполнительной власти – как Европейской комиссии, так и Европейского совета, – тогда европейская интеграция не получит той поддержки среди населения, в которой она нуждается.

Бронислав Геремек: Если мы хотим понимать Европу как общность, а не исключительно как экономический и политический альянс государств, нужно обращаться к гражданам ЕС с вопросами, нужно с ними вести диалог. Традиционная парламентская система в масштабе Евросоюза неэффективна, потому что национальные парламенты всё еще обладают более сильным чувством национальных интересов, чем правительства. Национальные парламенты с беспокойством наблюдают, что именно приходит в их страны из Евросоюза и – в отличие от правительства отдельных стран – не участвуют в европейском процессе. И здесь возникает проблема, по отношению к которой ФРГ всегда относилась отрицательно, – проблема референдумов. Если перед гражданином европейского государства не был поставлен вопрос, хочет ли он принятия конституционного трактата или его отклонения, это уже само по себе является ошибкой. Но ошибочна и постановка такого вопроса, ибо задающий вопрос прекрасно знает, что никто или почти никто из граждан не прочитал четырехсот страниц, по поводу которых должен высказаться.

Но если спросить европейского гражданина, задав ему в один и тот же день во всем Евросоюзе вопрос, хочет ли он, чтобы у ЕС был общий министр иностранных дел или, например, хочет ли он создания европейской армии, способной на быстрое реагирование, в размере от 60 до 100 тыс. военнослужащих, тогда гражданин почувствовал бы, что и он несет свою долю ответственности за европейские проблемы. Он бы осознал, что может обладать влиянием на решение этих проблем. Таким образом и возникает гражданская нация – через ощущение, что от гражданина что-то зависит, когда он задает себе вопросы или следит за дискуссиями. Образование подобной европейской нации может изменить всю систему функционирования Евросоюза.

Однако национальные правительства боятся ставить перед гражданами подобные вопросы, потому что опросы общественного мнения показывают, что в масштабе всего Евросоюза большинство граждан испытывает недоверие к институтам ЕС. Но если бы мы использовали метод общественных консультаций, когда каждый может

высказаться не по поводу решения, но по поводу самого проекта чего-то, что будет определять жизнь общества, то уже самой постановкой вопроса мы создаем гражданина, причем не гражданина каждого из национальных государств, входящих в состав Евросоюза, но гражданина самого ЕС.

Базиль Керский: Идея проведения европейских референдумов на тему расширения ЕС представляется интересной, но политически рискованной. Проведение подобного референдума в Германии, по всей вероятности, заблокировало бы вступление Польши в Евросоюз. В 2004 г. в проведенных Евросоюзом опросах общественного мнения большинство населения Германии высказалось против принятия в ЕС своего восточного соседа...

Генрих Август Винклер: В таком случае британское правительство на идею проведения европейского референдума отреагировало бы выражением дипломатического «недоумения» («we are not amused»), так как это было бы началом формирования европейской нации, чего англичане боятся как огня – и не только англичане. Нужно также задуматься, что именно выявили результаты конституционных референдумов в Голландии и во Франции. Дело в том, что там речь шла не только о Европе, но определенную роль сыграло и множество внутриполитических факторов. Во Франции широкая коалиция от крайне правых до крайне левых, от коммунистов до сторонников Ле Пена ответила «нет» прежде всего по внутриполитическим причинам. Это была коалиция сил, которые на практике никогда бы не смогли сформировать коалиционное правительство. Этот опыт показывает, насколько важно трудиться над дальнейшим развитием представительской демократии, над наделением более широкими прерогативами Европейского парламента, а также национальных парламентов в отношении процессов принятия решений в Брюсселе.

Базиль Керский: Европейский референдум во Франции отчетливо показал, что в продолжительной кампании перед референдумом на первый план всё больше выдвигались внутриполитические проблемы, которые уводили в сторону от основного европейского вопроса.

Бронислав Геремек: Это правда, французский референдум был в сумме голосованием за или против деятельности Жака Ширака на посту президента.

Базиль Керский: Профессор Геремек в своем замечании подчеркнул проевропейскую настроенность большинства

польского общества и на его положительное отношение к конституционному трактату. (К Михнику:) Господин редактор, разделяете ли вы эту оценку? У меня скорее такое впечатление, что и в Польше было бы легко пробудить националистические настроения. Явная критика Евросоюза могла бы встретить широкое одобрение.

Адам Михник: Есть такие моменты в жизни людей и наций, что очень трудно бывает определить, что именно происходит в человеке или в обществе. Тогда почти любое высказанное мнение оказывается справедливым, по крайней мере – справедливым в отношении определенных ситуаций или определенных частей большего целого. Не подлежит никакому сомнению, что все опросы общественного мнения в Польше свидетельствуют о поддержке Евросоюза среди абсолютного большинства польского населения. Причина этого весьма проста – до сих пор все последствия вступления Польши в Евросоюз были только положительными. Нет ни одного негативного последствия, если мы говорим об этом в масштабе всего общества.

Одновременно с поддержкой Евросоюза существует некоторый страх – страх перед переменами. Каждая перемена – а общества в определенном слое являются консервативными – может быть стрессовой ситуацией. Я, например, когда мне приходится переезжать на другую квартиру, ощущаю такой сильный стресс, что сам, по своей инициативе, никогда в жизни квартир не менял. Разве что был вынужден – и тогда приходили какие-то люди, забирали вещи, мебель, тогда уже я переезжал. Ну не люблю я этого, и всё тут. Несомненно, наши контакты с Евросоюзом приносят с собой огромные перемены. Возьмем символический пример маленького городка, который на протяжении веков располагался в долине. И тут внезапно из различных наблюдений и изысканий выясняется, что вот-вот на нас сойдет лавина, и наш городок окажется засыпанным. Ну и жители городка, которые жили там из поколения в поколение, не хотят эвакуироваться. Они не хотят перемен. Этот синдром наблюдается в Польше и в других странах, хотя и обростает разнообразными идеологическими обоснованиями.

Есть еще иной, третий фактор, чрезвычайно существенный. Для значительной, консервативно настроенной части общества, те перемены в нравах, которые произошли в Европе на протяжении последних 50 лет и которые совершались без всякого участия Польши, выглядят настолько шокирующими, что нужно время, чтобы с ними освоиться. И поэтому определенные факты, наблюдаемые извне, выглядят почти

гротескно, так как попросту непонятны. Как это мэр города может запретить проведения Парада Равенства, на котором с плакатами маршируют организации гомосексуалистов? С точки зрения Берлина или Парижа это непонятно, совершенно не постижимо. Но в Польше никогда прежде таких парадов не было, а если люди сталкиваются с чем-то новым, то вначале они вообще не знают, как на это реагировать.

Бронислав Геремек: Я начну еще раз с вопроса о том, как добиться, чтобы люди почувствовали себя гражданами Европы. По поводу общеевропейских общественных консультаций я уже выступил с соответствующей инициативой в Европарламенте и попытаюсь ее провести в жизнь. При этом следует заметить, что она не будет относиться к конституционному трактату. Существует множество проблем, достойных обсуждения и решения в рамках общественных консультаций, и я считаю, что необходимо относиться к европейскому гражданину со всей серьезностью. Это во-первых.

Во-вторых, я думаю, что этому служат и сегодняшние дебаты в Европе. Они не превращаются в широкие общественные дискуссии, но их элементы проникают глубоко в общество: подобное влияние оказали статьи Юргена Хабермаса и Жака Дерриды или то, что писал Генрих о Турции. Эти статьи давали гражданину возможность выработать и высказать свое собственное мнение. Мне кажется, что это должно относиться также и к исполнительной власти. Мы должны стремиться к тому, чтобы председатель Европейской комиссии избирался либо Европарламентом, либо общеевропейским конгрессом, в котором участвовали бы делегации национальных парламентов и делегации регионов, либо же – это самый рискованный путь, но он приведет к оживлению гражданской жизни – непосредственно во всей Европе.

Генрих Август Винклер: Профессор Геремек кратко упомянул тексты Хабермаса и Дерриды. Оба философа в контексте войны в Ираке попытались выделить элементы европейской идентичности. Я полностью согласен с их критикой иракской войны, но я не согласен с тем, чтобы определять европейскую идентичность в терминах противопоставления чему-либо, прежде всего противопоставления США, которые внесли огромный вклад в проект демократии, в политическую культуру Запада. Мы критикуем США, исходя из общих для нас ценностей, которые мы нередко весьма различно интерпретируем, но политическая культура Евросоюза – это политической культурой всего Запада, то есть своего рода трансатлантический продукт. Идея неотъемлемых прав

человека, ставшая квинтэссенцией политической культуры западной демократии, была впервые сформулирована на территории британской колонии в Северной Америке, в Виргинии в 1776 г., а затем была включена в американскую Декларацию Независимости. Тринадцать лет спустя французское Национальное Собрание официально вписало идею неотъемлемых прав человека в Декларацию прав человека и гражданина и тем самым сделало ее мерилom европейской политики. Таковы наши политические традиции.

Именно из этого мы должны исходить и в дискуссиях насчет того, какая страна может или не может входить в состав Евросоюза. Новые члены должны быть решительно настроены на то – я вновь процитирую здесь Юргена Хабермаса, – чтобы абсолютно и безусловно открыться политической культуре Запада. Такова философия, стоящая за копенгагенскими критериями, касающимися условий вступления в Евросоюз.

«Диалог», №80–81 (2007/2008)

Приведенная выше беседа состоялась в рамках цикла дискуссий «Европа, любовь моя. Польско–немецкие диалоги» Фонда «Замок Нейхарденберг» и Федерального союза Немецко–польских объединений 16 июня 2007 г. в Нейхарденберге.

Бронислав Геремек – историк, в 80–е годы советник «Солидарности», с 1997 по 2000 гг. – министр иностранных дел Республики Польша. С 2006 г. Депутат Европейского Парламента, лауреат присуждаемой муниципалитетом Ахена международной премии им. Карла Великого за 1998 г. Погиб в автомобильной катастрофе в 2008 г.

Базиль Керский – главный редактор двуязычного немецко–польского журнала «Диалог»

Адам Михник – историк и публицист, главный редактор «Газеты выборчей»

Генрих Август Винклер – профессор истории, автор множества публикаций по истории Германии XIX и XX вв., автор двухтомной истории Германии «Долгая дорога на Запад»

ПОЛЬСКО-РУССКАЯ ВОЙНА

- Почему мы не любим русских?

- Начать нужно с того, что ближайших соседей вообще не любят. Французы не терпят англичан, а испанцы – французов и т.д. Я читал «Наброски перышком» [Анджея Бобковского] – записки времен II Мировой войны, – и там видно, насколько двойственным и противоречивым было отношение французов к [гитлеровским] налетам на Великобританию, а некоторые даже задумывались, кто им больше враг – немцы или англичане. Когда-то я спрашивал чехов, какой народ они любят. Мне ответили полушутя, полувсерьез, что новозеландцев, потому что они очень далеко. Во-вторых, если одно государство отнимает у другого часть территории и пытается уничтожить коренное население и лишать его национального облика, то трудно рассчитывать, чтобы поляки любили русских. В свою очередь, русские не любили поляков, в частности, из-за того, что те зазнаются и смотрят на других свысока. Возьмем, к примеру, воспоминания в «Записках из Мертвого дома» Федора Достоевского. Там ссыльные шляхтичи гордятся своими мучениями и задирают нос, потому что страдают за родину, иными словами, за правое дело.

У Марии Домбровской существует очень интересное высказывание в «Ночах и днях» – героиня читает Гоголя, Тургенева, Льва Толстого, и их произведения очень ей нравятся, но потом она говорит: «А за что же вы нас угнетаете, коль вы такие?» – подразумевается «замечательные».

Мне кажется, сейчас наблюдается отчетливый перелом, и в Польше стереотип русского меняется. На стадионе 10-летия можно купить советские ордена или папахи со звездой. Видно, как империя распродает всяческие остатки, и это означает крупномасштабную разрядку тех комплексов, которые накопились за долгие годы. Один русский, живущий в эмиграции в Париже, говорил мне: «Я ненавижу большевизм, но испытал столько унижений от французов, что, видя их страх перед советской армией, радуюсь, – для меня это какое-то удовлетворение».

- Русские в XVIII веке лишили нас территории и суверенитета, но каким было у нас представление о русском человеке и отношении к России до разделов Польши?

- Столько говорилось о нашем вхождении в Европу. Это ерунда. Мы никогда ни из какой Европы не выходили. Европа как единая военная общность никогда не существовала. Да и как экономическая общность – тоже нет. Зато она существовала как общность культурно-нравственная, и к ней мы принадлежали, так как, к примеру, учились в тех же университетах, что и французы, итальянцы или немцы. А вот Россию, равно как и Турцию, которая теперь хочет войти в Евросоюз, к этому сообществу не относили. Русские считались варварами. Отрицалось даже, что православные – это христиане. Следовательно, на русских смотрели очень даже «сверху вниз» и относились к ним с необычайным пренебрежением.

- А какими видели нас в ту пору русские?

- Русские полагали, что, возможно, свобода в Речи Посполитой и имеется, но, как они говорили полякам: «У нас один только царь, который и горлом нашим, и имуществом распоряжается, а у вас что ни боярин, то тиран». XVII век – это в России период презрения к Польше, а с другой стороны восхищения нашими достижениями. Польские интервенты, оккупанты, авантюристы – все они были людьми, знавшими западную культуру, привозившими с собою в Москву латинские книги, и именно они помогли завязать первые сколько-нибудь прочные культурные контакты России с Западом. Но это отнюдь не означает, что пребывание поляков в Кремле принадлежит к числу славных страниц нашей польской истории.

Александр Брюкнер очень любопытно заметил в свое время, что каждый раз установление Россией культурных контактов с Западом означало конец польского культурного влияния. При Петре I русские непосредственно контактировали с Францией или Англией, а при Горбачеве у них исчезла потребность в том окне в мир, которое было довольно широко открыто в ПНР, потому что они сами открыли себе двери.

В России трудно в это поверить, но в XVI в. там напечатали всего 17 наименований книг – и все они были церковными. За этот период в Польше было опубликовано шесть тысяч книг. Русские переводили наши сочинения, и они распространялись среди тамошней элиты. При российском дворе во второй половине XVII в. польский язык играл такую же роль, как французский язык – в тот же период при польском дворе. В российской историографии – уже не советской – принят сейчас тезис, что всё русское барокко представляло собой запоздалое Возрождение, возвращенное и построенное на польских корнях.

- Но ведь уже Советский Союз гордился гигантским количеством издававшихся книг.

- В Советском Союзе некоторые книги печатались тиражом 50-100 экземпляров и распространялись среди членов политбюро. Собственными глазами я видел такое издание моей любимой книги, своего рода памфлета на Французскую революцию, - «Боги жаждут» Анатоля Франса. Революция представлена там в таком свете, что выглядит посмешищем, и она порождает слишком много ассоциаций с террором и постоянными торжествами, чтобы публиковать эту книгу большим тиражом. Лишь только после смерти Сталина эту книгу стали публиковать тиражом побольше.

Интересно вращается колесо истории. Когда в XVII в. король Сигизмунд III хотел после бунта Миколая Зебжыдовского избавиться от анархизирующей шляхты, то придворная пропаганда подталкивала последнюю к участию в покорении России. При этом говорилось: «Московиты более многочисленны, но это варвары, и вы с ними справитесь так же, как испанские конкистадоры совладали с толпой индейцев». Наступает конец XVIII в., разделы Польши, и в ту пору у нас о русских говорится, что это конкистадоры, которые нас завоевали и относятся к полякам, словно к индейцам.

В свое время, в 1920-е, главой советской дипломатической миссии в Варшаве был назначен один из убийц Николая II и его семьи [П.Л.Войков]. Польский МИД запротестовал против этого. Тогда Чичерин - кстати говоря, аристократ, исполнявший у большевиков роль министра иностранных дел, - сказал: «Ведь вы же на протяжении всего XIX века хотели убивать царей. Так в чем же дело сейчас?»

- Кто первым начал не любить вторых - мы русских или они нас?

- Одновременно. Предмет спора и столкновения между нами составляла Литва. Русь была слаба, и Литва захватила те русские земли, которыми та раньше владела. Соперничество продолжалось, и на этом фоне обязательно должно было дойти до конфликтов.

- В России мы имели дело (а, может быть, и до сей поры имеем) с сакрализацией власти, тогда как на Западе выработалась система контроля власти. Пожалуй, не так уж странно, что обладавшие золотой шляхетской вольностью поляки не испытывали особых симпатий к народу, который терпел ярмо деспотизма?

- Русские считали, что золотая вольность – это анархия. Принципиальная разница заключалась в том, что у нас политическая оппозиция всегда считалась гражданской добродетелью, а у них – преступлением. Человек, который выступает против власти, непременно должен быть безумцем. Царь Николай I велел объявить Чаадаева сумасшедшим. Писатель был отдан под надзор своего личного лекаря, посещавшего его раз в месяц. Это случилось за сто лет до того, как Советский Союз начал заталкивать диссидентов в «психушки». На мой взгляд, не без причины в СССР не устроили в свое время особой шумихи вокруг уотергейтской аферы. Что для россиян означает фраза: «...установлена нелегальная подслушивающая аппаратура в штаб-квартире оппозиции»? Ведь это же оппозиция нелегальна, а власти позволено всё!

- На все ли времена сформировалась в России одна, а в Польше другая ментальность власти и подданных? Быть может, именно это различие и образует фундамент взаимной неприязни?

- Приведу иной пример. У нас в Польше повсеместно презирали профессию палача. Ему полагалось жить за городскими стенами, выбирать себе жену из числа приговоренных и т.д. А вот если в России (вплоть до времен Екатерины II) происходила публичная казнь, то палач мог в любую минуту подобрать себе помощника из толпы, собравшейся поглядеть, и тот не мог отказаться. Документально зафиксирована такая отвратительная деталь. Однажды кто-то хотел отказаться, и Иван Грозный заметил это. Тогда он повелел, чтобы человек, не желавший участвовать в казни, отрезал у приговоренного гениталии и сам их съел.

- Не только поляки с ужасом смотрели на Россию и русских. Маркиз Астольф де Кюстин в своей книге «Россия в 1839 году», которая разошлась по Европе в сотнях тысяч экземпляров и переводилась на много языков, писал о деспотизме, всепроникающем страхе, маразме, атрофии творческих подходов и с сочувствием высказывался о судьбе поляков. Он настолько симпатизировал нам, что не захотел возвращаться во Францию через Царство Польское, дабы не столкнуться с нашими недостатками, которые все-таки должны были у нас, по его мнению, иметься.

- Да, но Кюстин был исключением. Адам Мицкевич писал о настолько уступчивом и раболепном отношении французского правительства к России, что, по его мнению, дело может дойти до того, что казаки вновь расположатся биваком на Елисейских Полях. Уже в XVIII в. подкупленные энциклопедисты

прославляли правление Екатерины II. Когда Вольтера упрекали, что он так лестно пишет о деспотизме царей, тот ответил: «Да, но я такой мерзляк, а она прислала мне великолепную шубу». Философы XVIII в. были настолько очарованы Россией, потому что царица вводила их в заблуждение, представляясь человеком эпохи Просвещения. А они поверили, что имеет место идеальный случай, когда могучая властительница в варварской стране способна проводить их идеи в жизнь. Нужно также отметить, что французы мало интересовались польскими проблемами. Когда на исходе XIX в. происходило торжественное перезахоронение Мицкевича на Вавеле [в Кракове, тогда принадлежавшем Австро-Венгрии], газета «Фигаро» написала, что царь смягчил свою политику по отношению к Польше, разрешив похоронить останки великого антирусского писателя на Вавеле... под Варшавой. А когда после окончания I Мировой войны в Польшу ехал первый французский посол, он был убежден, что у нас большинство населения говорит по-русски.

- А была ли неприязнь русских к Польше составным элементом их недоброжелательного отношения к Западу в целом? Вдобавок православные еще и видели в католиках виновников раскола вселенского христианства.

- Это связано с моей любимой теорией заговоров, в которую я не верю, но которую изучаю. Итак, нам приятно считать себя такими могучими, что против нас затевается заговор. По мнению православной пропаганды, главная цель Рима всегда состояла в уничтожении православия. Тем временем в Речи Посполитой XVII века печаталось кириллицей больше книг, чем в России. А когда на границе эти книги изымали, то их сжигали. При этом утверждалось, что хотя они и распространяют православную веру, но в действительности заражены «латынской ересью». Второй фактор неприязни состоял в том, что русские отлично знали: мы им портим репутацию на Западе. А третья причина: люди вообще не любят тех, кого обидели и кому причинили вред, а обиженные к тому же еще и предъявляют какие-то претензии.

Мало кто знает, но как раз мы начали портить мнение о русских на Западе. Стефан Баторий был первым из польских королей, которому пришла в голову мысль, что когда он отправляется на войну, то ему нужны не только гусары, пехота, мощные осадные машины, но и полевая типография. Там он печатал всякие бумажки, причем не только латиницей, где изображал свою победу на востоке как триумф над ордами чудовищных варваров.

- Каким выглядел этот варвар в подобных пропагандистских публикациях?

- ...Жестоким, безжалостным, малопросвещенным. Шляхта, как мы уже говорили, не могла питать уважения к тем, кто так легко позволяет тиранической власти подчинить себя. Вроде тех татар, которые у Сенкевича говорят, что надо их побыстрее вешать, а то Кмитиц гневается.

- Может быть, как раз некая вынесенная Пилсудским из молодости неприязнь к русским и привела к тому, что он не помог «белым» и не спас Россию и весь мир от большевизма?

- По сей день остается нерешенным вопрос о том, не Пилсудский ли предрешил победу большевиков, отказавшись помочь белым генералам. Не знаю, были ли эти генералы настолько честными либо попросту настолько глупыми. Большевики обещали всё на свете и не намеревались сдержать ни единого из своих обещаний. Когда Пилсудский спрашивал у белых генералов, что будет после того, как он им поможет, те отвечали, что после победы об этом примет решение Учредительное собрание, а они сами ничего обещать не могут. Финны тоже были в 1918 г. готовы нанести удар по Петрограду, но и им генералы тоже не хотели давать конкретных обещаний.

- А вы думаете, что если бы они обещали, то Пилсудский им бы помог?

- Помог бы. Он знал одно: если его станет атаковать красная Россия, то он может рассчитывать на какую-никакую помощь Запада, но если нападающей стороной будет белая Россия, то нет. Нас отдали Советскому Союзу в 1945 году. Мы оказались едва ли не первым государством в истории, которое сражалось на стороне победителей, но после победы вышло из войны территориальными потерями и утратив суверенитет. Тем более нас отдали бы России тогда, в 1920-м.

- Приглядимся повнимательнее к тому, что, может быть, объединяет нас с Россией, - к той особенной ситуации, в которой и поляки, и русские начинают считать, что Бог предназначил им неповторимую миссию.

- Россия считала себя Третьим Римом. У нас так далеко никто не зашел. Русские, как и мы, видели самих себя в качестве оплота и твердыни христианского мира. В 1980 г., в 600-ю годовщину Куликовской битвы, поэт Евтушенко написал, что если бы русские тогда не разбили татар, то не было бы Эйфелевой башни и культуры Ренессанса и что они спасли

культуру Европы. Появлялся тот же самый аргумент, что у нас в Польше в XIX в.: «Мы не могли развивать культуру в такой же степени, как на Западе, потому что должны были ее защищать». В связи с этим русские считали, что когда они защищают культуру, православие, а мы с ними боремся, то тем самым нарушаем славянскую солидарность и вбиваем им «нож в спину».

- В нас видели также Иуду общеславянского дела, трамплин для вероломных предателей-иезуитов, для тех, кто вместо того, чтобы творчески разжигать в себе славянский первоэлемент, идут поверхностным, облегченным путем и по-обезьяньи копируют Запад, хотя ради собственного блага должны держаться вместе с Россией. К счастью, были также - что мы знаем от Мицкевича - и «русские друзья», например декабристы.

- Благородный Бестужев, тот самый, из стихотворного послания Мицкевича «К русским друзьям», в реальной действительности рвался в 1831 г. на борьбу с поляками, которые, по его мнению, никогда не будут искренними друзьями русских. «Кровь их зальет, но навсегда ли? Дай-то Боже», - писал он. И жалел, что сидит в Сибири ^[1], ибо охотно сразился бы с «панам-добродееми». Декабристы выступали за «Россию великую» и по-своему демократическую, но к полякам они относились вряд ли дружелюбно.

- У нас есть и другой литератор-пророк - Зыгмунт Красинский и его стихотворение «К москалям». Вот цитата оттуда: «Коль мог бы задушить вас всех в одном объятье / И ввергнуть всех в одну и ту же пропасть, / То после вашего ниспроверженья в ад хотел бы стать...» [перевод подстрочный] Лирический герой не различает угнетаемых и угнетателей, а лишь ненавидит всех русских.

- Мы не любим русских, потому что они победили нас и в политическом, и в военном смысле, а мы старались как-то компенсировать этот комплекс проигравшей и надломленной стороны. Кроме того, у русских не было того, чем они могли бы нам особо импонировать. Мерошевский, один из столпов парижской «Культуры», высказал меткое замечание о том, как нам повезло, что в 1917 г. не победили кадеты, потому что если бы это они внедрили демократию и благосостояние, то поляки оказались бы весьма податливыми к русификации.

- И все-таки определенная русификация происходила.

- Да, но она тормозилась памятью о вооруженных конфликтах, а более всего, на мой взгляд, - репрессиями. Добавим к этому наше ощущение культурного и морального превосходства над русскими.

- Однако в Москве мы в первые годы XVII в. учиняли жуткие вещи. «Не токмо бояр, мужиков и девиц секли, но даже младенцев у материнской груди надвое рассекали». Это фрагмент польского донесения.

- Да, постоянно происходили обращения к прошлому. 1612 год представляет собой одну из нескольких самых важных дат в сознании русских - наряду с 1812-м, 1917-м и Отечественной войной 1941-1945 гг. Польская оккупация Кремля и совершавшиеся тогда жестокости служили и часто продолжают служить оправданием тех актов насилия, которые русские на протяжении трех столетий творили над поляками. Даже резня Праги [правобережного района Варшавы, 1794] считалась справедливым возмездием. Александр Пушкин писал: «И вы, бывало, пировали / Кремля позор и царский плен, / И мы о камни падших стен / Младенцев Праги избивали». Как и сегодня, когда мы начинаем говорить о Катыни, - русские вспоминают о якобы 60-90 тыс. военнопленных, погибших в польском плену в 1920-м.

- Когда мы, говоря о несuverенной Польше, можем говорить о сотрудничестве, а когда - о коллаборационизме? Да и вообще - имеет ли здесь смысл такое слово?

- Не надо смотреть на те времена только через призму тех, кто погибал и страдал. Установлено, что на полмиллиона ссыльных поляков набрались тысячи тех, кто сделал там состояние и карьеру. Это были параллельные течения. В коренной России, чтобы идти вверх по ступенькам социальной иерархии, не требовалось переходить в православие, как в Царстве Польском.

- А на территории Царства знали об этих польских карьерах и состояниях? Каково было отношение к ним? Сталкивались ли такие поляки с остракизмом?

- О них знали, но старались замалчивать происходящее или морально сомневаться в нем. Поляков убеждали, что те, кто сделал карьеру и состояние в России, - это отступники, отщепенцы, фигуры, подозрительные в моральном отношении. Стендаль говорил, что роман - это зеркало, которое несут по большой дороге жизни. Я утверждаю, что наша литература ходила только по тропинкам национальной мартирологии. В Польше петербургских карьер не

демонстрировали из дидактических соображений. Об остракизме, пожалуй, не может быть и речи, потому что эти богатые поляки не тратили свои состояния на девиц легкого поведения и предметы роскоши, а очень часто помогали научным учреждениям в Царстве Польском. Например, Варшавское научное общество жило на доходы от сырой нефти, добывавшейся на Кавказе. Кто знает, возможно, часть такого рода богачей хотела немного развеять угрызения совести, вызванные таким везением на российской службе. Нужно сказать, что, зарабатывая подобные, зачастую фантастические состояния, никто не терял возможности быть польским патриотом.

- Чему учатся в России по учебникам истории?

- Часть историков занимает позицию даже не советскую, а царскую. Несомненно, молодежь учится восхвалять царей и прославлять их победы. То, что реально воздействует на массы, - это, к примеру, такие фильмы, как «Сибирский цирюльник» Никиты Михалкова, с его безусловной националистической направленностью.

- Когда читаешь современные известия из России, то видишь оживающий национализм - кстати говоря, они тоже аналогичным образом интерпретируют события у нас в Польше. Каким образом, на ваш взгляд, русские справляются с осознанием крушения своей империи?

- Они это страшно переживают. Им столько лет объясняли, что если приходится выстаивать в очередях, то зато весь мир их боится, так как у них есть атомная бомба, они летают в космос и борются за лучший мир. До возникновения Советского Союза в истории не бывало такой империи, где населению метрополии жилось бы хуже, чем в колониях. А ведь именно такая ситуация существовала в Чехословакии, даже в Польше. Многие люди говорили мне в Москве: «У нас было плохо, потому что нам приходилось вас содержать, ибо вы не организовали у себя колхозов...»

- Мне кажется, что в России до сегодняшнего дня сохраняется уверенность в нашей неблагодарности. И если раньше мы, поляки, бунтуя, «изменяли славянскому делу», то и теперь мы точно так же совершаем нечто, по их мнению, похожее, когда входим в Евросоюз и, что еще хуже, в НАТО. Согласны ли вы, что можно говорить об определенной непрерывности, преемственности российского восприятия Польши?

- Да, а в дополнение к этому русские считают, что пролитой кровью они каким-то образом обрели право на ту землю, которую освободили.

- А как протекают расчеты российских граждан с их собственным советским прошлым? Когда Энн Эпплбаум напечатала книгу «ГУЛАГ: история», то оказалось, что ни одно издательство в России не заинтересовано в ее публикации.^[2]

- После периода перестройки и гласности, когда много писалось о коммунистических преступлениях, наступила, возможно, некоторая усталость. Хотя надо помнить, что в лагерях сидели главным образом русские. Посему они – вполне обоснованно – чувствуют себя жертвами и пока что не хотят возвращаться к этой теме. Это каким-то образом понятно. По мнению Солженицына, большевистская революция была таким свинством, что русские не могли устроить ничего подобного своим соплеменникам. Именно поэтому, с его точки зрения, руководящую роль в ней сыграли «иноземцы»: евреи, латыши, поляки или даже китайцы. Есть такой анекдот о Дзержинском, который объясняется перед соотечественником: «В чем вы меня обвиняете? Кто убил больше москалей? Наши повстанцы в XIX веке или я?»

Вел беседу Томаш Дятловицкий

Журнал «Фокус» (www.focus.pl) от 16 июля 2008 г.

1. В армии на Кавказе. (Впрочем, поляки любое место каторги и ссылки привыкли называть Сибирью.) – Ред.
2. Книга Энн Эпплбаум в России вышла лишь только после ее польского издания. – Ред.

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

- 90-я годовщина обретения Польшей независимости.
«Шестнадцать глав государств и правительств, в основном из Центральной и Восточной Европы, и восемнадцать делегаций из других стран встретятся 11 ноября на торжественном приеме у президента (...) Сначала завтрак в Королевском замке, затем концерт и банкет в Большом театре (...) Приглашены также многочисленные представители 27 организаций Полонии со всего мира». («Дзенник», 7 ноября)
- „«11 ноября 1918 г. Германия подписала акт о капитуляции, положивший конец I Мировой войне. 10 ноября (...) Юзеф Пилсудский прибыл в Варшаву (...) С 7 ноября в Люблине действовало Временное народное правительство Польской Республики. Уже 14 ноября это правительство передало Пилсудскому «свои обязанности и ответственность перед польским народом» (...) 16 ноября правительства стран Антанты и других государств получили депешу, извещавшую о существовании польского государства, подписанную верховным вождем Пилсудским и министром иностранных дел Титусом Филиповичем (...) Норман Дэвис пишет о Польше так: «Она возникла сама по себе, из вакуума, образовавшегося после падения трех разделивших ее держав» — Австро-Венгрии, Германии и России»". (о. Адам Бонецкий, «Тыгодник повсехный», 9 ноября)
- «После 1918 г. окруженная со всех сторон врагами, оказавшаяся между молотом и наковальней, Польша долгие годы боролась за выживание (...) Сегодня все ясно: НАТО, ЕС, хорошие отношения с соседями, союз с Америкой. Границы, с которыми мы вступили в XXI век, безопасны и хорошо скроены, настолько, что сегодня мы можем спокойно от них отказаться. И еще одно: в 1989 г. у нас была модель, проверенный на Западе стандарт, который можно было позаимствовать и применить. В 1918 г. было не совсем понятно, что перенимать, кроме всеми поддерживаемой и ожидаемой демократии, которая вышла победительницей из I Мировой войны, но, как стало ясно впоследствии, была слишком слаба, чтобы в последующие десятилетия остановить антидемократические процессы,

слишком слаба, чтобы удержаться в Польше». (Веслав Владыка, «Политика», 8 ноября)

- „Лех Валенса оказался в группе «двенадцати» мудрецов, которые должны обсуждать будущее Евросоюза (...) Состав группы предложил ее председатель, бывший премьер-министр Испании Фелипе Гонзалес”. («Газета wyborcza», 14 окт.)

- „В субботу в Ареццо сын Бронислава Геремека Мартин получил премию «Еурога», посмертно присужденную его отцу Фондом имени бывшего премьер-министра Италии Альчиде де Гаспери. В этом году премия — дань памяти «одному из лидеров „Солидарности” и великому европейцу». Учредители премии подчеркнули, что Геремек сочетал в себе «дисциплину историка, гражданское рвение политика и мышление государственного мужа», а также «сыграл ключевую роль в деле возрождения демократической Польши и строительства новой Европы». («Газета wyborcza», 20 окт.)

- „Владислав Бартошевский получил Европейскую премию. «Это выдающаяся личность, человек, сидевший в тюрьмах двух систем — нацистской и коммунистической. Он никогда не забывал о человеческих ценностях, всегда имел смелость противостоять этим системам», — подчеркнул проф. Йозеф Хехтль на прошедшем в Вене торжественном вручении Европейской премии им. Куденхофа-Калерги за 2008 год. Рихард Куденхоф-Калерги (1894-1973) был одним из творцов современной европейской идеи. Фонд его имени раз в два года присуждает премию людям, которые «своей деятельностью, а также публикациями служат политическому развитию Европы, способствуя упрочению свободы и единства континента». («Тыгодник повсехный», 2 ноября)

- Бывший премьер-министр Венгрии Виктор Орбан о Польше: «Поверьте, у вас в самом деле многое получилось. Вы добились экономического и политического успеха (...) У вас стабильная экономика, более оформленная политическая сцена. Нельзя недооценивать и роль католической Церкви. Ваше самосознание стало прочнее, вы более умело защищаете свои интересы. Мне нравится и ваше отношение к России, то, что вы умеете убедить Европу в своей правоте (...) Я знаю, что поляки любят жаловаться на жизнь, но в данном случае вы неправы». («Впрост», 26 окт.)

- «Мировой кризис не пошатнет польскую экономику. По мнению большинства экономистов, замедление развития не будет слишком болезненным и продлится около двух лет (...) До

конца 2010 г. наша экономика будет развиваться в темпе 2,5–4% в год». («Жечпосполита», 21 окт.)

- «Доходы богатых поляков в 13,5 раза выше, чем зарплата малообеспеченных. В Швеции и Дании эта пропорция составляет лишь 5:1. По данным опубликованного вчера отчета Организации экономического сотрудничества и развития, в Польше разрыв между доходами самых беднейших и самых богатых граждан — один из самых больших на Западе». («Дзенник», 22 окт.)

- «С ноября газ в Польше снова подорожает. По оценкам Управления по регулированию энергетики, счет за отопление квартиры достигнет в среднем 400 злотых в месяц». («Газета wyborча», 22 окт.)

- «Злотый падает. Вчера он перешел рубеж 2,40 злотых за швейцарский франк и 2,80 за доллар. Евро стоит уже 3,67 злотых. Взносы по кредитам в иностранной валюте растут в устрашающем темпе (...) Инвесторы бегут из регионов, считающихся рискованными (...) Запад теряет доверие к Польше, потому что валит нас в одну кучу с Украиной и Венгрией. А там свирепствует кризис». («Дзенник», 22 окт.)

- «Лишь за несколько десятков часов, с утра понедельника до вечера среды, злотый упал на 27 грошей к евро и почти на 25 грошей к франку. Это означает падение на 6–9%. Столько можно накопить на банковских вкладах за... год». («Жечпосполита», 23 окт.)

- «Вчера цена евро была близка к 4 злотым, доллар стоил до 3,10, а швейцарский франк — 2,66 злотых (...) Взносы по кредитам сильно дорожают. Инвесторы распродают польские акции, облигации и злотые. Вчера в течение дня цена евро подскочила на целых 20 грошей! Потом злотый наверстал упущенное (...) но валютный рынок сейчас непредсказуем». («Газета wyborча», 24 окт.)

- «Падение злотого достигло предела. В полдень, после того как за доллар платили 3,15 злотых, а за швейцарский франк давали 2,30, ситуация изменилась на 180 градусов (...) До конца дня курс доллара к злотому упал почти на 20 грошей (...) Злотый укреплялся и по отношению к другим валютам». («Дзенник», 25–26 окт.)

- «Впервые за три года уменьшилось количество объявлений о вакансиях — как в Интернете, так и в печати. Уже несколько месяцев не растет число вакансий, заявляемых фирмами в

центрах занятости. Почти не изменяется и уровень занятости на предприятиях с численностью работающих более 9 человек. Рынок труда насыщен, — предостерегают специалисты». («Жечпосполита», 27 окт.)

- «Кризис ограничивает приток иностранных инвестиций. По подсчетам Польского агентства информации и иностранных инвестиций (ПАИиИ), уже в этом году их объем уменьшится с прошлогодних 17,8 до 10 млрд. евро. Еще хуже выглядят прогнозы на 2009 год». («Жечпосполита», 28 окт.)

- „Рейтинговое агентство «Standard & Poor's» снизило вчера прогноз по долгосрочному рейтингу Польши в иностранной валюте с позитивного до стабильного. В то же время оно подтвердило неизменность рейтинга внешних и внутренних обязательств, а также стабильный прогноз по рейтингу в национальной валюте. Рейтинг — это долгосрочная оценка платежеспособности по финансовым обязательствам. Оцениваются государства, города, фирмы и облигации. Прогноз рейтинга показывает, в каком направлении может измениться рейтинг, и обычно касается периода от 6 месяцев до 2 лет (...) Эксперты S&P подтвердили, что ослабленный внешний спрос, ужесточенные условия предоставления кредитов, а также более высокие расходы по финансированию приведут к замедлению экономического роста (...) Замминистра финансов Катажина Зайдель-Куровская (...) заявила (...): «Я считаю решение S&P положительной информацией. Если агентство, тщательно изучив фискальную и макроэкономическую ситуацию в нашей стране, оценивает прогноз рейтинга как стабильный, значит, основы нашей экономики крепки»». («Дзенник», 28 окт.)

- «Принятый вчера правительством план вступления в зону евро улучшил настроение инвесторов. От этого выиграли злотый и варшавская биржа. Наша валюта подорожала по отношению к швейцарскому франку на 9 грошей. Еще утром франк стоил 2,62 злотых, а вечером уже 2,53 (...) По отношению к евро злотый укрепился на 3,5%, к доллару — на 2,6% (...), к швейцарскому франку — на 3,18%». («Дзенник», 29 окт.)

- «В течение дня злотый все время укреплялся, а индексы цен на варшавской бирже шли вверх. Хотя польский финансовый сектор чувствует себя неплохо, нам не удастся избежать замедления экономического роста. Вчера это признал Совет монетарной политики (...) Согласно прогнозам, экономический рост в будущем году составит от 1,7 до 3,5%. Диапазон этот обусловлен неясностью дальнейшего хода кризиса (...) За день польская валюта выросла на 2,5% по отношению к евро, на 2,73% — к доллару и на 2,22% к франку». («Дзенник», 30 окт.)

- «Согласно последнему отчету Всемирного банка, у Польши сильные экономические основы, благодаря чему в будущем году ВВП будет расти в темпе 4%. Эксперты предсказывают, что в этом году рост в Польше составит 5,4%, а инфляция — 4,2%, причем в будущем году она снизится до 3,4%». («Жечпосполита», 31 окт.)

- «В рамках организованного МВФ пакета помощи стоимостью 6 млрд. долл. Польша одолжит Исландии 200 млн. долларов». («Газета выборча», 8–9 ноября)

- «По данным Евростата, уровень безработицы в Польше снизился до 6,5% (...). Падение безработицы в нашей стране было самым быстрым в ЕС (...) По данным Главного статистического управления (ГСУ), в сентябре уровень безработицы в Польше составил 8,9% (подсчитан иными методами, нежели в Евростате)». («Жечпосполита», 3 ноября)

- «По данным Польского национального банка, в сентябре объем вкладов домашних хозяйств увеличился на 2,5 млрд. злотых — до 305 миллиардов. Это гораздо более медленный прирост, чем в предыдущие месяцы (...) В сентябре уменьшился объем средств на счетах с самыми низкими процентами, а вклады, за которые банки платят гораздо больше, выросли почти на 6 млрд. злотых». («Газета выборча», 5 ноября)

- „О том, что поляки не теряют доверия к банкам, свидетельствует рост вкладов домашних хозяйств (...) Активы польских банков в десять раз больше их собственного капитала. Иначе говоря, 90% активов польских банков финансируется из средств, которые банкам не принадлежат (в основном это вклады). В этом отношении польская банковская система — одна из самых безопасных в мире. К примеру, в швейцарских банках стоимость банковских активов в 29 раз превышает их собственный капитал, а в немецких — в 59 раз (...) На сегодняшний день польская банковская система не требует дополнительных вливаний капитала (...) Например, в «Пекао» вкладов больше, чем кредитов на 15,9 млрд. злотых, а в ПКО БП — на 7 миллиардов”. (Александр Пинский, «Впрост», 9 ноября)

- «Лешек Бальцерович стал членом элитарной группы выдающихся экономистов, которые по заказу ЕС должны разработать план предотвращения финансовых кризисов». («Тыгодник повшехный», 2 ноября)

- «Президент Лех Качинский передал европейским лидерам в Брюсселе то, что за день до этого постановил Совет министров. Он поддержал французский план реформы международных

финансов и заявил, что у Польши есть проект скорого вхождения в зону евро». («Дзенник», 8–9 ноября)

- «Экспансия франчайзинга меняет лицо польской экономики — это один из ее важных стимуляторов. В стране действует уже более 400 франчайзинговых сетей (...) а их обороты достигнут в этом году 60 млрд. злотых, что соответствует 5% нашего ВВП (...) Большинство клиентов даже не догадывается, что пользуется услугами частного предпринимателя, который ведет дело на свой страх и риск, хоть и под вывеской широко известной фирмы, которой ежемесячно перечисляет постоянную или зависимую от оборотов оплату (...) Для фирм создание франчайзинговой сети — простейший способ экспансии на рынке. Найти партнера по бизнесу, предоставить ему свою марку, ассортимент и ноу-хау, но вместе с тем и большую часть расходов, от обустройства помещения до зарплаты сотрудникам, — это намного дешевле, чем открыть магазин или пункт обслуживания за свой счет». (Милош Венглевский, «Ньюсуик-Польша», 9 ноября)

- «Вузовские инкубаторы предпринимательства действуют уже в 31 вузе по всей Польше (www.inkubatory.pl). До сегодняшнего дня их помощью воспользовалось 600 фирм. Они помогают молодым людям (студентам и выпускникам до 30 лет) вести собственное дело. Студенты, предлагающие особенно интересные идеи и бизнес-планы, получают от инкубатора юридическую и бухгалтерскую помощь, офис с оборудованием, а также помощь в рекламе и продвижении на рынке (...) Инкубаторы предпринимательства — это предложение не только для студентов. Они действуют и вне вузов, помогая начинающим бизнесменам пережить первые, самые трудные годы существования фирмы». (Эстер Крумм, «Ньюсуик-Польша», 9 ноября)

- „Лучшее доказательство хорошей конъюнктуры в предпринимательстве — то, что открыть свою фирму стремятся люди, делающие карьеру в корпорациях. По сведениям консалтинговой фирмы «Reed», для которой ЦИОМ опросил 600 представителей руководящего состава фирм, каждый второй менеджер подумывает об открытии собственного предприятия (...) Исследование «Работающие поляки-2007» было проведено социологами варшавской Главной торговой школы по заказу Польской конфедерации частных предпринимателей «Левиафан». Из него следует, что поляки перестали видеть в предпринимателях бездушных кровопийц и оценивают их очень высоко”. (Мирослав Сикорский, «Ньюсуик-Польша», 9 ноября)

- «Дональд Туск посетил с визитом Китай, где принял участие в Польско-китайском экономическом форуме». («Тыгодник повсехный», 2 ноября)

- «Вчера в беседе с Дональдом Туском, пребывающим с визитом в Пекине, премьер-министр Китая Вэнь Цзябао обещал отменить запреты на продажу польских продуктов питания, особенно суровые в отношении свинины. Китайские лидеры заверили Туска, что экономические отношения с Польшей важны для Китая и будут рассматриваться как приоритетные. Китайцы заинтересованы в покупке у нас меди, горного и электротехнического оборудования, а также в сотрудничестве при внедрении технологий, обеспечивающих эффективное использование угля и позволяющих использовать это топливо в соответствии с нормами охраны окружающей среды». (Збигнев Лентович, «Жечпосполита», 24 окт.)

- «В Польшу прибыли новые тибетские беженцы. Среди них родители 18 летней Чиме Янгдон, для которой (...) наша страна стала вторым домом. Она попала сюда благодаря польской буддистке Дрольме, а также Катажине и Петру из Варшавы, которые организовали экспедицию с помощью в тибетскую деревеньку Голок (...) Прибывших больше, так как в Варшаву приехали еще полтора десятка членов тибетского фольклорного ансамбля. Их тоже преследовали в Китае, некоторые пережили и кошмар китайской тюрьмы (...) Поляки, помогающие беженцам, утверждают, что ненависть китайцев к тибетцам чувствуется на каждом шагу». (Кшиштоф Пац, Малгожата Минта-Кобус, «Дзенник», 14 окт.)

- Радослав Пыффель, директор Исследовательского центра «Польша-Азия»: „Польская политика в отношении Китая изменилась на 180 градусов (...) Начиная с демократического перелома 1989 г. вплоть до настоящего времени мы вели по отношению к Китаю прометеевскую политику (...) Мы напоминали о правах человека, заступались за диссидентов. А купеческая дипломатия — это прежде всего выгода (...) Вопрос прав человека был инструментализирован обеими сторонами. Если нужно надавить на Китай, добиться лучших контрактов, тогда речь заводится о правах человека. Если кто-то упоминает о правах человека (...) китайское правительство подписывает контракт с конкурентом (...) Если кто-то хочет делать в Китае бизнес, он не говорит о правах человека, о Тибете, о Тайване. Если бы Туск об этом упомянул, он бы ничего не добился. А раз он сказал, что уважает китайскую систему и поклонился лидерам, ему не просто простили отсутствие на открытии Олимпиады — теперь к нам должны приехать китайские

фирмы, которые будут участвовать в тендерах, а китайский рынок открыт для польских продуктов питания (...) До сих пор мы вели идеологический спор о том, как выходить из коммунизма. Обязательны ли демократия и капитализм. Мы вышли с помощью «круглого стола», у них был кошмар. Туск этот спор перевернул вверх ногами, говоря о сходстве нашего опыта (...) Он удостоился чести — был принят самыми высокопоставленными лицами (...) Уже в ходе визита его ранг был изменен с рабочего на официальный”. («Жечпосполита», 27 окт.)

• Ежи Шмайдинский, министр обороны в правительстве Лешека Миллера: «Сегодня последние польские военнослужащие покидают Ирак. Их послало туда правительство Лешека Миллера и президент Александр Квасневский при поддержке всех крупнейших политических сил (...) Присоединиться к антисаддамовской коалиции просили США. Мы согласились с их анализом тогдашней террористической угрозы, свидетельством которой была атака 11 сентября 2001 года. Среди жертв этой атаки были и поляки. Иракская миссия должна была длиться три года, а длилась пять». («Газета выборча», 28 окт.)

• «В Польшу прилетели иракцы (...) сотрудничавшие с польской армией. Это в основном переводчики и их семьи — всего 25 человек. Польша хочет предоставить им правовую защиту». («Жечпосполита», 14 окт.)

• «В политическом смысле Польша приобрела в Ираке неожиданно много, практически ничего не теряя. Мы уже перестали быть троянским конем Америки в Европе, отношения с Германией и Францией удалось отстроить на более партнерской основе (в этом огромная заслуга Ярослава Качинского, когда он был главой правительства). Однако прежде всего наши отношения с США стали более зрелыми. Наивное раболепие сменилось доброжелательным реализмом, лучшим примером чему были долгие и утомительные переговоры по размещению элементов ПРО. Из Ирака мы уезжаем без клейма угнетателей, которое бросило тень на американцев и англичан». (Юлиуш Чвелюх, Вавжинец Смочинский, «Политика», 25 окт.)

• „Польский контингент взял на себя ответственность за афганскую провинцию Газни (...) 1,6 тысяч военнослужащих (...) 60 бронетранспортеров «Росомаха», восемь вертолетов (...) До конца года должны появиться беспилотные разведывательные самолеты. С начала нашей двухлетней миссии в Афганистане мы еще не собирали там таких сил (...) Газни — одна из пяти

самых опасных провинций (...) Во время своего последнего визита в Газни министр национальной обороны Богдан Клик заявил, что, если это будет необходимо, мы вышлем в Афганистан еще солдат и технику". (Анджей Талага, «Дзенник», 4 ноября)

- „Президенты Литвы и Польши Валдас Адамкус и Лех Качинский в совместном заявлении подчеркнули, что «в условиях продолжающейся оккупации Грузии слишком рано было бы возобновлять переговоры по новому соглашению о партнерстве ЕС с Россией» (...) Ссылаясь на интерпретацию, согласно которой переговоры отложены, а не приостановлены, Еврокомиссия (...) сможет начать переговоры с Россией. Комиссия считает, что обладает поддержкой большинства". («Жечпосполита», 7 ноября)

- „Министр иностранных дел Радослав Сикорский встретился вчера с Александром Казулиным, Александром Милинкевичем и Анатолием Лебедько (...) «Переговоры с Белоруссией идут по двум линиям: мы говорим с правительством и с оппозицией», — сказал вчера пресс-секретарь МИДа (...) Радослав Сикорский сообщил представителям оппозиции, что Польша обратилась в ЕС с предложением снизить цены на визы для белорусов, а также начала переговоры по т.н. малому приграничному движению с Польшей (...) Казулин, Милинкевич и Лебедько поблагодарили Польшу за то, что она сыграла роль «катализатора новой политики ЕС по отношению к Белоруссии»". (Яцек Павлицкий, «Газета wyborcza», 22 ноября)

- «Москва не планирует ядерного нападения на Польшу и Чехию в ответ на размещение на их территории элементов американской ПРО, — заявил вице-премьер России Сергей Иванов в интервью ВВС». («Жечпосполита», 20 ноября)

- „Президент Дмитрий Медведев пригрозил, что в ответ на размещение американского противоракетного щита в Центральной Европе его страна откажется от запланированного сокращения числа стратегических ракет и разместит в граничащей с Польшей Калининградской области тактические ракеты типа «Искандер». Из Калининграда радиолокационными средствами будет глушиться действие объектов американской противоракетной системы в Польше и Чехии (...) Премьер Дональд Туск заявил, что относится к этому предостережению как к политическому акту: «Я бы не придавал слишком большого значения декларациям такого рода (...) Мы реально оцениваем уровень безопасности Польши, ЕС и стран НАТО как относительно мало зависимый от таких высказываний»". («Жечпосполита», 6 ноября)

- „Польские противовоздушные ракеты «Гром» попали в руки чеченских террористов, — утверждают «Известия» (...) Польша продала Грузии 30 пусковых установок и 100 ракет «Гром» (...) «Мы уже в августе знали, что ракеты захватили русские (...)», — говорит офицер польских служб”. («Дзенник», 23 окт.)

- „Министр иностранных дел Радослав Сикорский в интервью телеканалу «Си-Эн-Эн» заверил, что Польша стремится к хорошим отношениям с Россией, но российское наращивание вооружений может вызывать обоснованные опасения (...) Польшу очень беспокоят подобные вопросы, потому что она — пограничная страна НАТО, более слабая, чем многие другие государства, и поддерживающая близкие экономические отношения с Россией”. («Жечпосполита», 27 окт.)

- Министр национальной обороны Богдан Кlich: „Из российской операции в Грузии мы делаем выводы военного характера. Впервые со времени распада Варшавского договора соседи России почувствовали с ее стороны реальную угрозу. Это заметили и наши союзники из стран, отдаленных от России. Они теперь особенно подчеркивают значение для ЕС ст.5 Вашингтонского договора, чего не было до российского вторжения в Грузию (...) В последние месяцы польский голос в Евросоюзе имеет всё больший вес (...) Мы готовы к различным сценариям угрозы со стороны стран, не являющихся нашими союзниками (...) Мы ведем переговоры по дополнительному договору о размещении в Польше американских военнослужащих, по исполнительным соглашениям к договору о базе, а также о размещении в нашей стране ракет «Пэтриот». Договоры, касающиеся этих трех вопросов, должны подписываться параллельно (...) Пусковые установки «Пэтриот» должны появиться в Польше до конца 2009 года”. («Жечпосполита», 30 окт.)

- Некоторые польские офицеры, убитые в Катыни, могли быть «шпионами, диверсантами и террористами», — сказал российский военный прокурор полковник Игорь Близеев в московском суде. Он сослался на Лаврентия Берию, который в 1940 г. сделал вывод, что польские военнопленные — лютые враги советской власти и мечтают «развалить СССР». Член польско-российской группы по трудным вопросам доцент Артем Мальгин уверяет, что к этому не следует относиться серьезно. «Какой-то полковник! Ведь он говорит нечто совершенно иное, чем большинство российских историков. То, что Катынь — это преступление, совершенное сталинским режимом, известно давно. Нужно официальное мнение

намного высшего уровня, чем прокуратура», — говорит Мальгин. («Газета выборча», «Жечпосполита», 25-26 окт.)

• „«В этих подвалах выстрелом в затылок был убит мой отец капитан Якуб Вайда. Ему было 40 лет», — сказал вчера в Харькове режиссер Анджей Вайда. В 68 ю годовщину убийства польских офицеров в бывшем здании харьковского НКВД была открыта мемориальная доска (...) посвященная погибшим. По просьбе президента Виктора Ющенко к подписи «польские семьи» было добавлено: «и украинский народ»». («Газета выборча», 3 ноября)

• «Европейский суд по правам человека в Страсбурге потребовал от российского правительства объяснений по поводу катынского преступления. Двое поляков, потомки убитых НКВД офицеров, подали жалобу на отсутствие доступа к российским документам». («Тыгодник повсехный», 9 ноября)

• „В Москве прошло очередное заседание польско-российской группы по трудным вопросам (...) На торжественном открытии заседания министр Сергей Лавров защищал Советский Союз в таких выражениях, которые использовали в прошлом советские историки и по-прежнему использует часть современных российских историков (...) По мнению сопредседателя группы с польской стороны проф. Адама Даниэля Ротфельда, то, что сказал в пятницу российский судья, имеет для катынского дела особое значение (...) «Шокирует и изумляет, что суд заявил, будто не его дело устанавливать факты, поскольку это лежит в компетенции государственного руководства», — подчеркнул он (...) «Наша дальнейшая работа зависит от того, какие решения по этим наиболее болезненным вопросам примет российское руководство. Впрочем, российские участники группы, которые в прошлом многое сделали для выяснения самых трудных моментов, стремятся к сближению позиций, хотят, чтобы польские ожидания оправдались», — заметил Ротфельд. Пока что запланирована совместная публикация (...) Участники группы обсуждали и то, как выводы группы донести до власть имущих. Польскую сторону представляют, в частности, проф. Ежи Помяновский, проф. Дарья Наленч, проф. Владислав Стемпняк и Анджей Пшевозник (...) С российской стороны в ее состав входят, в частности, проф. Наталья Лебедева, генерал Александр Третецкий, Станислав Белза и Артем Мальгин». (Петр Косцинский, «Жечпосполита», 28 окт.)

• «Ученые из польско-российской группы по трудным вопросам призвали обнародовать все документы, касающиеся убийства польских офицеров по приказу Сталина весной 1940 года (...)

Это совместное заявление важно потому, что в последние годы с российской стороны часто слышатся голоса, пытающиеся снова свалить ответственность за те преступления на немцев и даже обвиняющие убитых в... терроризме!» («Дзенник», 29 окт.)

- «Легендарная российская диссидентка Наталья Горбаневская удостоилась вчера звания почетного доктора Люблинского университета им. Марии Кюри-Склодовской (...) Три года назад она получила польское гражданство (...) В Польше изданы три сборника ее стихов». («Газета wyborcza», 25-26 окт.)

- Из интервью с Анджеем Чечотом, графиком, одним из самых выдающихся польских сатириков, интернированным во время военного положения, затем эмигрировавшим, а в 1997 г. вернувшимся в Польшу: «Люди, которые когда-то были моими единомышленниками, а сегодня работают в культуре и СМИ, цензурят мои рисунки (...) Польша уже не та, что в 80 е, хотя глупость, увы, по-прежнему царит повсюду (...) Мы клерикальны, у нас запрещены аборты, а гражданские свободы ставятся под сомнение (...) Поразительно, что самые заклятые цензоры сейчас те, кто помнит времена официальной цензуры, которая давила и их (...) Когда меня выпустили из лагеря для интернированных, я считал, что Ярузельского надо повесить (...) Но в результате я познакомился с ним лично, и мы подали друг другу руки. То, что делается сегодня, — это обычная месть тех, кто ничего не сделал в те времена, потому что был слишком молод, а теперь строит из себя героя. Они воюют с коммунизмом во времена, когда за это не надо расплачиваться. Это отвратительно». («Пшеглэнд», 2 ноября)

- Из заявления генерала Ярузельского перед судом: „Уважаемый суд! На вопросы господина прокурора Института национальной памяти я отвечать не буду (...) Господин прокурор, ссылаясь на ст.258, ч.3 Уголовного кодекса, обвинил меня в «руководстве организованной вооруженной преступной группировкой»”. («Пшеглэнд», 9 ноября)

- „Поляки одобряют существование Института национальной памяти (ИНП). Однако они скептически оценивают достоверность его публикаций. Такие выводы следуют из опроса, проведенного для «Ньюсуика» центром «Mareco-Польша» в десяти крупнейших городах страны (...) Поляки опасаются манипуляций историческими событиями”. («Ньюсуик-Польша», 9 ноября)

- «Я много раз говорил с россиянами о генерале Ярузельском. Они всегда относились к нему с уважением, прямо-таки с

пиететом, подчеркивали, как многим обязана ему Польша. Мне было трудно с этим согласиться, но я терпеливо слушал (...) Для многих поляков Ярузельский — коллаборационист, продажная личность, предатель, и точка. Но россияне уважают генерала совсем не потому, что он был лоялен по отношению к ним. Они уважают его прежде всего как польского патриота в условиях ограниченной независимости (...) По их мнению, генерал сделал для Польши максимум того, что можно было сделать в тогдашних условиях. Это основное противоречие в польских и российских представлениях о генерале Ярузельском». (Мартин Войцеховский, «Газета wyborcza», 17 окт.)

- Согласно опросу ЦИОМа, поляки считают патриотизмом любовь к Родине (23%), чувство общности со страной (15%), деятельность на благо страны (3%), отчисление налогов (0,2%). («Дзенник», 10-11 ноября)

- Лешек Бальцерович: «Большое качественное изменение в верхах — связанное не только с направлением, но и со стилем политики, — произошло после прихода к власти Качинских (...) Тогда усилились наихудшие явления: поиски внутреннего врага и тенденциозное, пристрастное использование государственного аппарата». («Политика», 1 ноября)

- Проф. Ежи Бральчик: „В политике признаваться в собственной грубости или грозить ею — в порядке вещей: известный политик сам себя называет «бультерьером», имея в виду грубость своего языкового поведения, другой хвастается, что снял агрессивный телевизионный ролик. Слышны мнения, что избирательная компания допускает и даже предполагает языковую грубость, что в ходе компании нужно быть максимально грубым, жестким, резким. Это наводит на мысль о цинизме, тем более что сопровождается полупубличными высказываниями о темной массе, которая «купится» на агрессивные трюки «черного пиара»”. («Политика», 25 окт.)

- «О. Тадеуш Рыдзык ставит в Торуни еще один памятник Иоанну Павлу II (...) Это будет уже пятый памятник Папе в этом городе». («Политика», 8 ноября)

- Проф. Анджей Романовский из краковского Ягеллонского университета: «На Вавеле вырос памятник. Девятый памятник Папе Иоанну Павлу II в Кракове. В Польше (...) ежегодно появляется почти сотня таких памятников (...) Эти памятники не могут быть свидетельством нашей веры. Они свидетельствуют скорее о нашем язычестве». («Газета wyborcza», 24 окт.)

• „Депутаты «Права и справедливости» в Слупске не хотят, чтобы улица, проходящая возле городского кладбища, получила имя Макса Йозефа, последнего в этом городе еврейского раввина. Причина? Кладбище католическое. На улице находится также довоенный еврейский похоронный дом и остатки еврейского кладбища (...) Раввин Макс Йозеф пользовался большим моральным и научным авторитетом (...) Здание бывшего похоронного дома и улица, на которой он стоит, — это места, которые теснее всего связаны с его деятельностью». («Газета выборча», 27 окт.)

• „Суд приговорил четверых подростков, которые в праздник Тела Господня напали на молодого ортодоксального еврея, к устному предупреждению. «Суд пришел к выводу, что несовершеннолетние жители Варки 15-16 лет оскорбили действием гражданина США по причине его конфессиональной принадлежности. Один из юношей ударил его, — сообщил пресс-секретарь окружного суда в Радоме. — подросткам было сделано предупреждение»». («Газета выборча», 21 окт.)

• „Скончавшаяся в этом году Ирена Сендлер во время II Мировой войны спасла из варшавского гетто 2,5 тысячи еврейских детей. Она была арестована, приговорена к смерти, но чудом спаслась. Ирена Сендлер — одна из «Праведников среди народов мира». В этом году в Израиле будет выпущена посвященная ей почтовая марка авторства знаменитого графика Рафаэля Ольбинского». («Газета выборча», 5 ноября)

• „В 1922-1927 гг. раввин Майер Иегуда Шапира был первым ортодоксальным еврейским депутатом в Сейме Второй Речи Посполитой (от партии «Агудас Исроэль») (...) В июне 1930 г. открылась Йешивас хахмей Люблин (Люблинская школа мудрецов). Ее первым ректором стал Майер Шапира, который принял также должность главного раввина Люблина (...) Он умер 27 октября 1933 года. Вчера, в 75 ю годовщину со дня смерти Майера Иегуды Шапиры, в Люблине прошел концерт Ицхака Меира Хельфгота, главного кантора нью-йоркской синагоги «Парк-Ист», а также торжественное открытие нового «арон кодеш» (богато украшенного шкафа для хранения Торы)». («Жечпосполита», 5 ноября)

• «В конечном итоге на саммит в Брюсселе отправились и президент, и премьер. Правда, первый — charterным рейсом, так как правительство отказало ему в самолете. Поскольку каждая страна располагает в зале переговоров только двумя местами, Леху Качинскому пришлось меняться с министром финансов». («Тыгодник повсехный», 26 окт.)

• „Это было беспрецедентное событие не только для Польши. Президент Польши приехал на саммит ЕС, хотя не был в составе делегации (...) В зале переговоров президент провел не больше десяти минут. Потом начался разговор о кризисе. Место президента занял министр финансов (...) Президент на протяжении всего саммита был единственным участником, не имевшим идентификатора. Службу охраны порядка предупредили, что он находится в здании на особых правах (...) «Видишь, Дональд, я приехал (...)», — сказал Качинский. «Но вообще-то тебя здесь не должно быть», — ответил премьер (...) По окончании саммита президентская делегация сразу же отправилась в аэропорт”. (Миколай Вуйчик, Енджей Белецкий, «Дзенник», 18-19 окт.)

• «Общество реагирует правильно. В прессе появились десятки анекдотов и карикатур. Свою злость и отвращение люди выражают на форумах в Интернете (...) Из опросов общественного мнения следует, что в результате этого глупого, компрометирующего спора проиграли обе стороны. И президент, и премьер». (Ян Видацкий, «Пшеглэнд», 26 окт.)

• «В Польше конфликты между двумя ветвями власти стары, как Третья Речь Посполитая. И очевидны. Такие же войны вели Лех Валенса (...) Александр Квасневский (...). Лех Качинский тоже успел рассориться с премьер-министром из своего же политического лагеря — Казимежем Марцинкевичем (...) Польша — не единственная страна, в которой идет спор о том, кто должен руководить внешней политикой. Во Франции борьба за это длилась годами (...). Ожесточенные споры на тему полномочий шли в начале 90-х годов в Венгрии (...). В Германии (...) часто случаются споры о разделе властных компетенций (...). В Чехии премьер-министр Мирек Тополанек и президент Вацлав Клаус ведут нескончаемые войны за сферы влияния их ведомств (...) Они не согласны практически ни в чем (...) Похожая картина и в Финляндии (...) Румынию обычно представляют и премьер, и президент». (Михал Кшимовский, «Впрост», 26 окт.)

• «Главной целью Дональда Туска на саммите в Брюсселе было изменение подготовленного Еврокомиссией плана, предполагающего резкое ограничение выбросов углекислого газа. Премьер добился двух месяцев отсрочки и — что, быть может, еще важнее — права вето (...) Из-за возражений Центральной Европы и Италии было решено, что план либо пройдет единогласно, либо не пройдет вообще». («Газета wyborча», 17 окт.)

- «Если бы предложенные Еврокомиссией постановления, касающиеся ограничения выбросов углекислого газа, были приняты, не выдержала бы польская энергетика, которая 96% энергии вырабатывает из угля и давно устарела: 40% наших мощностей работают уже более 30 лет. Стоимость электричества могла бы вырасти чуть ли не в два раза».

(«Тыгодник повсехный», 2 ноября)

- „Человечество потребляет на треть больше природных ресурсов, чем природа в состоянии ему дать. Таков вывод из отчета «Living Planet Report 2008» международной экологической организации «Всемирный фонд дикой природы» (...) Наша страна оказалась среди тех, кто потребляет больше ресурсов, чем имеет на своей территории. Поляки занимают 33-е место из 152 стран по потреблению природных богатств (чем выше место, тем больше потребление ресурсов). Происходит так в основном потому, что 95,4% энергии мы получаем путем сжигания угля (...) Экологический след, т.е. уровень потребления природных ресурсов, измеряется площадью суши и моря, необходимой для того, чтобы выработать используемые в настоящий момент запасы и нейтрализовать создаваемое загрязнение. Этот показатель выражается в глобальных гектарах на человека (гга/чел.) (...) Польский экологический след составляет 4 гга/чел. Это означает, что мы используем почти в два раза больше, чем Земля могла бы нам дать, если бы все пользовались ее богатствами в равной степени”. (Изабела Реалинская, «Жечпосполита», 29 окт.)

- «Вымирают тысячи польских пчел (...) Уже сегодня в Польше недостает миллиона пчел, необходимых для опыления всех культурных и дикорастущих растений. Урожай под угрозой (...) Почти на всей территории страны снизилась продолжительность жизни пчел, растет их заболеваемость. Во многих регионах пчелиные семьи не в состоянии пережить зиму, некоторые гибнут уже осенью (...) Современные средства защиты растений не убивают насекомых сразу, как десять лет назад, а значительно снижают их иммунитет. Вместе с нектаром и пыльцой они переносятся в ульи и потребляются новыми поколениями. В результате болеют целые семьи (...) В настоящий момент в Польше еще живет 800–900 тысяч пчелиных семей. Для опыления растений нужно в два раза больше». (Катажина Текень, «Дзенник», 21 окт.)

- Министр охраны окружающей среды Мацей Новицкий: «7–9% всех польских инвестиций касаются охраны окружающей среды. Ежегодно мы тратим на нее 2–2,5 млрд. евро. Только 20%

от этой суммы составляют европейские средства. ЕС делает упор на экономическое развитие, основанное на соблюдении принципов охраны окружающей среды». («Жечпосполита», 5 ноября)

- «Бещады, один из самых красивых и не тронутых человеком уголков Польши, бороздят джипы (...) Природа и лесники против них бессильны». (Якуб Хелминский, «Дзенник», 5 ноября)

- Председатель «Польской гуманитарной акции» Янина Охойская: «Исследования Главной школы сельского хозяйства показывают, что Польша принадлежит к группе стран, которым грозит опустынивание. Этот процесс прогрессирует, так как падает уровень подземных вод, а в Польше почти не используются системы реутилизации воды (...) Поляк тратит в среднем 400 л воды в день (житель Великобритании — 135 л, а житель развивающейся страны — 10 л). Добавьте к этому промышленность. У нас недопустимо мало предприятий с замкнутым водным циклом (...) Проблема Польши состоит главным образом в том, что мы чрезмерно используем подземные резервуары, которые не успевают наполняться во время дождей (...) В связи с этим уровень подземных вод постоянно понижается». («Дзенник», 24 окт.)

- «Почти триста маленьких болотных черепах запущено в пруды Ленчиско-Влодавского поозерья в Полесье. Благодаря программе охраны этих животных появился шанс, что они вернутся в польские озера (...) Только в этом году сотрудники Полесского национального парка собрали почти 750 малышей. Первые месяцы жизни они проведут в лаборатории (...) Без помощи человека выживает только один процент вылупившихся из яиц черепашек (...) Их месячное пребывание в лаборатории сохраняет еще один процент (...) Ежегодно в Полесском национальном парке откладывало яйца 80 самок. В этом году сотрудники ПНП насчитали 95 гнезд (...) Программа охраны черепах стартовала в 1999 году. Болотные черепахи доживают до 120 лет. Взрослые особи достигают массы 1 кг, а их панцирь — длины 20 см». (Якуб Хелминский, «Дзенник», 22 окт.)

- «Тысячи лягушек, жаб, жерлянок — невзрачных пресмыкающихся, живущих в наших лесах, прудах и озерах, ежемесячно гибнут на новом скоростном шоссе из Тешина в Бельско-Бялу. Ответственность за эту длящуюся с прошлого года бойню несет инвестор, который не построил переходов для самых мелких животных. Всего в ста метрах от дороги, по которой несутся десятки тысяч автомобилей, простирается

природный заповедник Можик (...) Движения в защиту животных стали бить тревогу в Еврокомиссии (...) ЕС в таких случаях непреклонен: он требует объяснений и может принять решение о лишении дотации, выделенной на строительство дороги. Это означает, что пришлось бы вернуть около 15 млн. евро». (Якуб Хелминский, «Дзенник», 28 окт.)

• «ЕС возлагает на нас обязанность постройки переходов для диких животных. Сегодня таких переходов в Польше всего 52. Мостов для животных над скоростными шоссе — 16. Из отчета Лаборатории защиты всех живых существ следует, что трассы строящихся автострад будут пересекать пути миграции животных в нескольких десятках мест. На карту запланированных автострад экологи наложили карту экологических коридоров, т.е. маршрутов, по которым мигрируют животные. Две сетки совпадают в очень многих местах. Только на скоростных дорогах и автострадах, которые должны быть закончены к 2013 г., можно насчитать 53 пересечения с ценными природными зонами (...) В результате переговоров с Генеральной дирекцией национальных дорог и автострад появилось 16 зеленых мостов над дорогами и 36 туннелей для животных. Они стоили — в зависимости от типа — от 5 до 20 млн. злотых». (Якуб Хелминский, «Дзенник», 15 окт.)

• «В деревнях Божислав и Старе-Дембно в Западнопоморском воеводстве с 78 придорожных каштанов содрали кору (...) Близлежащие пункты скупки сохранили документацию — они приняли от трех жителей гмины 1,8 тонн коры (...) Чиновники из Гливице согласились ликвидировать 12 тыс. деревьев (...) Только вдоль одного шоссе Бартошице — Кентшин на Мазурах было вырублено 4105 деревьев (...) Средний ясень, срубленный у дороги, продается администрацией дорог за 100–300 злотых (...) За такой же ясень или дуб, из которого можно получить около 3 кубометров древесины, в Государственных лесах нужно платить 1,5–2 тыс. злотых. Если дерево годится на фанеру, то цена за кубометр древесины доходит до тысячи злотых. Из большого дерева можно получить 5–6 кубометров». (Рышарда Соха, «Политика», 8 ноября)

• «Ежегодно в Беловежской пуще вырубается 150 кубометров древесины. На лесопилки попадают в основном ели (...) За 14 лет число белоспинных дятлов в Беловежской пуще уменьшилось на две трети (...) Сегодня они борются за выживание из-за вырубки леса. Лесники, борясь с короедами, выкорчевывают старые ели, в которых гнездятся эти редкие птицы. Впрочем, ученые утверждают, что дело даже не в короедах:

прореживание леса — это неплохой заработок». (Якуб Хелминский, «Дзенник», 27 окт.)

- «Воеводские органы самоуправления использовали уже почти все деньги, выделенные в рамках Интегрированной операционной программы регионального развития (ИПОПР) на 2004–2006 годы. (...) Эти данные вызвали в Брюсселе шок: до сих пор никому не удалось в первые годы членства использовать 100% средств». («Впрост», 9 ноября)

- Павел Ежи Георгица, социолог и политолог из Белостокского университета: «Наблюдая за политической жизнью на местном уровне, мы часто видим попытки подчинить власть разным неформальным группам. Реакцией на это должна быть не централизация, а децентрализация (...) Польские органы местного самоуправления часто руководствуются частными, а не общественными интересами (...) Мешает и равнодушие граждан к местной политике (...) Однако децентрализация прошла в Польше успешно. На фоне других стран нашего региона, таких как Чехия, Словакия или Украина, наши органы местного самоуправления действуют вполне неплохо». («Жечпосполита», 3 ноября)

СОВРЕМЕННЫЙ «КОВЧЕГ» ПОЛЯКОВ, ЕВРЕЕВ И УКРАИНЦЕВ

17–25 августа в монастыре греко-католических монахов-студитов Унёвской лавры близ Перемышлян Львовской области состоялся международный семинар «Ковчег-2008». Тему этого года: «Поляки, евреи и украинцы в годы испытаний. 1939–1947» — вместе с учеными, дипломатами и общественными деятелями обсуждали 30 молодых представителей этих трех соседних народов, которые свыше тысячи лет живут на этой земле в центре Европы.

Если бы такие встречи могли транслироваться по телевидению или передаваться через Интернет, то многих нынешних международных и межнациональных конфликтов и недоразумений уже удалось бы избежать, а разнообразные негативные стереотипы, относящиеся к этой сфере, — раз и навсегда захоронить, как и принято поступать со всяческим гнильем. Благодаря инициативе представителей интеллигенции из Польши, Израиля и с Украины, в том числе польского генерального консула во Львове Веслава Осуховского, Арона Вайса, научного советника иерусалимского центра «Ткума» («Возрождение»), и председателя Федерации польских организаций на Украине Эмилии Хмелёвой в Унёвской лавре на протяжении трех лет открыто говорят о тех едва ли не самых драматических событиях и проблемах, которые беспокоят многие поколения украинцев, поляков и евреев. Обычные научные симпозиумы сильно отличаются от семинара «Ковчег»: в ходе семинара о болезненных делах своих дедов и прадедов дискутирует преимущественно молодежь, располагающая неповторимой возможностью узнать правду непосредственно из уст видных исследователей истории, а также свидетелей важных событий, побеседовать с ними в стенах давнего старинного монастыря, на лоне красивейшей природы. На этот раз здесь были представлены почти все регионы Украины, откуда, как и из Польши, приехали в основном студенты и молодые преподаватели высших учебных заведений. Некоторые уже не впервые пожелали участвовать в этой встрече. Были тут и те, кто пишет научные работы на темы, затронутые на семинаре «Ковчег», или же пытается на

практике разрешать схожие конфликтные ситуации в своем окружении; однако никто не скрывал, что в этой области всем не хватает знаний.

Председатель Федерации польских организаций в Украине Эмилия Хмелёва и директор Всеукраинского центра изучения Холокоста «Ткума» Игорь Щупак изложили цели и задачи семинара «Ковчег», проводимого в этом году. Игумен лавры отец Бенедикт приветствовал прибывших гостей. На торжественном открытии выступили также директор Еврейского общественного центра «Хесед-Арье» Ада Дианова, директор «Джойнта» на Украине Данни Гехтман, польский посол в Киеве Яцек Ключковский и президент фонда «Помощь полякам на Востоке» Ежи Марек Новаковский. Ранг семинара повысил государственный секретарь в канцелярии президента Польши профессор Рышард Легутко, который выступил со вступительным докладом. Организаторы предложили участникам несколько блоков вопросов: «Богатство культур трех народов и их взаимные воздействия», «II Мировая война как переломный период в истории отношений трех народов», «История уничтожения людей на территории Украины во время II Мировой войны», «Культурная жизнь и национальные ценности поляков, евреев и украинцев», «Спасение евреев во время Холокоста». Участники семинара имели возможность совершить поездку в Польшу, где они осмотрели музей лагеря уничтожения в Белжеце, а также посетили деревни Павлокову близ Перемышля и Гуту-Пеняцкую во Львовской области, возложив там букеты цветов на коллективные захоронения евреев, украинцев и поляков. Большое впечатление на молодежь произвел просмотр кинофильма «Катынь», а также лент о событиях во Львове и на Волыни в период II Мировой войны. Состоялась, кроме того, встреча с живыми свидетелями тех событий — историком из Варшавы В.Филяром и музыкантом из Дрогобыча Альфредом Шрейером. Режиссер Анджей Вайда направил из столицы Польши специальное письмо, адресованное участникам встречи. Были также организованы Польский, Украинский и Еврейский дни с участием артистов, творческих коллективов и представителей национальных общин. Действовала экспозиция фотографий, выполненных монахом-бонифратром о. Бруно Марией Нейманом из Дрогобыча. Кроме лекций, докладов и дискуссий проходили и учебные занятия под руководством профессора Барбары Вейгль из Высшей школы общественной психологии в Варшаве и ее воспитанников.

На семинаре «Ковчег-2008» его участники выглядели одной большой семьей из представителей трех народов: польского,

украинского и еврейского, — которые искренне хотят сказать каждому, что можно жить с ближними так, как они провели это свое время в Уневской лавре.

Польский посол на Украине Яцек Ключковский:

«Наш долг — строить согласие»

«Получив приглашение, я сразу же подумал, что обязан сюда приехать. За три года моей работы в Киеве мне ни разу не представился случай побывать здесь. Полагаю, что, если дипломат не едет в Унёв, то в его работе чего-то не хватает. Хотелось бы сердечно поблагодарить всех организаторов. Думается, важна такая встреча молодежи, которая не только посвящена размышлениям о прошлом, но еще и связана с тем, как нам строить будущее в наших странах, как преодолеть тяжкое историческое наследие.

Разумеется, история очень важна, об истории надлежит помнить, необходимо помнить о несправедливости. В 1960-е годы польские римско-католические епископы отправили римско-католическим епископам Германии письмо со словами: «Прощаем и просим простить». В те времена это событие не было хорошо воспринято польским народом. Причем не только из-за решительного сопротивления, выраженного коммунистической пропагандой, но еще и по той причине, что мы как народ не были готовы прощать немцам и просить их о прощении. Письмо это сделало очень многое: оно выстроило в общественном сознании, среди интеллигенции и молодежи убеждение, что, размышляя об истории, мы вовсе не должны думать о том, чтобы поквитаться за прошлое.

Наш долг — строить согласие, отыскивать в партнере общечеловеческие качества и проявления, вести диалог — искренний, открытый, направленный на то, чтобы найти согласие, взаимно простить друг друга. На мой взгляд, после 1989 г. Польша поняла, и все ее сменявшие друг друга правительства — тоже, что во внешней политике необходимо выстраивать близкие, дружественные отношения со всеми соседями. Нами достигнуто согласие с немцами, с литовцами — это тоже было непростым делом. Мы были первой страной, признавшей независимость Украины. Думаю, в то время некоторая часть наших граждан опасалась за будущее польско-украинских отношений. Считаю, что именно то письмо польских епископов помогло нам во многих делах. Эти 17 лет официальных польско-украинских отношений как бы строят новый этап, новый период в наших контактах. Нельзя говорить, что мы достигли всего: еще существуют проблемы,

требующие научных исследований, надо почтить память жертв — иначе говоря, еще есть вопросы, над которыми необходимо работать. Однако за минувшие 17 лет мы поняли, что представляем собой два дружественных, братских славянских народа, что нам нужно быть вместе. Думаю и верю, что наша нелегкая история не мешает нам и не будет мешать в будущем. Когда молодежь встречаются, чтобы разговаривать об истории и о будущем, то, на мой взгляд, это настраивает оптимистично. Чрезвычайно важно и то, что мое поколение, поколение научных работников и тех, чьи родственники или родители были так или иначе вовлечены в эту непростую историю, ощущает потребность в примирении. Наши дети, люди из поколения наших детей тоже ощущают потребность разговаривать о прошлом, но думая о будущем. И я вижу в этом весьма положительную сторону происходящего процесса. Без взаимопонимания, согласия и диалога молодежь никогда не будет согласия и взаимопонимания между нашими народами. Мы встречаемся — о чем вы знаете лучше меня — в воистину исторической обители. Она представляет собой символ верности христианским ценностям. Нам известно, что здесь нашли спасение многие евреи и поляки. Безотнositельно к вашей встрече мне было необходимо приехать сюда и низко поклониться этому священному месту. Я рад, что мог принять участие в этой встрече. Узнал я о ней от бывшего министра иностранных дел Польши Адама Ротфельда. Он связан с этим местом своей жизнью. Когда я смотрел на этого человека как на политика, то всегда замечал у него волю к примирению и углублению сотрудничества между Польшей и Украиной. Сам он родом из еврейской семьи, а потому несет в себе еще и традицию польских евреев Западной Украины. Размышляя о событиях и человеческих судьбах во время II Мировой войны, мы думаем не только о жертвах братоубийственных боев, но и о таких людях, которые благодаря чьему-то сердцу, любви и вере спасли свою жизнь, чтобы позднее передать следующим поколениям факел примирения. Трудно скрыть трогательное волнение, когда думаешь о тех годах и о людях, которые спасали других. Надеюсь, история избавит ваше поколение от подобных испытаний так же, как она избавила мое. Желаю вам удачного пребывания в Унёве и других местах, а главное — лучше понять опыт и испытания, выпавших на долю ваших отцов, дедов и прадедов».

Отделим амбиции от исторических знаний

Министр в канцелярии президента Польши Рышард Легутко отметил, что «в целом тема всей конференции — период, исключительный по своему драматизму. Это время

преступлений против человечества и время геноцида. Время самой кровавой и самой жестокой войны в истории человечества. Кроме того, это еще и период, который дает нам невероятно черную картину человеческой природы и чрезвычайно неблагоприятное зрелище разнообразных политических и национальных движений. Однако мы должны помнить, что всё, случившееся в ту пору, да и вообще всё, произошедшее в XX веке в этой части света, в Европе, отнюдь не легко объяснить, если помнить о чудовищности свершенных преступлений, и нам не следует извлекать слишком простые и легкие выводы. Возьмем проблему нации и национализма. Собственно говоря, понятие нации — чрезвычайно старое, оно существовало еще в древности. Но это понятие обрело новую силу и одновременно легло в основу определенных политических движений в XIX веке — в тот период, который мы называем романтизмом. А чем была нация с точки зрения романтиков? Романтики толковали нацию как сообщество, которое обладает собственным обликом, особым и своей».

Эта национальная идея стала необычайно популярной во многих европейских странах, в том числе в Польше, а также в России, Франции и других государствах. Каждый из этих народов считал, что ради собственного будущего должен развивать собственную культуру и собственное своеобразие. Однако в нашей части мира возникает довольно своеобразная интерпретация нации, а именно: складывается мнение, что та главная общность, которая представляет собой культуросотворяющую силу, — славянство. Его стали считать такой группой народов, могучей и чрезвычайно многочисленной, которая до того момента еще не проявила всех своих возможностей, а потому сейчас настало время для славян. Однако эта идея славянства не принялась, прежде всего по той причине, что ее использовали русскими политиками для продвижения интересов Российской империи. Зато здесь, в нашем регионе, возникла довольно своеобразная концепция нации и столь же своеобразная концепция общности, которую можно было бы назвать национализмом, а именно: территориальная национальная общность. Проф. Легутко в качестве примера процитировал начало «Пана Тадеуша» Адама Мицкевича — самого известного литературного произведения этого величайшего польского поэта, которое начинается словами: «Отчизна милая, Литва!..» Они не означают, что Мицкевич чувствовал себя литовцем в биологическом смысле или что он был предателем Польши, — поэт всего лишь ощущал связь с той территорией, с тем краем, который традиционно именовался Литвой. «И такой территориальный национализм оказался очень эффективным в том смысле, что он

продержался на протяжении довольно длительного периода», — продолжал проф. Легутко. К сожалению, эта история, которая выглядела весьма многообещающе, не закончилась ничем хорошим. Докладчик указал на причины подобного положения дел. Одна из них состоит в том, что то понятие нации, которое для романтиков носило духовный характер, начали трактовать биологически. Следовательно, не имеет значения территория, не имеет значения общий, совместный опыт, зато имеет значение общность крови. И эта новая идея нации как общности крови оказалась в политическом смысле очень емкой, содержательной и заразной, хотя родилась она и не в этой части Европы, а пришла с Запада и представляла собой некую извращенную версию социального дарвинизма. В результате изменились и конфликты между группами. Они приобрели характер «межвидовой войны»: победит либо один вид, либо другой. Такая идеология имела особо преступные последствия, но была отнюдь не единственной причиной, по которой рухнул действовавший территориальный порядок. Оказалось, что сосуществование восточного и западного христианства в одном регионе не выдержало испытания временем. Конфликты между восточным и западным христианством приобретали все более политизированный характер, а потому это одновременно воздействовало на глубокое социальное неравенство и расслоение в обществе».

Еще одним важным фактором трагедии, произошедшей на этой земле, были превратности переменчивой судьбы польского государства как конкретной административной структуры. Польское государство в какой-то момент перестало существовать, в него тогда проникли российские структуры. А российское государство было совершенно не таким, как государства в Европе. Когда после I Мировой войны порядок в Европе изменился самым радикальным образом, когда перестали действовать те факторы, что более или менее поддерживали статус-кво, тогда проявились всяческие вышеназванные размежевывающие тенденции и всяческие странные националистические идеологии. В какой-то момент было сочтено, что порядок в этой части мира будет наведен только тогда, когда будет ликвидировано национальное смешение. Иными словами, когда завершится борьба за господство над территорией и произойдет окончательное установление границ. В этом-то контексте мы рассматриваем события, которые произошли здесь, — например геноцид поляков на Волыни или программную ликвидацию еврейского народа. А так как порядок, учрежденный в Ялте после II Мировой войны, опирался на аналогичное разделение сил или национальное разделение, то наследие конфликтов тех

времен сохранилось вплоть до сегодняшнего дня. Это трудное наследие, с которым бьемся все мы. И это как раз то наследие, которое разделяет народы, живущие в нашей части Европы, — даже на уровне научных исследований и анализа. Мне доводится выступать на разнообразных конференциях, где я констатирую раздоры и расхождения на элементарном уровне — по поводу фактов. Каким образом нам выйти из этой тени дурного наследия — этого я, конечно, не знаю, да и, пожалуй, нет такого человека, который бы это знал. Единственную вещь следует исключить наверняка — забвение. Нехорошее это дело — забывать об истории, даже если это болезненная история, которая делит и раскалывает стороны. Не придерживаюсь я и высокого мнения о совместных государственных мероприятиях, например о написании совместных учебников. Как и всякая книга, учебник истории представляет собой индивидуальное произведение, а не продукт деятельности аппаратов двух-трех министерств. Поэтому я считаю, что такая конференция, как нынешняя, — это рациональное действие в противоположность упомянутым межправительственным программам по совместным учебникам и совместным оценкам истории. Я верю и убежден, что тяжкая, кропотливая работа на семинарах позволит прояснить некоторые различия в точках зрения. Хотя, живя на этом свете достаточно долго, я не принадлежу к наивным людям и знаю: там, где существуют расхождения на уровне фактов, нечего рассчитывать на чудесное примирение. Идеальной ситуацией было бы, разумеется, отделение политической сферы, наших политических идей и наших политических амбиций от сферы углубленного изучения истории. Этого идеала редко удастся достичь, но кто знает: быть может, как раз вы и приблизитесь к нему, чего я сердечно и от души желаю вам всем».

Высказывания участников

Малгожата Ружицкая: «Меня вытащила сюда пани профессор Вейгль, которая знает меня как человека, много лет занимающегося вопросами национальных меньшинств в Польше, в том числе и украинцами, с которыми я необычайно дружна, так как в моем родном Вроцлаве немало украинцев. Правда, не все они там очутились по собственной воле, большинство — в результате операции „Висла”. Сейчас я с недавнего времени работаю в канцелярии премьер-министра. По образованию я культуролог и специализировалась главным образом на еврейской истории. Независимо от того, в какой мере мы на протяжении предстоящих нескольких дней будем ссориться, дискутировать и доказывать, что только моя правда

интересна и только она подлинна, — здесь, я надеюсь, такое место, где все в состоянии разговаривать друг с другом, даже если мы расходимся во мнениях, то в любом случае умеем слушать, а это как раз самое важное во всём происходящем».

«Меня зовут Наталия Буренко, я приехала из Мелитополя. В Уневе я впервые. Учусь в Мелитопольском государственном университете по специальности „начальное образование“. Сюда меня пригласили для того, чтобы я потом пересказала у себя на факультете услышанное здесь. Мой папа — украинец, мама — русская, родом из Белоруссии, у нас есть родственники в Турции. В нашем городе нет конфликтов на национальной почве. Считаю, что в области просвещения молодежи нам есть чему учиться у Польши. Меня очень интересует польская культура. После этой встречи у меня масса впечатлений».

«Жизнь нужна нам для того, чтобы сосуществовать»

Д-р Аарон Вайс (Иерусалим), научный советник центра «Ткума»:

— Сегодня День независимости Украины. В этой связи мне хотелось бы высказать сердечные пожелания всем народам, которое населяют здешнюю землю. Считаю, что это важная годовщина. Наш семинар стал небольшим, скромным вкладом в укрепление того государства, где мы живем. После II Мировой войны нам досталось очень сложное наследие. Профессор Маринович говорил о том, что после войны было приложено множество усилий, дабы отношения между Польшей и Германией нормализовались. Я мог бы привести другие примеры в Европе. Не знаю, соответствует ли слово «нормализация» тому, что делается с целью выйти из тупика и создавать „ условия для контактов. Думается, учреждение этого семинара — а я присутствую уже на третьем — вытекало из потребности давать ответы на вопросы, которые беспокоят нас применительно к прошлому, с целью заложить основы для дальнейшего взаимопонимания и сотрудничества. Они выходят за пределы одной лишь терпимости. Когда я говорил об идее нашего «треугольника», то неоднократно слышал: «А зачем нам это нужно?» На такой вопрос я давал ясный ответ: не только потому, что сегодня мы живем на этой территории вместе. Невозможно, чтобы какая-то часть общества оставалась изолированной. Жизнь заставляет нас сосуществовать. Чтобы хорошо жить вместе, надо работать над этим — просто так оно не получается. Я уже бывал на восточных землях, но не скрою, что именно здесь, на Западной Украине, существует какая-то особая специфика. На этой земле — в разных ее местах — история собрала наши народы, и на

протяжении многих столетий мы жили бок о бок. В истории были славные страницы, но были также трагические и печальные. Здесь происходило множество событий. И сколь же велико богатство культур на этой земле! Вчера велась дискуссия, мы говорили о евреях. Наши народы сосуществуют вместе испокон веков! Я хотел бы еще раз обратиться к тому, о чем вчера говорил консул Зеневич: нужно сохранить свои национальные ценности, подчеркнуть, где наши традиции и ценности пересекаются, найти общую опору для существования. Речь идет о том, чтобы наше будущее было лучше. Это наш третий семинар. С такой командой, как ваша, все удастся. И я очень благодарен вам за это.

Ради совместного существования трех народов

Мирослав Маринович, проректор Украинского католического университета (Львов):

— Я не могу говорить о впечатлениях, потому что находился здесь очень недолго. Зато у меня есть замечательная возможность поблагодарить весь круг польских и израильских партнеров. Когда мы возвращались с Олегом Туриемslowo odsylajase, то говорили о том, что нам стыдно. Ведь мы декларировали, что мы партнеры, но в процессе организации этого семинара сделали очень мало. Данный семинар — далеко не единственный на Украине. Бывший политзаключенный Иосиф Зисельс из Киева уже в течение нескольких лет устраивает «Лагерь толерантности» с участием представителей разных этнических групп, причем всегда не менее чем трех — как здесь. В этом году отлично прошел и летний «Лагерь толерантности», который организовали наши американские коллеги. Таких лагерей никогда не бывает слишком много, и они, кстати, никоим образом не умаляют значения этого семинара. Речь идет о том, чтобы в сложных, по-настоящему трудных условиях поспешить на выручку ближнему, помочь ему. И даже не ближнему, а тому, кто считается дальним. Вся Украина должна была бы стать таким лагерем толерантности, где нам следовало бы изучать нашу нелегкую историю и создавать новое будущее. Меня вовсе не поразило то обстоятельство, что в ходе Украинского дня — и, предполагаю, не только тогда — велась речь о востоке и западе Украины. Я хотел бы сослаться на слова профессора Ярослава Грицака о том, что украинско-польское примирение, которое очень наглядно замтено в последние годы, брало себе в качестве образца немецко-польское согласие. Тут и письмо польских епископов немецким коллегам, но вдобавок — весь опыт Западной Европы. Опыт этого польско-украинского примирения,

взаимопонимания и согласия мы должны использовать для того, чтобы отыскать взаимопонимание украинско-украинское. Чтобы в каком-то смысле засыпать «границу» на Збруче и наконец-то перейти к модели, которая позволяла бы нам различаться. Волынь никогда не была похожа на Слободскую Украину, а Галиция — даже на Подолье. Надо уметь сохранить региональные различия, сохраняя единство страны. В этом вопросе единства нет ничего странного, но мне, однако, не хотелось бы, чтобы подобным делом занимались одни только этнические украинцы. Поляки и евреи могут нам помочь, могут увидеть то, чего не видим мы. Унёв — прекрасное и очень красивое место для того, чтобы вместе обсуждать эти проблемы.

РЕЗОЛЮЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО МЕЖРЕЛИГИОЗНОГО СЕМИНАРА «КОВЧЕГ-2008»

Мы, участники международного межрелигиозного семинара студенческой молодежи «Ковчег-2008», который состоялся в Унёвской Успенской лавре 17-25 августа, представители трех народов: польского, украинского и еврейского, — считаем актуальной и важной для нашего поколения проблему поиска диалога и согласия между нашими народами, которых соединила долгая совместная история, хоть временами сложная и болезненная. Унёвская лавра, которая в третий раз стала местом проведения нашего форума, — один из старейших центров культуры и духовности наших народов. В годы II Мировой войны ее монахи — с благословения и при поддержке митрополита Андрея Шептицкого и его брата архимандрита Климентия спасали еврейских детей, в числе которых был спасен и Адам Даниэль Ротфельд, будущий министр иностранных дел Польши. Монахи оказывали помощь украинцам и полякам независимо от их вероисповедания.

В рамках семинара, организованного Федерацией польских организаций в Украине, Всеукраинским центром изучения Холокоста «Ткума», львовским Дворцом культуры им. Гната Ходкевича и Украинским католическим университетом при финансовой поддержке фонда «Помощь полякам на Востоке», «Джойнта», Исковой комиссии («Climes Conference»), Голландского еврейского гуманитарного фонда под покровительством польского генерального консульства во Львове, состоялись лекции, дискуссии и «круглые столы» с участием видных украинских, польских, израильских специалистов, а также представителей религиозных конфессий. Их присутствие заметно повысило научный уровень важного мероприятия. Отличительной чертой встречи

сталось то, что ее участники помимо исторических аспектов, относящихся к исторической тематике программы «Поляки, евреи и украинцы в годы испытаний 1939–1947», могли ощутить живую историю, посещая места памяти, где в годы Второй мировой войны разыгрывались трагедии трех народов, — лагерь смерти в Белжеце (Польша), а также места коллективного уничтожения людей в деревнях Гута Пеняцкая (Украина) и Павлокома (Польша). Именно эти места истребления невинных людей явились прямым, непосредственным свидетельством того, к чему может привести нетерпимость и отсутствие согласия между народами, поскольку убивали там только из-за того, что эти люди были поляками, украинцами или евреями, то есть по соображениям национальной принадлежности.

Мы считаем, что человечество и политические власти различных стран мира не должны допустить повторения подобных явлений в будущем. Поэтому сегодня очень важно заложить фундамент согласия между народами, особенно среди представителей молодого поколения, которому принадлежит будущее.

Мы убеждены в том, что такие межконфессиональные и межэтнические встречи молодежи меняют мировоззрение, разрушают сложившиеся у людей стереотипы, представляющие собой основную причину конфликтов и враждебности между народами, а также способствуют достижению согласия между молодыми представителями разных народов.

Наша долговременная цель состоит в том, чтобы проповедовать среди широких кругов современного общества такие идеи, как уважение к людям разных национальностей и глубокое понимание нашей общей истории с ее позитивными и негативными страницами. Только после всего этого можно строить совместное будущее и добрососедские отношения с другими государствами, не отягощая себя взаимными «обвинениями», которые касаются прошлого.

Надеемся, что наши инициативы получат широкую поддержку общества, глав церквей и высших органов власти в наших государствах.

Участники и организаторы

Специальное приложение к «Курьеру Галицийскому»,

2008, 15 сентября, №17 (69)

Януш Шубер

СТИХОТВОРЕНИЯ

Было

Разве это был сад? Нет, это был не сад.
Мы лежали в объятьях колючей проволоки,
Перед глазами маячил обрывок инструкции.
Годы шли, с ветхой вышки
Один за другим спускались охранники,
Гадали о будущем по конскому навозу.
Разве это была крепость? Нет, не крепость.
Сторожевые вышки превратились в мачты,
Нас сотрясали тектонические толчки,
Мы обрастали под шёлком кристаллами кварца,
Нас увозили серые папирусные лодки.
Как это было — тепло, холодно, твёрдо, горько?
Нет, было безвкусно, вкус нам отбили.
Так что ж это было? Не знаю, что это было.
Галлюцинация? Явь? А может, кошмарный сон?

Княгиня-однодневка

Кузина дедушки Стефана — тётка Ирена —
и её романтически-застенчивая история.
Прелестная девушка-подросток из города Самбора
в 1915 году без ведома и согласия родителей вышла замуж
за Алексея, офицера армии Брусилова, и поселилась
в Киеве, у матери Алексея, княгини О.

Красотой и чувством были опрокинуты классовые,
национальные, религиозные барьеры.

Сказка — сон наяву — длилась недолго.

Потом начались мучительные скитания вместе с мужем
по России: она рожала и хоронила детей,

он, вопреки очевидности, надеялся, что победит
в гражданской войне, спасёт белую империю для царя.

На несколько лет они приютились в одной из стран
поблизости от их родин, и тут Алексея настигла
рука правосудия — он был расстрелян немедленно
после прихода Красной Армии.

Ирена вместе со спасённым сыном, тоже Алексеем,
пряталась у друзей, румынских немцев.

Очередную войну пережила, работая переводчицей.

Дальше — история скромной служащей,
туберкулёз единственного сына, жизнь на грани нищеты.

Комнатка с общей кухней на улице Штефан сель Маре, 64,
удобства на улице, вода из колодца,

собственноручно наколотые дрова из сарая,
обледеневший откос двора.

Лишь однажды она приехала в родную страну,
чтоб восстановить прерванную на полвека связь
с семьёй. Дряхлая старуха, примирившаяся с судьбой,
ибо как бунтовать против воли Божьей.

В своём последнем письме она сообщала
о летнем зное: «у нас стояли ужасные жары».

Тётя Ирена, княгиня-однодневка,
наконец-то навек соединилась с Алексеем
в православно-католическом небе.

Ракия

Где-то на Балканах, во время первой
великой войны, окончательно похоронившей
императорско-королевский девятнадцатый век,
в сухом каменистом овраге, за деревушкой,
где они хотели отдохнуть, устав от марша
и ожесточенной враждебности здешних пастухов,
они нашли ещё не остывшее тело
одного из своих, ровесника, парня из того же
рекрутского набора: с него был содран мундир,
а в распоротый живот убийцы напихали
зрелых слив в отместку
за конфискацию бочонка сливовицы,
произведённую накануне — ими,
вчерашними студентами, поклонниками
Пшибышевского и Ницше, репетиторами
по алгебре и греческому, клиентами харчевен
и дешёвых, неопрятных бордельчиков.
Они запомнили тот эпизод с фотографической
точностью и, рассказывая о нём внукам,
были всё ещё поражены ужасным открытием,
ощущали в горле чудесный жгучий вкус
проклятой горилки, именуемой «ракия».

Видя сны

Странные обряды, в которых и я участвовал,
Тяжело опускаясь в расселины сна.
Свинцовые башмаки, кожаная шляпа,
Украшенная крылом коршуна или ястреба.
Я нёс фонарь и посох из горного хрусталя —
Он, говорят, помогает отгонять змей,
Спасает от яда, служит оберегом в дороге.
Наше собрание, а нас там было много,
Похожих друг на друга, как две капли воды,
На дне ущелья, среди базальтовых глыб,
Вокруг топки, коптящей радужными огнями.
Ни обмена дарами, ни приветственных жестов.
Ничему здесь не следовало удивляться.
Всё, что требовалось, — молчать, скрывая страх:
А вдруг мы все, и огонь, и скалы, — только притворяемся собой.
Мы ждали знаков на земле.
Ждали знаков на небе.
Ждали хоть какого-нибудь знака.

Пение петухов

Чеславу Милошу

Пение петухов — к перемене погоды:
Под синей тучей синие ядра слив
С пепельным налётом и липкой щелью —
Там сладкие струпья грязного янтаря.
Язык пытается сгладить шероховатость косточки,

Проходят годы. А она всё так же ранит нёбо,
Обещая прикосновение к сути — дну того дня,
Когда распелись петухи, предвещая перемену погоды.

В третьем лице единственного числа

Ещё темно, он зажигает лампу.

И первое, что он видит, в который раз —

всё те же оставленные им на стуле

брюки, майка, трусы.

Он берёт блокнот и ручку, чтобы повторяемое

и с виду необходимое обрело подтверждение

в форме приговора.

А вот если б, к примеру, рядом

лицом к стене — тот или та, и того

или той одежда перемешалась с этой,

на стуле, — что тогда?

Как мертвоглазый крот

Снега ему не видать

в парах липкий грунт изнемог

и на поверхность лезет

четырёхвековой сапог

Пятка и пять пальцев

вперёд и всё глубже глубже

туда где вечное пламя

или вечная стужа

Четырёхвековой сапог

с виду совсем неплох

он закопался в дёрн
как мертвоглазый крот
На разрытом кругу
спускают в котлован
прямо в ковше экскаватора
археолога-даму
Решка а может орёл
да копыа наконецник
без стремени без уздечки
а утро восходит зарёй
Бьётся среди машин
хмарь однодневных созданий
о смилуйся над нами
парковщик наш господин
Четырёхвековой сапог
уже на поверхность лезет
шурует в никуда
спешит о воле грезит

Перевод Андрея Базилевского

Януш Шубер (1947) родился и живет в Саноке. Пишет стихи с конца 1960 х, но публиковать их начал только в 1994-м. Тогда он издал всё, написанное до этого, и с тех пор публикует новые произведения регулярно, по мере создания. Сейчас на его счету уже полтора десятка сборников стихов. Важнейшие: «Видя сны в чужом доме» (1997), «О мальчике, мешающем варенье» (1999), «Божья коровка на снегу» (1999), «Круглое око погоды» (2000), «Урок Терезия» (2003), «Чертёж» (2006). Шубер — лауреат многих премий, в частности — Фонда Культуры, Фонда Владислава и Нелли Тужанских (Торонто), имени Казимеры Иллакович. Его стихи переведены на пятнадцать языков.

С ШУБЕРОМ

Лето в тот год началось бурно. В Жешувском университете отмечалось шестидесятилетие Януша Шубера, родившегося в 1947 м ровесника поэтов «новой волны» (он двумя годами младше Рафала Воячека). Шубер дебютировал поздно, в середине 90 х, сразу пятью книгами. Потом издал избранное — «Мальчик, мешающий варенье». Затем один за другим последовали тонкие сборники и более объемистые книги избранного (последняя — «Пение петухов», Краков, 2008). Шубер явился в литературу сформировавшимся поэтом, с собственным видением мира и репертуаром тем. Он знает, что делает. От книги к книге ни видение, ни репертуар существенно не менялись, однако — что особенно заметно в тщательно составленных книгах избранного — Шубер очищал и углублял свою поэзию.

Его жизненная и поэтическая территория — город Санок и окрестные земли, с их прошлым и настоящим. Река Сан и горы Бещады. Дома и квартиры, памятные ему с детства. Близкие и дальние родственники, старые фотографии, которые требуют рассказа об изображенных на них людях, оживающие в памяти подлинные предметы. А также писатели: Мариан Панковский, Кальман Сегал, из более ранних — Винцентий Поль, Януарий Позняк, — писавшие здесь и об этой земле. При этом у Шубера нет мифологизации Санoka и его окрестностей. Это пространство — не «всегда и везде», оно исторически и географически определённо.

Шубер-поэт принимает мир в его конкретности и — в его «одноразовости». «Принять, ибо уже никогда — ничего другого / Кроме того, что здесь» («Сосредоточенность»). ситуация четко определённа, она проявляется в памяти, переходит из памяти в воображение, из воображения — в поэтический образ: «Мы, бывало, играли в шахматы на антресоли: деревянный / Настил, резная галерейка с ламбрекеном, / Терпеливо вытканым пауками». Или в «Мальчике, мешающем варенье»: «Деревянная ложка, чтобы мешать варенье, / Истекающая в кастрюле сладкой смолой. / Бормочет пузырями сливовая магма. / Для того, кто не может охватить целое, — / Хоть какое-то спасение в сохраненной памятью детали».

Есть тут и прямо выраженное опасение, что в реальности создаваемого стиха предметы, их качества затеряются среди

абстракций. Поэт вспоминает очень конкретный момент, точно описывает, как лежит на лугу, смотрит на горы и облака («Кусались мухи. Горела кожа меж лопаток»), а в голову ему приходят формулы философов, словно уничтожающие конкретность ситуации, разрушающие ее материальность, чувственную достоверность и неповторимость: «Кем я был? Сознанием, пребывающим в бытии? / С собой, случившимся с собой, таким, а не иным? // Узником языка, не умевшего называть? / Ибо единичное он немедленно превращал в общее, / Контуры предметов наполнял произвольной субстанцией, / И тогда, вопреки моей воле, моё материальное „здесь“ / Превращалось в „где бы то ни было“» («Глядя в облака»).

Это — опасение перед «где бы то ни было», перед тем, что познающий субъект задержится на поверхности мира. Мир кажется ему трёхмерным лишь потому, что он втискивает в него собственное психическое содержание, накачивает летучей материей своих чувств, душевных порывов и тоски, отнимая у мира его субстанцию. Это страх перед бытием неопределённым и нематериальным, бытием тени в элизиуме вне времени или во времени, параллельном нашему, наполненному и определяемому конкретностью, — как в стихотворении «Было», которое можно толковать по-разному, так много в нем неопределённости. Иногда это посмертное бытие людей, погибших в каком-то лагере («С ветхой вышки один за другим спускались охранники») или просто на войне, на фронте («Мы лежали в объятьях колючей проволоки, / Перед глазами маячил обрывок инструкции»). Наверняка это также потусторонний мир, с отсылками к египетским верованиям («Нас увозили серые папирусные лодки»). Великолепие реальности кончилось вместе с угасанием чувств: «Как это было — тепло, холодно, твёрдо, горько? / Нет, было безвкусно, вкус нам отбили. / Так что ж это было? Не знаю, что это было. / Галлюцинация? Явь? А может, кошмарный сон?»

Поэзия Шубера — против такой неопределённости. Жизненный опыт говорит ему, что «невнимание — грех непростительный, / А каждая частица времени имеет окончательную форму». Итак: «К чертям собачьим такое стихоплётство, / Если словом, как ложкой, нельзя зачерпнуть субстанцию. / Боже сохрани от скверных стихов — чтоб им не родиться» («Чтоб им»).

Признание предметов связано, причем тесно, с признанием людей, с потребностью ощущать присутствие других. Януш Шубер — поэт общности. Если «Пение петухов» — автопортрет, то такой, где герой — не один, его окружают другие фигуры. На уровне зримого они — на тех же правах, что главный герой.

Общительность — важная черта этой поэзии. Шубер зовет в свои стихи живых и мертвых: членов своей семьи, друзей, старых писателей, земляков и жителей других краев. Иногда — вымышленных. Людей выдающихся и скромных, бедных. И всегда хочет их увидеть, узнать, радушно приглашает. Не для того, чтобы заранее высмеять или осудить. Они ему любопытны. Общительность проявляется также в посвящениях и в присутствии адресата поэтического высказывания. Поэт, участник пира, словно вовлекает читателя в круг, который составляют вписанные в текст и окружающие его лица. Но романа в стихах не возникает. Ибо субъект — лирический герой, а не эпический повествователь, не рассказчик, он явственен, отчетлив, живет своей духовной жизнью. Такое сочетание ролей — задача трудная, не сразу она была решена в этой поэзии столь удачно. Шубер шел к этому постепенно, во многом через композицию очередных книг избранного — чтобы достигнуть полного успеха в «Пении петухов».

Автопортрет поэта среди других — живописен, чувствен, построен на синестезии. Сочетания цветов связаны с запахом, вкусом, осязанием, с восприятием тембра голоса другого человека, даже тогда, когда тот молчит в фиктивном пространстве стиха. Это жанровый портрет на фоне предметов прочных (по крайней мере, предположительно) и непрочных, вроде сливы («Под синей тучей синие ядра слив / С пепельным налётом и липкой щелью — / Там сладкие струпья грязного янтаря. // Язык пытается сгладить шероховатость косточки, / Проходят годы...»). Среди предметов и ситуаций, поглощаемых во всей их многообразной красоте в настоящем времени стиха. В настоящем времени поэта.

Сначала я прочел его дебютное «пятикнижие», но невнимательно. Только «Мальчик, мешающий варенье», прочитанный в машинописи в 1998 г., в июльскую жару на берегу озера, стал моим первым настоящим посвящением в творчество Шубера.

Сперва я находил в этих стихах слова, вызывающие в памяти краски и вкус моего детства, проведенного в Прикарпатье: «крагля» — бутылка зеленоватого или розового лимонада, «шутер», а не гравий (добываемый в реке и вывозимый на дороги), «пасьбище» вместо пастбища, — в этих словах, в их дыхании было особое (для посвященных) очарование. Я поддался очарованию.

Кроме того я нашел в этой поэзии реализацию моих неисполненных стремлений. Дело было не во вкусе подлинности вещей и природы. Описания были превосходны,

убедительны, но я знал, что на такое и сам могу посягнуть. В другом я завидую людям Януша Шубера — тем его героям, которые как бы незаметно (для читателя, для автора, для самих себя?) преодолевают всё новые границы: между реальной жизнью и памятью, между памятью и воображением, между воображением и произведением. Мне это не удавалось. Другой человек, тот, что жил когда-то, как только я вовлекал его в свой литературный мир, переставал жить, из него выходил воздух, он становился куклой, чьи движения я мог направлять, хоть и стыдился этого. Разве это только вопрос техники, стиля, повествования? Боюсь, что нет. Это также вопрос чувства, моего отношения к приглашаемому, умения слушать, какой-то настоящей, несентиментальной любви...

Не каждый поддается очарованию этой поэзии, я знаю тонких и умных читателей, хороших критиков, которым она определено — по разным причинам — чужда. В том числе таких (не столь умных), которых раздражает, что, хотя эта поэзия кажется понятной, трудно подчинить ее какой-либо классификации, упрятать в подходящий, снабженный этикеткой конверт.

Среди программных стихотворений Януша Шубера есть афоризм под названием «Недостижимое»: «Между ним и глазами, что на него смотрят, нет предметов излишних». От книги к книге, вырабатывая собственную форму и отторгая чужеродное, поэт удаляет «излишние предметы». И оказывается — «на колеснице инвалидной коляски, / под триумфальной аркой иронии» — перед лицом «другого», того, кого он сделал героем своих стихов, а также перед моим лицом — лицом читателя.

МОЯ ЗАМЕЧАТЕЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Известный полонист, вышедший на пенсию профессор Ягеллонского университета Генрик Маркевич продает свою огромную библиотеку. Ее постепенно выкупает «Ксенжница Поморская» — Щецинская публичная научная библиотека.

В квартире профессора можно увидеть рисунок Анджея Млечко, где изображен мужчина в комнате, заваленной до потолка книгами, очень похожий на Маркевича, — он готовит себе веревку, собираясь повеситься, а в дверь заглядывает женщина со словами: «Вижу, что ты прочел уже всё, Генрик».

— Ваша библиотека насчитывает около 40 тысяч томов. Сколько их было в самом начале?

— Основателем библиотеки был мой любимый двоюродный брат Зыгмунт Блюменфельд; он был старше меня на девять лет и очень серьезно мною занимался. Когда я был еще школьником, он подготовил для меня каталог книг и обязал меня систематически его пополнять. Тогда оказалось, что в моей библиотечке около сорока книг.

В 1939 г. в моем собрании насчитывалось уже почти 500 томов, это были главным образом произведения классиков польской литературы и историко-литературные труды. Во время войны значительная часть этой библиотечки пропала или была разворована. Но несколько десятков книг всё же удалось спрятать на чердаке. Я забрал их после войны, когда вернулся в Краков из Советского Союза.

И это положило начало моей новой библиотеке. С 1946 года я непрерывно ее пополняю. Работая в редакциях — сначала журнала «Пшекруй», а потом газеты «Жиче литерацке» — я имел возможность пополнять свое собрание за счет обязательных экземпляров, которые приходили в редакции. Потом я сотрудничал с издательствами как автор и рецензент. Эти издательства — даже сегодня, если я их об этом прошу, — присылают мне свои книги.

— Говорят, вы любите повторять: «Из книг по истории литературы у меня есть всё!»

— Действительно, что касается работ по истории польской литературы, то у меня широко представлено всё, что было издано до 1939 года. Вернее, скажу иначе: нет, собственно, ни одной более или менее важной книги по этой тематике, которой не было бы у меня в библиотеке. Иногда это ксерокопии, которые я сделал для себя с очень редких и практически недоступных изданий.

А что касается книг, изданных после войны, то действительно у меня есть почти всё. Разумеется, бывает, что в университетских или провинциальных издательствах выходят работы, которые мне не всегда удастся достать. Но, по самым осторожным подсчетам, думаю, что 75% таких книг в моей библиотеке можно найти.

— *Была ли такая книга, обладать которой вам очень хотелось и вы не успокоились, пока ее не достали?*

— Таких на протяжении столь долгих лет было довольно много. Например, мне было безумно важно иметь «Польский биографический словарь», но цена его в первые послевоенные годы была слишком высокой. Только после того, как сделали репринт, цена несколько понизилась. Однако в то время даже эта цена превышала мои финансовые возможности.

Когда я сам как автор начал сотрудничать со «Словарем», то поделился своей мечтой с тогдашним его редактором профессором Казимежем Лепшим. Некоторое время спустя он мне звонит: «Тут побывала одна дама, у которой есть довоенный комплект биографического словаря, ей он не нужен, она хотела бы подарить его кому-то, кто в самом деле интересуется этим, вы можете взять его себе». Я был так счастлив!

— *Эти книги вы наверняка себе оставите?*

— Конечно. Библиотека «Ксенжница Поморская» и ее директор Люциан Бомболе夫斯基 проявили невероятную доброжелательность и понимание того, в чем я нуждаюсь. В результате всё, что мне может быть по-прежнему необходимо, что может меня интересовать, будет снабжено печатью библиотеки, но останется у меня на хранении так долго, как я этого пожелаю.

— *Без чего вы не можете обойтись? Что, по вашему мнению, может служить «библией литературоведа»?*

— Прежде всего энциклопедии, словари и библиографии. Далее — произведения классиков польской литературы и важнейшие работы по тем периодам польской литературы, которыми я занимаюсь, то есть от позитивизма по межвоенное двадцатилетие. Наконец, работы по теории литературы и истории литературоведения. Это для меня та основа, которой мне бы не хотелось себя лишать — конечно, до тех пор пока ум и зрение позволяют мне работать с этими материалами.

— *Я думала, что вы уже всё знаете наизусть.*

— Ах, ну что вы! Я прочел, может быть, процентов 30 книг из моей библиотеки! Многие книги я покупал либо на всякий случай, потому что могли пригодиться, либо из коллекционерской страсти, многими пользовался лишь выборочно, в поисках конкретной информации. Конечно, продавать их теперь оказалось сложной для меня операцией. И не столько эмоционально, сколько технически. Во-первых, пришлось выработать для себя концепцию, от чего и в какой последовательности отказываться. А во-вторых, надо было снимать с полок все книги. Это стоило мне огромных физических усилий, но я как-то справился.

Заодно я хотел бы исправить некоторую неточность, которая появилась в прессе. Я никогда не обращался в Ягеллонскую библиотеку с предложением уступить ей мое собрание, так как знал, что те же книги есть у нее в запасниках. Но я отправлял письма с подобным предложением в институты польской филологии разных новосозданных вузов — безрезультатно.

— *Сколько комнат занимает ваше собрание?*

— Четыре. В комнате, где я работаю, стоят энциклопедии, словари, библиография, литературоведение и тексты польских классиков. Книги расставлены скорее по тематике, а в рамках тематики — по алфавиту, по авторам. Однако есть различные отступления, цель которых была весьма прозаична: втиснуть как можно больше книг на полку. В какой-то момент я перестал вести каталог и теперь очень об этом сожалею. Тогда мне казалось, что раз я эти книги без конца переставляю с места на место, то вряд ли каталог мне поможет.

В так называемой комнате для прислуги — я ведь живу в доме довоенной постройки — я держу в основном мемуары и издания писем. В дальней комнате — новейшую польскую беллетристику и самые важные работы по русской литературе. Еще в одной дальней комнате стоит современная иностранная литература, книги по истории, философии и другим

гуманитарным наукам, большое собрание литературной критики. В спальне у меня тоже есть немного книг, но там у меня беспорядок, так что туда я вас не поведу.

— *Много ли книг с автографами вам удалось собрать за эти годы?*

— Очень много. Этот раздел своей библиотеки я хотел бы оставить у себя как можно дольше. У меня есть автографы некоторых выдающихся писателей: Казимежа Вежинского, Ярослава Ивашкевича, Теодора Парницкого, Мечислава Яструна, Юлиана Пшибося, Станислава Лема, Виславы Шимборской, Эвы Липской. Но главное — книги с автографами моих учителей, друзей, коллег, учеников, занимавшихся историей литературы и литературной критикой. Некоторые написаны в совершенно традиционной манере, другие — как это обычно бывает — содержат преувеличенные комплименты по моему адресу. Но я высоко их ценю как доказательство симпатии, доброжелательности, одобрения со стороны разных людей.

«Ксенжница Поморска», принимающая мою библиотеку, хочет издать брошюру, в которой будет перепечатан мой давний очерк «О моей библиотеке и немного обо мне самом», а также около 150 посвящений на моих книгах, особо любопытных, забавных либо доставивших мне самое большое удовольствие. Например автограф 1948 г., когда я был еще студентом, — профессор Казимеж [1] сделал мне такую надпись на своей книге «Пограничье романа»: «Генрику Маркевичу — его по званию учитель, а по ощущению — коллега по профессии критика». Я был просто счастлив! Не менее прекрасный автограф я получил от профессора Станислава Пигоня^[2] после магистерского (дипломного) экзамена. На следующий день я пришел на кафедру литературы и нашел там последний труд профессора с такой надписью: «Прошу многоуважаемого господина магистра Генрика Маркевича сохранить на память. 20 февраля 1951, от автора».

— *Ваша защита диплома проходила довольно необычно...*

— У меня уже были работы, некоторые даже были напечатаны, но я никак не мог собраться и сдать магистерский экзамен. Я боялся, что знаю слишком мало. И вот однажды профессор Пигонь обращается к профессору Выке: «А почему этот Маркевич не сдает магистерский экзамен?» Выка пытается объяснить ему, что я чувствую себя недостаточно подготовленным. «Тогда мы устроим ему ловушку», — ответил Пигонь.

Вызывает меня Пигонь и спрашивает: «Вы организуете для студентов обзорные лекции по истории польской литературы — как они будут выглядеть?» Я отвечаю более или менее, кто чем будет заниматься. А он продолжает спрашивать: «А как вы собираетесь представить проблематику европейского и польского Ренессанса?» Я говорю, что точно не знаю, так как вести их будет другой человек. А он возражает: «Но ведь вы это организуете. Вы должны ориентироваться!» Тогда я выдаю всё, что знаю на эту тему.

Следует второй вопрос, третий. С третьим я не справился. Появляется Выка, Пигонь говорит: «О! Хорошо, что вы пришли, мы тут как раз беседуем с господином Маркевичем по поводу обзорных лекций для студентов». Выка задает мне еще каких-то два вопроса, и в конце Пигонь резюмирует: «Большое спасибо, про обзорные лекции мы теперь всё знаем. И одновременно я вас поздравляю, вы сдали магистерский экзамен. Какую из своих работ вы выберете в качестве дипломной?»

Беседу вела Малгожата Немчинская

Профессор Генрик Маркевич (1922 г.р.) — литературовед, многолетний преподаватель краковского Ягеллонского университета. Автор, в частности, книг: «Главные проблемы науки о литературе» (1965), «Позитивизм» (1978), «Аспекты литературного произведения» (1984), «Бой-Желенский» (2001), «Приключения литературных произведений» (2004).

1. Казимеж Выка (1910–1975) — польский литературный критик и историк литературы, профессор Ягеллонского университета, один из основателей Института литературных исследований.
2. Станислав Пигонь (1885–1968) — историк польской литературы и издатель (он, в частности, подготовил к печати полное собрание сочинений Мицкевича), в 1939–1960 (с перерывом, вызванным войной) преподавал в Ягеллонском университете.

ОТОРВАННЫЕ МИНУТЫ

ЗИГМУНТ ГЕРЦ, МОЙ ДРУГ

Зигмунт Герц был одним из самых близких мне людей. Трудно примириться с тем, что я лишен едва ли не ежедневных телефонных разговоров с ним, встреч в кофейнях во время его приездов в Париж, его очаровательных, блестящих, остроумных писем, которыми мы обменивались, путешествуя или отправляясь в отпуск.

Я слушал проповедь священника Юзефа Садзика над его гробом в маленьком костеле в Ле Мениль-ле-Руа с таким волнением, словно само это слово сквозь физическое переживание простых и верных слов о нашем умершем друге вновь обретало свой изначальный смысл. Отклики на его кончину на родине, живая признательность стольких людей подтверждают мою уверенность в том, что новое поколение «непокорных» уже отвоевало свою внутреннюю свободу и уважение к себе самим — черты, которые выходят за рамки политических категорий и свидетельствуют, что нет способа оценить определенные формы активности при помощи рационального анализа ее непосредственных «успехов».

Я тут не собираюсь писать «некролог». Гадкое это слово, а в придачу форма, которой Зигмунт не выносил. Мне хотелось бы максимально верно представить образ моего друга, в свете мнимых контрастов его натуры и капризов судьбы, навязанной ему историей. Милош в «Саду наук» назвал польскую склонность к вербальному идеализму «благочестивыми восторгами на палубе корабля, в трюме которого везут невольников». Идиосинкразия Зигмунта Герца к высокопарным декларациям, его уверенность в себялюбивых побуждениях человеческой натуры представляли нечто подобное, но вывернутое наизнанку — противоположность его почти Гоббсовской «философии» и францисканского сердца: в его случае напрашивается сравнение с пиратской каравеллой под черным флагом, везущей в трюме груз даров сирым и убогим.

Я уверен, что «Культура» рано или поздно дождетсЯ цикла исторических монографий, справедливо отождествляющих ее с Ежи Гедройцем, ибо, пожалуй, никогда ни один другой журнал не был до такой степени делом и заслугой единственного человека. Но будущий историк займется и делами институции,

ее «коллективной генеалогией» от отдела пропаганды и культуры армии Андерса в Советском Союзе через Ближний Восток, Италию и вплоть до самого «Института литератского» в Риме и Мезон-Лаффите. Если я теперь этого не сделаю, то никто этому историку не скажет, что одним из первых шагов в направлении создания команды «Культуры» было то, что Зигмунт Герц наступил на так называемую щитковую шпору шагавшего перед ним элегантного ротмистра в пешем строю польских офицеров, взятых в плен советской армией на восточных рубежах после 17 сентября 1939 года. Тут следует добавить, что у Зигмунта была почти, как у меня, неуклюжая походка, в чем мы часто убеждались при наших с ним прогулках. Когда он наступил в первый раз, ротмистр что-то проворчал; во второй раз в гневе отвернулся; после третьего — грозно посмотрел на невнимательного подпоручика противовоздушной артиллерии и заявил, что, прибыв к цели, пришлет ему секунданта, чтобы решить дело по правилам чести. Зигмунт не знал, что конечная «цель» этого марша — Катынский лес. Но ему на выручку пришло чувство юмора и отвращение к такого рода польским причудам. Он обратился к идущему по соседству коллеге и громко произнес: «Ну нет! Бозевич — здесь? Это не для нас!» * Это, между прочим, было причиной тому, что оба они в ту минуту, когда их должны были посадить в эшелоны, идущие на восток, в Чорткове убежали из плена. После множества приключений Зигмунт дошел до Станиславова, где к нему присоединилась бежавшая из Генерал-губернаторства его молодая жена Зофья, не зная, что стала на путь, ведущий в Мезон-Лаффит. «Культура» возникла бы и без этого? Разумеется. Но без Зоси и Зигмунта Герцев это была бы не та «Культура», которую мы знаем.

Это не единственный парадокс военных приключений Зигмунта. Во время итальянской кампании, в Анконе, командир Зигмунта полковник Ангерман дал ему прочесть написанные на него доносы, перед тем как сжечь их. Из них следовало, что с незапамятных времен Бузулука его ироничность и независимость суждений вызвали подозрения в том, что он агент коммунистической пропаганды: «Теперь вы видите, пан Зигмунт, почему вы никогда не дослужитесь до капитана»? Зигмунт тогда вдобавок понял, почему его шутливая переписка с женой с самого начала считалась «разглашением военной тайны» — до такой степени тогдашним цензорам показался похожим на опасный шифр их чудесно сложенный юмор.

Я познакомился с Зигмунтом и Зосей в 1946 году в Риме, куда меня вытащил из 1-й танковой дивизии Эмерик Чапский,

начальник польского военного представительства при британском посольстве, занимавшийся эмиграцией из Италии солдат 2 го корпуса, женатых на итальянках, которым отказали в праве поселиться в Великобритании. Об этой встрече мне запомнилась главным образом красота этой тогда молодой, идеально гармоничной четы, да еще как мы уже тогда над чем-то вместе смеялись.

Лодзинская семья Герцев более чем известна: ее представители, заслуженные общественные или культурные деятели, занимают несколько страниц «Польского биографического словаря», — чтобы нужно было вводить читателя в среду, в которой воспитывался Зигмунт. Его отец, Мечислав Герц, который тоже фигурирует в «Биографическом словаре», был председателем Лодзинской торгово-промышленной палаты и польским представителем фирмы «Сольвей» (в ее представительстве Зигмунт работал у отца до войны). Если я об этом упоминаю, то потому что европейские концерны такого размаха с распростертыми объятиями принимали после войны польских военных, демобилизованных на Западе и ранее с ними связанных. Зигмунту, с его высокой квалификацией и свободным знанием английского, была гарантирована в «Сольвее» прекрасная профессиональная и материальная карьера. Но, пока Зигмунт служил в своем строевом полку, Зося была уже несколько лет связана с культурно-политической деятельностью, в различных формах проводившейся Ежи Гедройцем и Юзефом Чапским. Для нее не было и речи о том, чтобы не включиться в создание «Культуры» и «Института литерацкого». Для Зигмунта выбор был очевиден, и повлияла на это не только солидарность с женой, ощущение, что он не имеет права оторвать ее от работы, к которой она была прямо идеально предназначена, ибо эта работа позволяла ей отдать свои выдающиеся способности на служение делу, придававшему смысл ее жизни. Главным для Зышмунта были «межчеловеческие отношения», наблюдения за ними, возможность их гармонизировать. Ничего он так не боялся в жизни, как «скуки». Никогда не рассматривал свой выбор как самопожертвование. «Что бы было, — говорил он иногда, — если бы у меня была роскошная квартира и „мерседес“? Никогда бы у меня не было столько интересных друзей, переписки, ощущения, что постоянно происходит что-то новое».

Марек Хласко острил, что Зося Герц — Дон Кихот «Культуры», а Зигмунт — ее Санчо Панса. Но не следует забывать ни о том, что Зосю-«Дон Кихота» объединяло с Зигмунтом схожее, очень живое чувство юмора, ни о том, что Зигмунт-«Санчо Панса»

был до такой степени солидарен с «Культурой», что никогда не выдавал мне содержания следующего номера — одной из немногих успешно охраняемых в мире тайн.

Довоенную Польшу Зигмунт не идеализировал, равно как и я, удивлялся и беспокоился далеко идущей реабилитации межвоенного двадцатилетия, которой занимались лучшие представители молодого поколения страны. Сожалею, что мы уже не можем вместе посмеяться и порадоваться отличной подборке текстов из «Газеты польской» довоенных лет, напечатанных Здиславом Бау в «Культуре». После такого чтения действительно трудно было не смотреть с некоторой дистанцией на тоскливую действительность, которую не скрывает бездарная риторика, пользующаяся самым худшим польским языком, достойным нынешней прессы ПНР. Священник Юзеф Садзик в своей проповеди справедливо подчеркнул исключительную скромность Зигмунта, его снисходительность к чужим ошибкам, вообще снисходительность и терпимость. В отличие от множества других эмигрантов, Зигмунт никогда не возмущался «негероическим» поведением тех или иных соотечественников на родине в худший сталинский период. Ему хватало воображения для того, чтобы знать, что единственно личный опыт — которого нам недостает — мог бы дать нам право осуждать.

При этом у Зигмунта было очень живое и естественное чувство исторического времени. Когда нам случалось заговаривать о военных событиях, «как если бы это было вчера», он бурно хохотал: для молодежи это времена доисторические — как если бы мы в 1939 году выслушивали воспоминания о 1905 м!

Признаюсь, что я с волнением отнесся к инициативе «Культуры» учредить ежегодную литературную премию имени Зигмунта Герца. Зигмунт был не только талантливым читателем, которого я всегда спрашивал, что из новых книг, вышедших в Польше, стоило бы прочесть. Он знал их все; он обладал безошибочным чутьем литературных ценностей и решительно отбрасывал всё, от чего разило фальшью, враньем, претензиями. У него самого были все данные стать настоящим писателем, хотя этот талант проявлялся исключительно в его письмах, написанных отличным, ярким языком; с невероятной наблюдательностью сенсационных деталей. Сегодня я, пожалуй, не знаю никого, кто вел бы такую обширную, всегда живую, всегда непосредственную, бескорыстную переписку. Уверен, что собрание писем Зигмунта Герца составило бы одну из самых ценных летописей польской

жизни на родине и в эмиграции на протяжении тридцати с лишним лет.

Через несколько дней после смерти Зигмунта я говорил о нем с другом, который тоже высоко его ценил, хотя знал меньше, чем я. Мы оба пришли к выводу, что если нам иногда удавалось оказать помощь приезжим из Польши в Париже, то в большинстве случаев — в результате звонков, настояний, аргументов Зигмунта. Он был не только видным членом того учреждения, какое представляет собой «Культура», которой он был всецело предан. Он был сам по себе учреждение, единственный, но неисчерпаемый капитал которого составляло, цитируя священника Садзика, «его непостижимое чувство доброты».

[1980]

ЧЕТВЕРОЯЗЫКИЕ ХЛОПОТЫ

Меня связывают близкие отношения с четырьмя языками: польским, итальянским, французским и английским. Я неплохо говорю по-немецки, но немецкий остался все-таки чуждым мне языком. В нем я прыгаю, словно с камня на камень, со слова на слово, с трудом гонясь за концом длинных предложений, на который Wortfolge [порядок слов] сталкивает всю смысловую суть. Немецкий для меня остается маскарадом, мое искусственно хорошее произношение ? не более чем шутка, форма передразнивания гейдельбергского приват-доцента или немецких галлицизмов венского журналиста.

Я принадлежу к последнему поколению поляков из помещичье-интеллигентской среды, которые не помнят, что когда-либо учились французскому. Первые годы детства я провел у бабушки, то есть среди людей, говоривших друг с другом чаще по-французски, нежели по-польски. С тех пор в моем французском звенят архаизмы и провинциализмы, привитые мне в «семье» чередой гувернанток и *mademoiselles*, относящиеся к началу прошлого века и передававшиеся из поколения в поколение. Когда во мне пробудилась ранняя страсть к чтению, я наткнулся на старика Дюма, который увлекал меня куда больше Сенкевича. Позже я набросился на всю бабушкину библиотеку, и к четырнадцати годам в мою «культуру» входили не только Бальзак, Стендаль, Золя, но и Верлен, Эредиа, Октав Мирбо, Гюисманс, вплоть до Рашильда, Пеладана и прочего *fin de siècle*. По-французски я писал письма и стихи, в тринадцать лет перевел на французский несколько стихотворений из «Вечера на Востоке» Станислава Балинского.

В одиннадцать или двенадцать лет, уже говоря по-французски и по-немецки, я начал учить английский. До тех пор английский был языком, на котором в моем присутствии разговаривали взрослые, если не хотели, чтобы я их понимал. Мои родители, бабушка и ее сестры, тетки и дяди говорили по-английски, но неважно. В польской лингвистической социологии одна лишь аристократия придавала совершенству английского языка такое же преувеличенное значение, как совершенству французского. В усадьбах, где я проводил лето, лежали старые ежегодники «Иллюстрированный Лондон ньюс» и «Панча», но подписка на них оборвалась в 1914 году. Английский в моей семье был прежде всего языком культуры. Моя бабушка и ее сестры питали слабость к английским романам в дешевых изданиях «Таухница». Особенно читали они женские романы Розамонд Леман, Виктории Сэквилл-Уэст, даже Кэтрин Мэнсфилд и Вирджинии Вулф. Любимой книгой моей бабушки была «Миссис Делловей», и я помню, как она настояла, чтобы я ее прочел. Описание дня этой элегантно, утонченной женщины тогда мне прискучило. Я не отдавал себе отчета, что вкус моей бабушки совпадал здесь с литературным вкусом самого радикального авангарда.

По-итальянски мои родители говорили, потому что в молодости три года провели в Риме (так они выучили и испанский, когда отец служил в Мадриде). Что еще удивительней, по-итальянски говорила и моя прабабушка, Тереза Чарновская, урожденная Збышевская, ? она, как не без гордости говорили в семье, «читывала Данте в оригинале». Когда я был маленьким, она с листа переводила мне с итальянского отрывки из «Il cuore» [«Сердце»] де Амичиса, время от времени прочитывая целые предложения по-итальянски. Несколько уроков итальянского было у меня в Риме в 1940 году, но мое знание итальянского ? «со слуха» за несколько послевоенных лет, проведенных в Неаполе и Риме. Помню, с каким удивлением я в один прекрасный день убедился, что не только всё понимаю, но и легко говорю по-итальянски. Судьбе было угодно, чтобы, даже живя в Париже, я чаще говорил по-итальянски, нежели по-французски, чтобы итальянский стал моим повседневным, «домашним» языком.

Вот всё, что касается моей языковой «базы». Конечно, я отдаю себе отчет в том, что «четвероязычность», предоставляя столько эстетических и интеллектуальных переживаний, расширяя возможности непосредственных контактов между людьми, облегчая профессиональную и практическую жизнь, мстит писателю. Несмотря на то, что я не живу в Польше, несмотря на скудость моего языка, несмотря на частые досадные

грамматические и синтаксические сомнения, я считаю себя польским писателем (критиком? эссеистом?). Польский язык временами увильивает, но я не пугаюсь. Я чувствую себя в польском языке у себя — как в доме, в котором бываешь редко, но знаешь его «наизусть». Есть у меня, иллюзорная впрочем, уверенность, что среди слов-предметов я найду дорогу даже с закрытыми глазами. Споткнувшись, я считаю, что это случайность, отношусь с доверием — это моё. Кстати, по-польски я начал писать случайно: в конце войны друзья взяли меня в редакцию «Солдатской газеты 1 й танковой дивизии». Не знаю, решился бы я когда-нибудь по своей инициативе на литературную деятельность, если бы не журналистский опыт, не преодоление повседневной рутины сопротивлением и не тот факт, что писать было для меня обязанностью, не включавшей «творческую» ответственность. Я отдаю себе отчет в том, что первым языком, на котором я старался выразиться письменно и литературно, был, кстати, не польский, а английский. По-польски я начал писать, собственно говоря, в 1945 году. А во время войны эссе на философские и литературные темы, написанные во время учебы в университетах в Сент-Эндрьюсе и Оксфорде, впервые поставили меня перед проблемами литературной речи. Мне кажется, я тогда писал правильно: в 1942 году за эссе я получил межуниверситетскую премию «Grey Prize for Mora? Philosophy», и вручили мне ее, в частности, за «высокие достоинства формы».

По-французски я тоже начал писать не стихийно, а на заказ. Около 1952 года ко мне стали обращаться французские ежемесячники — «Прёв», «Сатюрн», «Эвиданс»? с просьбами о статьях, посвященных главным образом польским делам. Я принимал эти заказы из различных соображений. Уже тогда я был близко связан с «Культурой», и высказывать свою точку зрения на польские дела в иностранной прессе казалось мне существенным. К тому же французские гонорары занимали важное место в моем бюджете. Собираясь писать наброски к симпозиуму «полиглотов», я просмотрел свои первые статьи, поразился их вежливости, их безликой случайности, анонимности. Французский язык еще парализовал меня, а значение стиля для меня было связано с так ценимым в нашей семье понятием *d'une phrase bien tournée* [хорошо закрученного предложения].

Иностранцам часто кажется, что совершенство французского языка состоит в употреблении как можно большего числа готовых, полуфабрикатных оборотов. Даже хорошие писатели, пишущие по-польски ясно, сжато, убедительно, по-французски кокетничают как пансионеры, строят ужимки

псевдодипломатов. Другой, менее неприятный, но тоже небезопасный для иностранца соблазн — «классицизм», подражание госпоже де Лафайет и Никола де Шамфору. В моих первых французских статьях я как в зеркале вижу отражение [гомбровичевской] «Рожи» — гримасничающей, несмелой, претенциозной. От «школьного дипломатического» французского меня освободило знакомство с книгами Одиберти и Жене. Не то чтобы я старался подражать барочным экстравагантным формам «Миланского мастера» или сумасшедшему лиризму «Собора Цветочной Богородицы», но я понял, что несмотря на мнимую кристаллизацию французский — это язык, который можно насиловать. С тех пор мой французский стиль стал еще, может быть, капризнее польского. Я причинял беспокойство классицистам в редакции «Прёв», которые часто мне говорят: «Это не ошибки. Но это и не французский язык». Я им отвечаю, что ставлю себе целью не достичь совершенства «универсального» французского стиля, а свободно выразить то, что хочу сказать на чужом языке.

Литературный язык «писателя-полиглота» — сообщающийся сосуд: за прогресс в одном расплачиваешься регрессом в другом. С тех пор как по-французски я пишу часто и, как мне кажется, всё естественней, мне всё больше затруднений доставляют английские тексты. Недавно я написал длинное предисловие к сборнику эссе европейских и американских писателей «История и надежда», который выйдет осенью в издательстве «Routledge and Kegan Paul». Я не говорю о мелких грамматических или синтаксических ошибках — они легко поправимы. Текст строго академический, и сам дух английского языка с его условными оборотами навязал мне маску объективного, веского слова, ориентированного на «профессорскую» строгость. Может быть, здесь стоит упомянуть о следствиях ассоциаций насчет связи некоторых разделов культуры с некоторыми языками, возникающих у полиглота. Я был в состоянии написать предисловие к «Истории и надежде» именно по-английски, потому что моим знакомством (пусть и поверхностным) с социологией, экономией, «политическими науками» я обязан чтению книг на английском языке. А терминология из области истории искусства, литературной критики, психологии, философии знакома мне прежде всего по-французски. Поэтому в моих польских текстах наверняка полно англицизмов, когда я пишу на темы «социологические», и галлицизмов, когда занимаюсь искусством или литературой.

Почему писатель-полиглот в эмиграции не всегда решается окончательно перейти на один-единственный литературный

язык? Это изредка случается, и результаты нередко превосходные: английский Ежи Петркевич, французский Чоран или Ионеско. В моем случае ? критика или публициста ? дело представляется несколько иначе. Больше всего удовольствия доставляет мне писать в «Культуру» — просто потому, что мои статьи вызывают определенный резонанс в весьма скромном, в сущности, кругу друзей. Я знаю, что мои статьи в «Культуре» прочтет как минимум редактор, что по обязанности их должен прочесть в корректуре Зигмунт Герц, что они вызовут живой отклик у Юзефа Чапского, что еще несколько людей прокомментируют их в разговорах или письмах. Французских или английских читателей у меня, может, и больше, но я для них один из тысячи анонимных писак.

Если бы не инициатива Ежи Стемповского, я бы и не вспомнил о заметках, которые изредка набрасываю, без конкретной мысли их напечатать, не задумываясь об их окончательном предназначении. Но мне кажется характерным, что эти заметки включают страницы, написанные по-польски, по-французски и по-итальянски. Возможно, мое естественное слово — мой личный, триязыкий макаронизм.

[1961]

Konstanty A. Jelenski. Chwile oderwane. Wybrał i opracował Piotr Kloczowski. Gdansk: slowo/obraz/terytoria, 2007

КОНСТАНТЫ АНТОНИЙ ЕЛЕНСКИЙ

«Неиспользованный гений» — писал о нем Стефан Киселевский. Солдат армии Андерса, после войны вошедший в тесный круг сотрудников парижской «Культуры», преданный пропагандист творчества Гомбровича, переводчик, журналист, полиглот — кем был один из самых выдающихся польских эссеистов, посол польской культуры в Европе Константы Еленский?

Рим, 1952 год. За письменным столом одного из учреждений ООН Еленский пишет своему другу Юзефу Чапскому: «Я был, возможно (в произвольном порядке): либералом, сыном, гуманитарием, прилежным чиновником, поляком, другом, любовником, педерастом и т.д. Многоликость „Кота Еленского“ зависит от того, кто его отражает». Действительно, таковое «отражение», учитывая недюжинный характер биографии, может в случае Еленского привести к различным, нередко спорным выводам. Собирая материалы из таких источников, как письма, воспоминания или анекдотические рассказы, но опираясь прежде всего на его творчество, попытаемся как можно более объективно нарисовать портрет Константы Еленского, великого патриота, а для некоторых — и одного из выдающихся польских писателей.

Поиски ответа на вопрос, кем был Еленский, следует начать с его детских лет, которые, на мой взгляд, оказали решающее влияние на всю его взрослую сознательную жизнь. Он родился в Варшаве 2 января 1922 г. в семье Константы Еленского и Терезы (Рены), урожденной Скаржинской. Обе семьи были родом из обеспеченных помещиков, но между ними существовали некоторые различия. Семья отца, осевшая на землях Великого Княжества Литовского, представляла консервативную прослойку, в то время как семья матери по преимуществу принадлежала к левым, антиэндецким кругам и как раз в ней живо интересовались широко понятыми художественными вопросами. Выражаясь языком Гомбровича, но безоценочно: эта семья была более «современной».

Детские годы Еленский вспоминал скорее с горечью. До тринадцати лет его воспитывала бабушка, Манета Скаржинская, урожденная Чарновская. В силу

дипломатических обязанностей отца, работника довоенного МИДа, постоянно кочевавшего по разным странам, ребенок виделся с родителями преимущественно на Рождество и в каникулы. Частые отъезды и известный семье алкоголизм отца были достаточными аргументами в пользу воспитания Константы у Рениной матери. Бабушка забрала его, когда мальчику было всего шесть недель. До четырех лет он рос главным образом в семейных усадьбах в Крочеве и Рыбенке, где о нем весьма заботились, постоянно окружая его гувернантками, говорившими на нескольких языках.

«Я принадлежу к последнему поколению поляков из помещичье-интеллигентской среды, которые не помнят, что когда-либо учились французскому», — вспоминал Еленский. Исследуя фамильную библиотеку, он быстро начал читать по-английски и по-немецки, а итальянский, на котором свободно общались его родные, даже в позднейшие парижские годы использовал как повседневный, домашний язык.

Мать Еленского была известной личностью межвоенного период. К друзьям семьи принадлежали, в частности, поэты «Скамандера»; дальний родственник Рены Еленской Кароль Шимановский, Артур Рубинштейн, Станислав Игнаций Виткевич, который даже написал два портрета маленького Константы. Со временем Еленский все чаще оказывался с родителями в разных частях Европы — в Мадриде, Бухаресте, Вене. Отсутствие «постоянства» в жизни Котика не нравилось бабушке, которая в 1930 г. снова забрала его к себе. Живя у бабушки, Еленский учился в гимназии им. Стефана Батория. Мум, как он называл любимую бабушку, умерла в 1935 году. Ее болезнь, тянувшаяся год, перевернула их взаимные обязанности: тринадцатилетний внук заботился о ней до самой ее смерти. Это был для него период преждевременного взросления. После ее смерти он провел год в доминиканском интернате в швейцарском городе Уши, а затем поступил в элитарный лицей с интернатом им. Сулковских в Рыдзыне, где в 1939 г., накануне II Мировой войны, получил аттестат зрелости. Прочитанный в 1937 году роман Гомбровича «Фердидурке» произвел на него огромное впечатление, ставшее, возможно, самым важным в его жизни.

Благодаря помощи итальянских друзей семьи Еленский с матерью в конце 1939 г. покинул оккупированную Варшаву (чтобы, как выяснилось позднее, больше никогда уже не возвращаться в Польшу). Следуя за отцом, они отправились в Италию. После трехмесячного пребывания в Риме Константы вопреки воле матери вступил в польскую армию во Франции, а

после поражения Франции — эвакуирован в Англию. В 1941–1943 гг. Еленский изучал экономику и политические науки в университете шотландского города Сент-Эндрьюс, а затем благодаря полученной на год стипендии — новейшую историю в Оксфорде. Его друг Оберон Герберт познакомил его с английскими аристократами.

После учебы Еленский вернулся в свой полк и вскоре в рядах 1-й танковой дивизии высадился в Нормандии. Он вспоминал, что всю кампанию в Нормандии, Бельгии и Голландии провел в танке стрелком-наблюдателем. Благодаря военным заслугам его повысили в поручики и наградили Крестом Доблести. Еще в Голландии его приписали к редакции «Солдатской газеты 1-й танковой дивизии», которую он со временем возглавил.

После войны, в 1945 г., Константы оказался в Риме, в польском военном представительстве, собиравшей в Италии демобилизованных солдат 1-го корпуса. Вскоре он приступил к работе в Международной организации по делам беженцев в Неаполе, а в 1948–1951 гг. — в Международной организации ООН по сельскому хозяйству и продовольствию в Риме. Уже тогда он был завсегдатаем европейских салонов, а благодаря Ежи Гедройцу и Юзефу Чапскому вскоре вошел в круг Конгресса свободы культуры — организации, основанной на берлинской конференции и поддерживавшей творческую интеллигенцию за «железным занавесом». В своем первом письме к Еленскому в 1950 г. Ежи Гедройц предлагал ему пост корреспондента «Культуры» в Берлине, в то же время рисуя перспективы работы в генеральном секретариате Конгресса. Однако в Италии Еленский был настолько финансово обеспечен, что под предлогом ответственности за семью он поспешно отказался от постоянного сотрудничества.

Поворотной стала его встреча с будущей спутницей жизни Леонор Фини, обаятельной итальянской художницей на четырнадцать лет старше Еленского, с 1952 г. жившей в Париже. Она и стала причиной его переезда из Рима в Париж, где благодаря помощи вышеназванных друзей из «Культуры» он в 1952 г. получил должность руководителя восточноевропейской секции в Конгрессе и место в редакции органа Конгресса, журнала «Прёв». Гедройц поручил Еленскому роль «человека „Культуры“» в Конгрессе, хотя, как выяснилось со временем, их концепции часто и во многом различались.

Сотрудничество с «Культурой» оказало решающее влияние на формирование Еленского как критика и эссеиста. И хотя Еленский свободно писал по-английски, по-французски и по-итальянски и печатался в журналах всей Европы, ничто, как он

сам признавал, не приносило ему большего удовольствия, чем писать по-польски. Характер текстов Еленского на страницах «Культуры» тесно связан с линией журнала, всесторонне рассматривавшего перемены в Польше и Европе, знакомящего польского читателя с культурой и общественно-политической мыслью Запада. Широкий спектр тем, которые затрагивал Еленский, быстро зарекомендовал его как весьма разностороннего писателя.

Его дебютом в «Культуре» стало эссе 1950 г. «Апокалипсис и перспективы — размышления о современных представлениях „конца истории“». Вообще тематика его публицистики 1950-х — золотое дно. С самого начала он систематически развивал свою работу рецензента и пропагандиста (в рубриках «Издательские записки» или «Обзор периодики»). Нередко рецензии на западные издания служили ему всего лишь поводом к попыткам зафиксировать суть более общих явлений: отдельные произведения он умел весьма адекватно включить в общую картину западных мировоззренческих течений. И хотя сам он как огня избегал любых идеологий и ни к одной из них никогда не примыкал, в своих текстах он всегда давал место чужим идеологическим пристрастиям. Будучи ближе всего к антитоталитарным левым, он с надлежащей дистанцией описывал как интересовавшие его коммунистические влечения левых интеллектуалов, так и всевозможные фашиствующие и антисемитские акценты правых движений. Декларации звучали для него фальшиво и неубедительно:

«Я знал слишком многих левых революционеров, которые были реакционными мужьями и любовниками; пылких католиков, созерцавших собственный пуп, даже, пускай реже, толерантных фашистов, чтобы верить, что какие бы то ни было „идеи“ оказывают решающее влияние на наше развитие», — писал он Чапскому. Откровенный атеист, он не скрывал своей хронической антипатии к национально-католическому образу Польши.

Скрытое в номерах «Культуры» писательское наследие Еленского? Это еще и его комментарий к жизни и творчеству самых выдающихся польских писателей, с большинством которых он был лично знаком: он писал о Милоше, Герлинге-Грудзинском, Александре Вате, Ежи Стемповском, Станиславе Винцензе, Тувиме, Галчинском и многих других. Однако особое внимание он уделял Витольду Гомбровичу, произведения которого комментировал, переводил (он перевел на французский «Трансатлантик», «Ивонну, принцессу Бургундскую», «Оперетту» и «Историю») и пропагандировал,

используя всевозможные связи. Не без причины Гомбрович писал о нем в своем «Дневнике»: «На всех изданиях моих произведений на иностранных языках надо поставить штамп „благодаря Еленскому”». Действительно, его восхищение творчеством автора «Фердидурке» было огромным, и никто не понимал Гомбровича так, как он.

Эссеистика Еленского – это еще и весомые рассуждения об искусстве. Он опубликовал ряд заметок о произведениях близких ему художников — Юзефа Чапского и Яна Лебенштейна; исследовал проблемы искусства XX века; писал отчеты о текущих выставках. Он комментировал мировые события, рассматривая их, как и книги, в расширенном контексте европейских интеллектуальных процессов. Неоднократно затрагивал Еленский и проблемы массовой культуры, которая способствовала важным для него тенденциям к интеграции, рушившим излишние стены, разделявшие разные сообщества. В то же время он осознавал сопряженные с ней опасности.

Здесь, впрочем, следует подчеркнуть, что сотрудничество Еленского с журналом Гедройца состояло не только в поставках текстов. И хотя периодически он действительно немало их отправлял в Мезон-Лаффит, но помимо этого он еще помогал «Культуре» на бесчисленных европейских съездах, конгрессах, при случае – частных встречах, беседах и в ведении переписки. Он был «министром иностранных дел» журнала, занимался гонорарами, дотациями, стипендиями и, будучи профессиональным экономистом, помогал Гедройцу советом в его бюджетных (и не только) сомнениях.

Термины, которые могли бы удачно определить его подход к жизни, — это терпимость, беспристрастие и снисходительность. Еленский (что, замечу, свойственно всей «Культуре») никогда не отвергал возможности сотрудничества с теми, кто жил в Польше. Кроме того он считал, что, живя в эмиграции, не имеет права критиковать все начинания тамошних литераторов. В 1955 г. атмосфера польской «оттепели» расположила его к новому общественному начинанию в поддержку творческой интеллигенции Восточной Европы: вместе с Дэниэлом Беллом и Игнацио Силоне Еленский учредил Комитет писателей и издателей на дело европейской взаимопомощи, занимавшийся рассылкой западных книг и журналов и устройством стипендий для восточноевропейцев в странах Западной Европы. Со временем комитет преобразовался в Европейский фонд интеллектуальной

самозащиты — солидное учреждение, поддержанное влиятельными организациями, к примеру Фондом Форда.

После октября 56-го «Культура» поддержала Гомулку, и Еленский поддерживал это решение. Это был знак веры в возможность перемен. Но это разожгло давно разгоравшийся спор с кругами лондонской эмиграции, изначально отвергавшей любые перспективы сотрудничества с институтами ПНР. Пусть и непродолжительная, эта поддержка укрепила связи журнала с интеллигенцией на родине, в том числе и с ревизионистами эпохи «оттепели».

Друзья и знакомые во всем мире (он переписывался, в частности, с Мишелем Фуко, Эженом Ионеско, Роланом Бартом) удивлялись легкости и изяществу Еленского в повседневном общении. Он любил находиться среди людей, самых разных людей, и не раз говаривал, как близок ему эгалитаризм. «Часто обвиняемый в космополитизме, он был на самом деле невероятно связан с Польшей, не только эмоционально, но и семейно», — вспоминал Гедройц. Еленский ко всему подходил с чувством, пониманием и дистанцией, которым его научила жизнь. Будучи подростком, он узнал, что его настоящий отец — граф Карло Сфорца, итальянский министр иностранных дел в 1920–1921 и 1947–1952 годах. Это не изменило его глубоких чувств к Еленскому-старшему, которого он любил и о котором заботился до конца его жизни. О романе Рены со Сфорцой знали едва ли не все, но не говорили об этом публично, хотя со временем их сходство (т.е. Кота и Сфорцы) стало слишком очевидным.

«Культура» и «Прёв» были не единственными изданиями, с которыми сотрудничал Еленский. Знание множества языков и культур позволяло ему печататься в периодике всей Европы, и его тексты появлялись, среди прочего, в «Аргюман», «Монде», «Кензен литерер», «Летр нувель», «Энкаунтере», «Сервее», «Нью рипаблик», «Партизан ревью», «Монате», «Меркуре», «Темпо презенте».

В 1973 году К.А.Ж. (как он часто подписывал свои тексты в «Культуре») стал административным директором Руайомонского центра наук о человеке, основанного его другом, биологом Жаком Моно. После смерти Моно в 1976 г. Еленский получил приглашение на должность советника еще от одного друга, поэта Пьера Эмманюэля, директора Национального аудиовизуального института (НАИ). Для французского телевидения Еленский подготовил серию программ об искусстве «Услышанные взгляды».

В заключение следует особо отметить переводческие труды Еленского. Он переводил не только Гомбровича: в 1965 г. в Париже вышла составленная им «Антология польской поэзии», часть стихотворений в которой перевел он сам. За второе издание антологии (1981) Еленский вместе с Пьером Эмманюэлем получил премию Польского ПЕН-клуба. Два года спустя, тоже вместе с Эмманюэлем, он перевел сборник стихотворений Кароля Войтылы. Стоит упомянуть и избранное Чеслава Милоша (стихотворения и поэмы 1934–1982 гг.), изданное в Париже в 1984 г., — Еленский составил книгу и перевел часть стихов.

В 1987 г. Еленский, продолжавший работать в НАИ, вышел на пенсию. 4 мая того же года он скончался в Париже. Он похоронен на кладбище в Сен-Ди на Луаре, в одном склепе с Леонор и Станиславом Лепри, итальянским дипломатом и художником, в своеобразном «трио» с которыми он прожил много лет.

Этот биографический очерк, конечно, не дает ответа на вопрос о том, кем был Еленский. Он может лишь показать место Еленского на фоне его эпохи, к которой он имманентно принадлежал и с которой постоянно сражался. Но о людях покроя Еленского следует писать как можно больше, надо о них помнить. Ключ же к нему самому таится в его наследии — тех «запечатленных минутах восхищения», которые, как ничто иное, говорят о нем самом, свидетельствуют о его жизненном выборе и мирозерцании.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ВАРШАВА

С недавнего времени на прогулку по Варшаве можно отправиться, захватив с собой литературный путеводитель, изданный в 2005 г. Фондом поддержки литературных исследований. Это дает возможность увидеть город глазами поэтов, писателей, «текстовиков» и бардов различных литературных эпох. Произведения и имена их авторов, использованные создателями «Варшавского литературного путеводителя», складываются в своего рода «план» города. По сути дела это первая попытка показать столицу Польши с литературной перспективы. Попытка тем более ценная, что наряду с Яном Кохановским «свой» уголок Варшавы получил и современный бард — недавно скончавшийся Яцек Качмарский. Рядом с признанными литературными звездами появляются имена писателей, знакомых разве что горячим энтузиастам новой польской литературы.

Фамилии литераторов, так или иначе связанных с Варшавой, размещены в путеводителе в алфавитном порядке, поэтому те, кто знаком с топографией столицы, могут испытывать определенное неудобство от необходимости перескакивать из центра в Кабаты, а потом назад, в Лазенки. Однако тем, кто собирается совершить экскурсию по Варшаве, наверняка понравится, что каждое литературное описание снабжено не только портретом писателя, который своим творчеством увековечил тот или иной уголок города, но и информационно-исторической заметкой о специфике этого уголка, а также цветной фотографией.

Во введении составители «Путеводителя» высказали мысль, повторяющуюся во многих литературных произведениях о польской столице и во многих частных наблюдениях туристов: послевоенную Варшаву, полную достопримечательностей, которым не больше пятидесяти лет, отличает некая временность, эфемерность. «По Варшаве нельзя ходить, как по Риму (...), нельзя пойти на прогулку, чтобы «ощутить» историю и подышать прошлым, потому что материального прошлого в этом городе нет, оно живет в нашем сознании, памяти, литературном опыте».

Ходить по столице с путеводителем можно по-разному — «точечно», подбирая описания по вкусу, или же по исхоженным туристическим маршрутам — Старый Город,

Лазенки, Дворец культуры и т.п. Можно и «стилистически», ибо составители использовали столь разные по жанру и стилю произведения, что любители польской литературы могли бы запланировать маршрут, руководствуясь именами любимых писателей: классиков польской литературы или же представителей молодого поколения поэтов-«текстовиков». Можно, наконец, совершить «обычное» литературное путешествие. Рекомендую читателю прогулку по маршруту, который я проделываю ежедневно, добираясь из дому в центр. Можно и так, хотя, конечно, сейчас я выбираю более длинный путь: Сидни Поляк, Марек Хласко, Мельхиор Ванькович, Казимеж Вежинский, Стефан Вехецкий (Вех), Тадеуш Конвицкий — иначе говоря, Хомичувка, Маримонт, Жолибож, Банковская площадь, Свентокшиская ул., центр.

«Хомичувка, Хомичувка», — пел в 2004 г. о Белянском микрорайоне Сидни Поляк (Ярослав Поляк, р. 1972, музыкант, автор текстов, композитор, пишущий в стиле регги, рэп, фольк). Вместе с ним песенку об этом районе стали напевать не только варшавяне, но и вся Польша, не только любители хип-хопа, но и те, кто его не любит. «До 2004 г. мало кто, кроме жителей Варшавы, слышал о Хомичувке. Песня Поляка прославила этот микрорайон на всю Польшу. У серых многоэтажек появился свой бард, который пишет о минувшем (приблизительно о 80 х годах), но прекрасно чувствует ритмы современной улицы (...) Хомичувка из песни Поляка — это не грустный блочный микрорайон, где ничего не происходит. Двор наполняется содержанием — всё новыми переживаниями взрослого парня. А между строк чувствуется нотка ностальгии по беззаботным временам».

Именно с кольца на Хомичувке начинается маршрут 116 автобуса, проходящий через Маримонт, Жолибож и доходящий до Лазенок, живописного парка, в прошлом королевского, со знаменитым дворцом на воде.

Проезжая через Маримонт, мы рано или поздно «встретимся» с Мареком Хласко (1934–1969, писатель, колоритная фигура послевоенной Варшавы, «хулиган польской литературы», известный как своим специфическим, грубым языком, так и своеобразной манерой поведения). Благодаря его «Маримонтской сонате» и целому ряду рассказов этот некогда рабочий район, одна из улиц которого теперь носит имя писателя, литературно «ожил». После Варшавского восстания, когда были разрушены уникальные старые дома, водяные и ветряные мельницы, которых когда-то там было не счесть, Хласко увидел улицы Маримонта «слякотными и кривыми,

будто кто-то начертил их пьяными шагами». «Увлекаясь экзотикой предместий Варшавы и планируя (...) написать роман о простых людях, он хотел скрыть тот факт, что эти колоритные трактирные рассказы пишет молодой человек (...) живущий в респектабельном районе».

Буквально одна остановка 116-го маршрута отделяет Маримонт, так прочно ассоциирующийся с именем Марека Хласко, от «зеленого Жолибожа» — варшавского района, само название которого указывает на его расположение и красоту (Joli bord, прекрасный берег). Расположенный на левом берегу Вислы, Жолибож не раз был героем литературных произведений. Хотя в этом районе нет туристических достопримечательностей, особая атмосфера Жолибожа привлекает не только литераторов. Живописные виллы, тонущие в густой зелени, церкви и парки манят спокойствием и красотой. Но в межвоенное время, когда тут жил Мальхиор Ванькович (1892-1974, писатель и публицист) с семьей, это был новый, только строящийся район, а в путанице улиц терялись сами жители. Благодаря этому, в частности, писатель мог разыгрывать своих маленьких дочек, спрашивая случайных прохожих, где здесь улица Ваньковича (сегодня имя автора «Травы в кратере» носит одна из улиц варшавского района Урсинов). Собственно все события, описанные Ваньковичем в этой книге, основаны на переживаниях самого автора или его семьи. Именно поэтому дом-домик, «эпицентр счастья», помещенный автором в зеленый Жолибож, выглядит так достоверно, почти приглашающе, вызывая естественное желание погулять по Журналистскому микрорайону, парку им. Жеромского и везде, где ступала нога героев книги.

С недавнего времени через жолибожскую площадь Вильсона ходит метро. Несмотря на простоту и лаконичность оформления новостроящихся станций варшавского метрополитена, именно жолибожская станция была признана на копенгагенской конференции «Metrorail» самой красивой в мире. Поэтому дальше я поеду на метро, тем более что впереди каждая станция связана с крайне интересными местами Варшавы.

Через одну остановку после «Площади Вильсона» метро останавливается на «Банковской площади». Если, выйдя из метро, мы направимся в сторону Новолипья, то выйдем из подземного перехода прямо перед кинотеатром «Муранов», который славится лучшим в Польше (а может, и не только) репертуаром. Варшавские кинотеатры, как, впрочем, и вся Варшава со своим специфическим фольклором, стали

объектом внимания знаменитых, блестящих, остроумных, иногда язвительных фельетонов Стефана Вехецкого — Веха (1896–1979, журналист, прозаик и сатирик), публиковавшихся с 1929 г. на страницах столичных журналов. Вех без устали доказывал, что у Варшавы, как у каждого уважающего себя региона, есть свой говор, свой колорит, что она — не просто случайный столичный сброд. Всюду, где только мог, он демонстрировал свой локальный патриотизм — как, например, в анкете «Варшавского календаря», где он процитировал слова собственного героя: «Как же, Краков уважаю и чту. Городок небольшой, но в своем роде ответственный. Все праздники и народные гулянья лучше всего удаются в Кракове, но, послушайте меня, ведь жизнь-то — она в Варшаве...»

Следующая станция метро — «Свентокшиская». Вечно забитая пробками улица, героиня самых разных литературных произведений, тоже была описана в 30-е годы прошлого века одним из самых способных молодых писателей, членом литературной группы «Скамандр» Казимежем Вежинским (1894–1969, поэт, прозаик и эссеист, после II Мировой войны эмигрировал — сначала в Америку, а затем в Западную Европу). Хотя Вежинский родился на Украине, Варшава быстро обосновалась в его творчестве. В «Песне центра города» он писал: «Спаси меня, Боже, от Свентокшиской, / от шума центра, горы камней, / от влаги на стенах, хмурой и склизкой (...) от спешки, той, что не переменит / судьбы, которая всё перемелет» (пер. Н.Горбаневской). Некогда букинистический рай (об этом писали, в частности, Адам Важик и Ежи Анджеевский), сегодня эта улица более известна зданиями Национального банка и министерства финансов — книжных магазинов тут совсем немного, но в хорошую погоду продавцы выставляют лотки со старыми книгами, становясь живым доказательством тезиса о том, что традиция обязывает.

Со Свентокшиской как на ладони виден Дворец культуры и науки, поэтому дальше можно идти пешком, в шуме и толпе, типичной для центра любого города. В тени гигантского сталинского «подарка», который, независимо от планов застройки (догнать и перегнать), остается самым высоким зданием Варшавы, — развивается действие «Малого Апокалипсиса» Тадеуша Конвицкого (род. 1926, прозаик, сценарист и режиссер). Несмотря на явную нелюбовь части поляков к этому реликту социализма, как часто называют его в Варшаве, дворец прочно ассоциируется со столицей. Тадеуш Конвицкий издал «Малый Апокалипсис» в 1979 г. в подпольном издательстве. Как до Конвицкого, так и после него Дворец культуры использовался культурой и субкультурой, но

описание автора «Малого Апокалипсиса» продолжает оставаться актуальным: «Вот выступает из темноты Дворец культуры, блистающий, как месяц, чужим светом прожекторов».

От Дворца культуры, от улицы Маршалковской можно смело продолжить прогулку. Мы только открыли литературную карту, остановились в центре города. Дальше — куда пожелаете.

Варшавский литературный путеводитель (ред. П.Челичко).

Варшава: Fundacja na Rzecz Badan Literackich, 2005.

КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА

• 33-ю годовщину своего литературного дебюта отметил в Гданьске Стефан Хвин, писатель, эссеист и историк литературы, преподаватель Гданьского университета. Самую большую славу ему принес роман «Ханеман» (1995, русский перевод К.Старосельской — М: АСТ, 2003). Действие романа происходит в Гданьске, который покидают немцы после только что закончившейся войны и занимают репатрианты, переселенные из восточных районов Польши. Празднование столь нетипичного юбилея писатель объяснил «нелюбовью к круглым датам» (в будущем году — выдадим тайну — ему исполнится 60). Гданьск основательно подготовился к торжествам. Творчеству Хвина была посвящена панельная дискуссия с участием критиков и литературоведов, состоялась также дискуссия о свободе, во время которой писатель решительно высказался против любых попыток подвергнуть пересмотру миф «Солидарности». Он, в частности, сказал: «Это было самое громкое требование свободы, которое услышал весь мир». Президент (мэр) Гданьска Павел Адамович от имени министра культуры вручил писателю серебряную медаль «Gloria Artis», а от маршала Поморского воеводства автор «Золотого пеликана» получил изысканное золотое перо.

Были также представлены две новые книги: «Дневник для взрослых» и составленный Кристиной Ларс (в частной жизни — женой писателя) литературный путеводитель «Гданьск глазами Стефана Хвина».

• Но жизнь состоит не из одних только приятных моментов. Со страниц газеты «Жечпосполита» против писателя выступил Рафал А. Земкевич, недовольный его эссе «Мы, Авели, чисты как слеза», опубликованным в «Газете выборчей». В этом эссе Хвин размышляет над тем, «как повел бы себя каждый из нас в ночь на 13 декабря 1981 г., если бы оказался на месте проклятого генерала», и посвящает свой текст Ярославу Мареку Рымкевичу, автору «Вешанья». В частности, он пишет: «Спас ли нас Ярузельский от русской резни в декабре 1981 г. или не спас, мы, наверное, не узнаем никогда. И с этим ничего не сможет поделать никакое Министерство Правды, объявляя обязательную для всех официальную правду о военном положении и наказывая штрафом каждого, кто имеет иное мнение по этому неясному вопросу».

Публицист газеты «Жечпосполита» буквально кипит от возмущения. «Трудно найти слова, чтобы определить меру интеллектуального и морального падения Хвина, — громогласно заявляет он в статье «Хвин Милосердный». — Его текст архиглуп от первого до последнего слова, за его напыщенным стилем скрывается основанный на полном абсурде вывод, и все это подчинено обелению Войцеха Ярузельского». Кроме того, он обвиняет гданьского писателя в том, что тот «рядится в излюбленные приверженцами михниковщины одежды моралиста», в «идиотизме риторической рисовки» и т.п.

Хвин не остался в долгу. Интеллектуальные достоинства публицистики Земкевича он ярко обрисовал в статье «Товарищ Рафал берет слово»: «Рафал Земкевич относится к самым выдающимся представителям молодого польского антикоммунизма, так что он наверняка спасет Польшу от демо-либеральной заразы. Его жесткие антикоммунистические тирады своим риторическим пафосом поразительно напоминают имевшие весьма эффективное воздействие тексты сталинских публицистов 50 х годов прошлого века, которые так же, как и он, стопроцентно знали, где находится — цитируя его же высказывание — „единственная объективная истина“, а добро и зло без труда можно отличить друг от друга, как курицу от петуха. Павка Корчагин польских правых одним махом отделяет свет от тьмы, искореняя всякого рода любителей „затушевать“ и „потусоваться“, к которым сам он — уж будьте спокойны — наверняка не относится. Настоящий антикоммунист по некоторым пунктам обычно довольно сильно напоминает настоящего коммуниста».

Неизвестно, будет ли продолжение обмена мнениями. Но этого можно ожидать.

• Краковская книжная ярмарка набирает силу. В этом году в ней участвовало почти полтысячи экспонентов и больше 300 авторов; ярмарка привлекла внимание около 22 тысяч читателей. За автографами любимых писателей выстраивались гигантские очереди. Самая длинная — к Войцеху Цейровскому. Ежедневно раскупалось около 1200 экземпляров его книг. С читателями встретились также Юрий Андрухович, Павел Хюлле, Ежи Пильх, Дорота Масловская, Януш Андерман и свящ. Адам Бонецкий. Витольд Бересь и Кшиштоф Бурнетко подписывали переизданный бестселлер «Рышард Капустинский: Весь мир мне не охватить».

- Во время Краковской книжной ярмарки было объявлено имя первого лауреата Феминистской литературной премии им. Нарциссы Жмиховской. Этим лауреатом стала Гражина Кубица, автор книги «Сестры Малиновского, или Современные женщины начала XX века» («Выдавництво литерацке», 2006). Это рассказ о сестрах знаменитого польского антрополога, социолога и путешественника Бронислава Малиновского (1884–1942). В одной из рецензий сказано так: «Все героини книги „Сестры Малиновского“ — это образованные, творческие, недюжинные личности: они были врачами, переводчицами, художницами, писательницами, учеными. В отличие от образованных, творческих, недюжинных мужчин, с судьбами которых переплетались их судьбы: Бронислава Малиновского, Виткация, Конрада-Коженевского, — они так и не удостоились солидных биографических статей в энциклопедиях. На отсутствие таковых обратила внимание автор, готовя к печати дневники Малиновского, что и вдохновило ее на действительно кропотливый труд».

- Во время торжеств в варшавском Королевском замке в восьмой раз состоялось вручение премии имени Ежи Гедройца за деятельность на благо польских государственных интересов. В этом году лауреатом стал Кшиштоф Чижевский. В 1990 г. он был главным инициатором создания фонда «Пограничье», который спустя год был преобразован в центр «Пограничье — пограничье искусств, культур, народов».

В небольшое местечко Сейны, расположенное близ польско-литовской границы, в котором живут поляки, литовцы, русские, украинцы, лемки, белорусы, цыгане, а когда-то жили и евреи (сохранилась прекрасная Белая синагога), съезжаются ныне выдающиеся художники, писатели и ученые.

С приветственным словом в честь лауреата выступил Збигнев Глюза, главный редактор издания «Карта», ставший вторым лауреатом этой премии. «Именно сейчас наступил особый момент для идей „Пограничья“. Ежи Гедройц, когда его спрашивали о самых интересных начинаниях в Польше, всегда упоминал „Пограничье“», — подчеркнул он. А сам редактор «Культуры» в 1999 году так говорил о деятельности «Пограничья»: «Деятельность Чижевского заслуживает самой горячей поддержки. Руководимый им центр работает на стыке разных культур, уделяя особое внимание культуре наших восточных соседей. Слишком мало ценится эта работа, направленная на то, чтобы избавиться от пережитков коммунизма и национализма».

— Чтобы строить мосты, всегда необходимо себя преодолевать. А преодоление в себе поляка иногда связано с прикосновением к болезненным вопросам истории. И для этого нужна смелость, — сказал лауреат при вручении премии.

• Среди членов жюри премии им. Гедройца в этом году отсутствовал Ежи Помяновский (лауреат этой премии за 2006 год), который направил короткое письмо главному редактору газеты «Жечпосполита» и остальным членам капитула (жюри) премии:

Глубокоуважаемые господа,

я желал бы уведомить, что решил приостановить свое участие в жюри премии им. Ежи Гедройца.

Единственным и достаточным, по моему мнению, мотивом этого решения являются очевидные расхождения между концепциями Гедройца и традициями его «Культуры», с одной стороны, и тем представлением о Польше и взглядами на нее, которых с некоторых пор придерживается редакция «Жечпосполитой», осуществляющая патронат над премией.

С уважением,

Ежи Помяновский

Это письмо было опубликовано на независимом интернет-портале Studioopinii.pl со следующим комментарием от редакции:

„Ранее из состава того же жюри вышли Анджей Вайда и проф. Эдмунд Внук-Липинский. Эти решения не должны никого удивлять: нынешняя «Жечпосполита» имеет мало что общего с газетой, возглавлявшейся Дариушем Фикусом, которая была удостоена чести патронировать премию им. Ежи Гедройца. Подобная судьба, как и в случае с премией им. Гедройца, постигла ранее премию им. Киселя, патронат над которой осуществлял еженедельник «Впрост» — капитул премии подавляющим большинством голосов принял решение отказаться от этого патроната. Оба издания отражают сегодня политику лагеря, однозначно занимающего антиинтеллигентскую позицию, нападающего на польскую интеллектуальную элиту, употребляя грубые и даже оскорбительные выражения. Сложно требовать от польских интеллектуальных кругов, от польской интеллигенции, чтобы они согласились с таким положением вещей, — что не имеет ничего общего ни с какими-то политическими симпатиями

или антипатиями, ни с предпочтением других газет или редакций».

• Госиздат (PIW) выпустил книгу «„Жизнь возникает от проникновения”». Очерки о творчестве Рышарда Капустинского». В книгу включены 20 текстов, представляющих великого репортера в разных ипостасях: как человека, путешественника, репортера, прозаика, поэта, фотографа. Как антрополога, историософа, истолкователя современной культуры, а также чуткого наблюдателя и комментатора нашей истории. В числе авторов — Ежи Бральчик, Михал Гловинский, Ежи Ястшембский, Ян Медек, Пшемислав Чаплинский, Малгожата Черминская, Лешек Мондзик, Ярослав Миколаевский и др. Сборник завершает послесловие Алиции Капустинской.

„После возвращения из путешествий, — пишет она, — Рышард никогда не начинал щедро делиться впечатлениями и всем пережитым. Он давал краткую, лапидарную информацию. Он утверждал, что если сразу всё расскажет, то потом уж этого не напишет. Так что он хранил в памяти то, что увидел, узнал, через какие испытания прошел, а память у него была чрезвычайно емкая и долгосрочная. О многих опасных для его жизни ситуациях я узнала спустя годы из книг «Футбольная война», «Черное дерево», «Путешествие с Геродотом». Жаль, что он не успел написать три запланированных книги, к которым уже основательно подготовился: о путешествии по следам Бронислава Малиновского, о Латинской Америке и о родном своем городе на Полесье — Пинске”.

• Стоит обратить внимание на интересный дебют, которому Рышард Капустинский наверняка бы порадовался. Речь идет о книге Бартоша Мажеца «На холмах Айдахо» (издательство «Муза»). В книге рассказывается о Брониславе Зелинском (1914–1985), прекрасном польском переводчике, дружившем с Эрнестом Хемингуэем, Джоном Стейнбеком и Трумэном Капоте. Своими воспоминаниями о Зелинском делятся, в частности, Ежи Помяновский, Владислав Бартошевский и сам Рышард Капустинский. «Сегодня очень трудно оценить, что значил для нас, проходивших во времена оттепели первую шлифовку, контакт с американской литературой, — сказал писатель Мажецу за несколько месяцев до смерти. — Мы были воспитаны на соцреалистических производственных романах и до того, как благодаря Брониславу Зелинскому прочитали прозу Хемингуэя, мы понятия не имели, что можно так писать. Для нас это было мощное потрясение». Молодой автор Бартош Мажец (1979 г.р.) — журналист газеты «Жечпосполита». Свои

похвалы ему уже высказал Мартин Полляк, австрийский писатель и переводчик, автор «Отцеубийцы» и «Смерти в бункере», прошлогодний лауреат премии «Ангелус»:

«Увлекательное чтение: Бартек Мажец представляет интересную, но мало известную личность, большого поклонника и переводчика американской литературы. Я многое узнал из этой прекрасной книги — не только о Брониславе Зелинском, духовном наследнике II Речи Посполитой, но и об Эрнесте Хемингуэе и Трумэне Капоте — писателях, прозу которых он перевел на польский. Мое восхищение вызывает метод автора, в котором сочетается прекрасное репортерское мастерство и глубокие знания литературоведа».

Прекрасно оформленная книга содержит обширные фрагменты никогда ранее не публиковавшегося дневника Зелинского, а также неизвестные уникальные снимки из его архива, в частности репродукции фотографий с автографами Хемингуэя и Стейнбека.

• Краковский Национальный музей подготовил первую после войны и одновременно самую большую выставку работ Зофьи Стрыенской — самой популярной польской художницы межвоенного двадцатилетия, сегодня несколько забытой. Ее называли «принцессой польской живописи», она была одной из тех, кто создавал польский стиль «ар-деко» и национальный стиль в искусстве. Она была очарована родным фольклором и традициями прошлого времен первой польской королевской династии Пястов. В своем творчестве она использовала преобразенные народные мотивы. Особым успехом пользовался ее цикл «Польские танцы» и «Польские обряды», а также цикл «Молодая польская деревня», представляющий собой апологию красоты сельской жизни и молодости.

На выставке декоративного искусства в Париже в 1925 г. художница получила «Гран-при» по четырем категориям (архитектурный декор, плакат, ткани и книжная иллюстрация), а также премию в категории игрушек.

В Кракове представлены более ста картин, проекты фресок, кукол и театральной сценографии, графические работы, книги и плакаты, игрушки, шахматы, ткани. Выставлены также малоизвестные картины из банкетного зала трансатлантического парохода «Баторий». Выставка «Зофья Стрыенская. 1891–1976» открыта до 4 января.

- В варшавском Национальном музее до 21 декабря царит ориентальная живопись: сцены из жизни гарема, гурии, одалиски и невольницы; изображения восточных наездников — турок, черкесов; арабы в пустыне, караваны, мечети и караван-сарай. Эти картины, на протяжении длительного времени немодные и обреченные храниться в запасниках, сегодня переживают свой ренессанс. Они вызывают интерес коллекционеров и искусствоведов. «Ориентализм в живописи, рисунке и графике Польши в XIX и первой половине XX века» — первая у нас столь обширная выставка с ориентальной тематикой. Здесь представлено около 400 работ, в том числе таких выдающихся художников, как Юзеф Брандт, Юлиуш Коссака, Ян Матейко, Петр Михаловский, Альфред Веруш-Ковальский, а также менее известных, таких как Панталеон Шиндлер и Франтишек Жмурко.

В России к самым знаменитым представителям ориентализма относились Иван Айвазовский и Василий Верещагин, их произведения тоже представлены на выставке. Как Айвазовский, так и Верещагин были у нас хорошо известны — репродукции их картин часто появлялись в польской прессе о культурной жизни в XIX веке.

- В ноябре из жизни ушли Анджей Браун и Станислав Ружевич. Анджей Браун (1923 г.р.) был автором около 30 сборников поэзии, эссе и прозы, в частности романов «Леванты» и «Бунт». Станислав Ружевич (1924 г.р.) был одним из самых ярких режиссеров польской киношколы. Он снял более 20 кинофильмов (в том числе «Березовая улица», «Трудная любовь», «Свидетельство о рождении», «Голос с того света», «Вестерплатте»). До середины 70-х он преподавал в Лодзинской киношколе. Создавая сценарии своих фильмов, он часто сотрудничал со своим братом Тадеушем Ружевичем — поэтом, прозаиком и драматургом.

- 6 декабря во Вроцлаве центральноевропейская литературная премия «Ангелус» присуждена и вручена венгерскому писателю Петеру Эстерхази за книгу «Harmonia caelestis» («Небесная гармония», по-русски издана в 2008 м). На вроцлавской книжной ярмарке, к которой приурочено вручение премии, прошли встречи с лауреатом и еще четырьмя писателями, вошедшими в «семерку» (шорт-лист) претендентов, в том числе со Светланой Василенко, автором романа «Дурочка». Среди писателей, встретившихся с польскими читателями, были также Наталья Горбаневская (председатель жюри «Ангелуса») и Виктор Ерофеев.

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Две последних книги прозы Ярослава Марека Рымкевича: «Вешанье» (2007), только что получившее премию имени Юзефа Мацкевича, и «Kinderszenen» (2008) — принадлежат к произведениям, которые публицисты называют спорными, особенно если говорить об их идейном звучании. Автор, выдающийся поэт, переводчик и эссеист, выработал специфический, оригинальный повествовательный стиль, который можно бы назвать термином «gawedy docta» («ученые рассказы»), основанный на форме повествования еще времен барокко (получившей определение «шляхетские рассказы»). Однако Рымкевич насыщает его материей, полной эрудиции и опирающейся на научные исследования, — так уже было в его «биографиях» Александра Фредро и Юлиуша Словацкого, а еще раньше — в «Umschlagplatz», полудокументальном рассказе о массовом уничтожении варшавских евреев. То же самое наблюдалось и в цикле книг о Мицкевиче, начавшемся замечательным «Колтуном», где автор сосредоточился — показывая, что «все мы вышли из Мицкевича», — на поисках центра польского духа, которому он находит место в Новогородском повете, там, где родился создатель «Пана Тадеуша». Свои доказательства он упрочил в книге-интервью «Мицкевич, или Всё» (брал интервью Адам Поправа).

Основной тезис «Вешанья», рассказа о малоизвестных эпизодах восстания Костюшко (1794), — расчет с предателями, который предприняли повстанцы, и утверждение, что возможность защитить независимость Польши была потеряна, в частности, потому, что не повесили Станислава Августа Понятовского, последнего польского короля. Сам процесс расчетов, атмосферы, в которой они происходят, и, наконец, своеобразного катарсиса, сопутствующего этим шагам и тем самым высвобождающего повстанческие страсти, представлен невероятно живо. Расширяя тезис Рымкевича, можно прийти к выводу, что такой же ошибкой была аморальность или даже отказ от расчетов с коммунистами в Польше после 1989 года. Можно даже допустить, что скрытый подтекст «Вешанья» — поговорка, часто повторявшаяся в Польше во времена «реального социализма»: «На деревьях вместо листьев мы повесим коммунистов». Между тем, коммунистов никто не

вешал, что в контексте повествования Рымкевича становится несомненной исторической ошибкой. И если так понимать звучание этого — изумительно написанного — произведения, то оно вписывается в философию «Права и справедливости», партии, которая сделала «расчет с реликтами коммунизма» одним из основополагающих пунктов своей программы. Кстати, Рымкевич, выступая в прессе, прямо становится на сторону Пис и особенно ценит «бескомпромиссность» Ярослава Качинского.

А «Kinderszenen» — повествование о том центральном опыте детства Рымкевича, каковым стало Варшавское восстание. Точка зрения ребенка — в отличие от «Записок о Варшавском восстании» Мирона Бялошевского, который дает «штатскую» картину восстания глазами подростка, — раскрывает механизмы борьбы, остающиеся в стороне от непонятных герою политических и идейных побуждений. Восстание становится здесь метафорой бытия, которое является в виде массового уничтожения. В одном из интервью Рымкевич говорит, комментируя подход рассказчика: «Я в этой книге не мог высказаться против страдания, раз оно бесплодно. Если жизнь есть массовое уничтожение и ничем иным быть не может, то нет причин выступать против этой бойни — такое выступление было бы лишено всякого смысла». Это страдание сопровождается — прием изысканный! — прекрасной музыкой цикла миниатюр Шумана, название которого стало заглавием книги.

Комментируя представленный в книге подход, Агата Белик-Робсон в статье «Станет ли смерть новым богом поляков?» («Европа», еженедельное приложение к «Дзеннику», 2008, №42) пишет:

„В «Kinderszenen» мы видим и шопенгауэровское сострадание существам, которые участвуют в том бессмысленном всеобщем уничтожении, каковым является бытие; и дионисийские восторги, повелевающие переживать ужас и мудрость смерти; и восточные ноты, отлично гармонирующие с философией Шопенгауэра, Ницше и Хайдеггера. И вся эта прекрасная интеллектуальная канва служит тому, чтобы извлечь первоэлемент польского духа, специфика которого состоит как раз в особой связи со смертью. В восприятии Рымкевича польская душа осуществляет идеал, о котором мечтали эти три философа: сделав готовность к смерти (Todes?higkeit) стержнем национального самосознания, польская душа совершенно неожиданно оказалась в самой сердцевине философского авангарда. (...) Рымкевич предлагает нам тезис простой,

сильный и захватывающий, ибо этот тезис по своему, хотя и несколько извращенно, опирается на романтический мотив Польши как Христа народов”.

Этот мотив, указывает автор статьи, близок Ярославу Качинскому:

„Однако если Рымкевич действительно поставляет Качинскому идеологическую артикуляцию, то это означает серьезную эволюцию польской души от ее национал-католического воплощения, которое воспевал Сенкевич, к новому, постхристианскому виду национализма, корни которого лежат в немецком фашизме. «Бытие-к-смерти», «готовность к смерти» или «закон бойни», управляющие бытием, — этих терминов Рымкевич не выдумал — они ведут свое происхождение от Хайдеггера, Эрнста Юнгера и Луи-Фердинанда Селина, мыслителей того идейного круга, из которого вытек фашизм. (...) В шопенгауэровско-ницшеанском мире, где правят законы уничтожения, не существует отчетливой ориентации на добро и зло — и Рымкевич хорошо это знает, давая образ симпатичного польского мальчишки как ироническое эхо уходящего на свалку католически-романтического образа Польши — страдающей жертвы. Этот образ постепенно заменяет что-то другое, куда более двусмысленное и хищное, постепенно созревающее в детском уме автора: «безумство поляков» в ответ на «безумство немцев», реакция в рамках одной и той же игры сил. Так то вот — а в каком-то смысле это делают и братья Качинские — предпринимаются попытки осовременить польский национализм, выводя его из сенкевичевского захолустья в широкий поток европейской мысли”.

Надо признаться, что диагноз этот необычайно драматичен, хотя в то же время анализ произведен прямо с образцовой последовательностью. Если я хотел бы сделать замечания, то прежде всего терминологические: говорить о «немецком фашизме», используя термин, подброшенный коммунистической идеологией (кстати, типичный словесный вывих, каких в этом пространстве множество), — чистое недоразумение: речь идет не о «фашизме», а о «национал-социализме», что, кстати, прекрасно ассоциируется с идеологическими мерами в ПНР при Владиславе Гомулке и что могло бы объяснить, почему именно этот период наминало мне правление т.н. Четвертой Речи Посполитой. В этом контексте я и воспринимаю слова, завершающие статью варшавской философии:

„Можно ли считать, что Рымкевич, целенаправленно и сознательно «фашизируя» своих излюбленных политиков, то есть братьев Качинских, совершает какое-то ужасное faux pas — или же, может быть, он раскрывает неясную правду сути их политики, ускользающую от текущих комментариев? Прямо страшно сказать, но я склоняюсь к этому последнему допущению. В конце концов, может, действительно поэты, как утверждал Гёльдерлин, а после него Хайдеггер, единственные на самом деле знают, чт? нам светит, и «устанавливают, что останется»? ”

Может-может, хотя, к счастью, это поддается проверке: из миллионов поэтических предсказаний оправдалось ничтожное промилле.

Не скроешь, что творчество Рымкевича последних лет возбуждает все более сильные эмоции, о чем свидетельствует и статья поэта и эссеиста Ярослава Клейноцкого «„Скандалоголизм” Рымкевича» («Жечпосполита», 2008, №256):

„Писать о последних двух книгах Ярослава Марека Рымкевича стоит мне немало труда. Во-первых, потому что я ценю его поэзию, как давнюю, так и новую, которой служит своеобразной цезурой сборник «Улица Мандельштама», и, наконец, одну из важнейших польских поэтических книг XX века — «Мом посмертные сочинения»”.

Кстати, эта поэзия — это я должен прибавить от себя, ибо подверг ее такому испытанию, — если ее читать через фильтр «Вешанья» и «Kinderszenen», обнаруживает новые, раньше скорее не замечавшиеся, притом тревожные аспекты, а явленная в ней зачарованность смертью, похоже, необязательно ассоциируется исключительно с наследием барокко.

Дальше Клейноцкий пишет:

„Обе рассматриваемые книги Рымкевича используют националистическое мышление и отсылают к националистическим ценностям — хотя без примитивности, типичной для политического национализма. Это первый акт скандала, ибо национализм, хоть и одетый в костюм интеллектуализма, идет вперекор как политкорректности (понимаемой как созидание диалога, не нарушающего ничьей сущности, в открытых и терпимых обществах), так и картине общества, ориентирующегося на будущее сосуществование европейских народов, — картине, построенной на способности

договариваться. Второй аспект скандала — дозволенность насилия, понимаемого как акт духовного (интегрирующего) возрождения, мобилизующего сообщество на преобразование и обретение собственных аксиологических корней”.

Это, впрочем, в истории не ново — неслучайно Белик-Робсон в своем эссе напоминает об опыте «консервативной революции» в Веймарской республике, в принципе не противоречившей интеллектуальным концепциям своего времени. Эту атмосферу можно найти в огромном эссе Томаса Манна «Размышления аполитичного человека», написанном во время I Мировой войны. Этот консерватизм, противопоставленный «мягкости» либерализма, замечен и в современной польской правой публицистике. И не удивляют заключительные слова статьи Клейноцкого:

„Поэтому мне мечтается, чтобы появился кто-нибудь (...) и расспросил нынешних консервативных радикалов, а также и «ницшеанских экзистенциалистов», опирающихся на националистические концепции, в том числе и Рымкевича, об их неясном (извилистом?) идейном пути”.

В ту же дискуссию включился на страницах **«Газеты wyborчей»** (2008, №263) прозаик и эссеист, автор отличной книги о сегодняшней Венгрии Кшиштоф Варга со статьей **«Какая прекрасная бойня!»**:

„Рымкевич пишет, что в его поколение вбили мысль о том, что Варшавское восстание было страшным поражением, но это была интерпретация коммунистов в согласии с их планами истребления польского духа. Итак, любой, кто сомневается в смысле Варшавского восстания, кто истолковывает его как тактическую ошибку или поражение, оказывается на стороне большевицкого образа истории. Более того, становится союзником коммунистической пропаганды. В то же время автор приводит подлинные, переписанные с повстанческих донесений образы бойни: добываемых раненых повстанцев, убийства санитарок, истребление пациентов богадельни. Откуда вытекает следующий вывод: если коммунисты хотели, «рекламируя» Варшавское восстание как поражение, истребить польский дух, то единственный способ спасти его и возвысить — признать восстание победой. Ни окончательная капитуляция после 63 дней, ни разрушение города, ни 200 тысяч погибших бойцов и убитых гражданских лиц — это никоим образом не факты, доказывающие поражение. Прямо наоборот. Таким образом, Варшавское восстание в символической сфере — ошеломляющая победа польского духа (...) и истинное воскресение и вознесение Польши”.

Одновременно Варга высмеивает пафос книги Рымкевича:

„Обойдем стороной восторги писателя перед мощными кулаками аковских батальонов (...). Спросим скорее, какое влияние на «исторические события» в будущем окажет память о Варшавском восстании. Писатель (...) не дает нам никаких ответов. Значит ли это, что память, столетиями закодированная в нашей психике, приведет к тому, что в минуту испытания мы снова будем способны на такой подъем, как в августе 1944 го? Похоже, что Рымкевич внушает именно это. Понимать ли фразу о немцах, которым предстоит это «запомнить на целую вечность», как предположение, что они никогда больше не посмеют задирать нас? Ибо на них обрушатся наши невооруженные кулаки?»

Что же, насмешка Варги обладает своими литературными корнями: еще в «Сигнале» Винцента Поля мы слышим, что во время восстания 1863 г. «наши парни без оружия в бой пошли». А во время Варшавского восстания в песне «Малый дворец Михеля» восхваляли варшавских «сорвиголов», которые бросались на немецкие «Тигры» с пистолетами. Ибо важно не оружие, а решимость и готовность к смерти.

„Я опасаюсь, — продолжает Варга, — и тут, пожалуй, огорчу Ярослава Марека Рымкевича, что в немецкой коллективной памяти полтора десятка тысяч повстанцев, погибших в Варшаве, не оставили такой уж сильной печати. Что Варшавское восстание не запечатлелось в немецкой «национальной психике»”.

Верность этого замечания подтверждает хотя бы тот факт, что один из немецких президентов, посетивших Варшаву, легко спутал Варшавское восстание 1944 года и более известное в мире восстание в варшавском гетто 1943 го. Но не без значения остается и то, что Варшавское восстание стало «пунктиком» президента Леха Качинского и одной из главных точек провидимой им «исторической политики»: когда Качинский был президентом (мэром) Варшавы, здесь был открыт монументальный Музей Варшавского восстания. Притом в поэтику музея хорошо вписывается повествование Рымкевича, в которой, как отметил Варга, «восстание тем замечательней, чем кровавее его подавляют. Когда в столбец человеческих потерь можно вписать большее число, чем в столбец спасшихся. Раз дух нации должен выжить, следует ли эту нацию искупать в ее собственной крови, что станет необходимым катарсисом? И уничтожение одного поколения благодаря этому откроет дорогу новым поколениям? Эта логика тревожит. Разве что Ярослав Марек Рымкевич — великий ироник, который нас

разыграл и спровоцировал. Который мастерски содрал с нашей истории мессианские иллюзии. Если так — мое почтение».

Увы, нельзя сказать, что Ярослав Марек Рымкевич — великий иронист. Хотя и остается выдающимся писателем.

РИТМ СЕРДЦА

Ритмами насыщен мир, который нас окружает. Мы встречаемся с ними постоянно, с первых мгновений жизни. Ритм — движение колыбели и пение, сопровождающее его, мигающий свет маяка и шум бьющих о берег волн, стук поезда и кваканье лягушек под откосом железной дороги. Ритмы мира пронизывают нас; внося собственный метр, побуждают к ответу. У первобытных народов ритм ассоциируется с началом жизни. На островах Полинезии бог, слепив из глины фигурку женщины-матери, танцевал перед ней три дня и три ночи. Барабаны ускоряли ритм, а он каждым движением танцующего тела выражал умоляющий призыв. Пока наконец, как пишет Чеслав Милош, материя уже не могла удержать свою неподвижность. Ее прошла первая конвульсия ритма, пробуждение после сна без веков. Ее отклик был робким: она выдвинула одно колено, пытаясь определить, действительно ли она чем-то отличается от земли.

А может, этот ритм, отбиваемый барабанами, донесся из глубин вселенной? Может, его возбудили плывущие из межзвездных просторов сигналы — регулярные, равномерные, извлеченные изнутри колоссов, по сравнению с которыми наше Солнце — пылинка? Эти гигантские скопления материи, источники мощных магнитных и гравитационных полей — нейтронные звезды — шлют во вселенную — и нам — радиоволны высокой частоты. Их отличает такая совершенная регулярность, что центры, в которых они возникают, назвали пульсарами. Так нельзя ли себе представить, что ритм пульсаров навязал ритм бьющим барабанам и первая пульсация крови, что пробежала по пробуждающемуся к жизни человеку, была ответом на их ритм? Пульсация крови от пульсаров вселенной?

Не только мир пронизывает нас ритмами. Ритмы есть и в нас. В наших организмах ритмически протекает так много явлений — от столь очевидных, как сон и бодрствование, вплоть до самых скрытых, таких как выделение гормонов в кровь, — что для объяснения их удивительнейшей регулярности и синхронности стали пользоваться образным понятием биологических часов. И задолго до того, как их открыли, все соглашались, что если этот необыкновенный хронометр

действительно существует, то с его циферблата считывают время все без исключения клетки нашего тела.

Сегодня мы размещаем его в мозгу, в той его части, которая названа подбугорьем. Это там, в двух скоплениях серой материи, ядрах подбугорья, идут биологические часы и их самая существенная часть — циркадный (околосуточный) осциллятор. Кажется, что механизм часов представляет собой цикл повторяющихся реакций: транскрипции генов и синтеза белков. Эти реакции укладываются в кольцо обратной связи: гены, называемые «часовыми», кодируют белки, которые, накапливаясь, тормозят транскрипцию генов. Одновременно с деградацией (разложением) белка транскрипция начинается вновь и цикл воспроизведения белка возобновляется. Этот часовой механизм, отличающийся ритмичностью, является общим для всех видов — от плодовой мушки до человека. Он связан с эмиссией околосуточных сигналов, зависящих от изменений в мембранном потенциале клетки. Однажды возникнув, они распространяются в ближайшую окрестность, а также в другие области мозга.

Но какая польза была бы от часов, которые нельзя установить на местное время? Биологические часы скрыты в мозгу — непосредственно над скрещением зрительных нервов. И преобразованные световые сигналы — кратчайшим путем — непрерывно приносят им вести о мире, тогда как нейроны, создающие их структуру, доставляют им вести изнутри организма. В генетическом часовом механизме сходятся и созвучны ритмы мира внешнего и мира внутреннего.

У некоторых людей биологические часы спешат. На пороге третьего тысячелетия в штате Юта обнаружено несколько семей, все члены которых — от дедов до внуков — просыпаются на четыре часа раньше всех других. Поднимаются, бодрые, ото сна, в который еще надолго остаются погружены их соседи. Их часы как бы убежали вперед за сутки на четыре часа. У этих ранних жаворонков произошла замена отдельной буковки, нуклеотида, в одном из их часовых генов. А может, «ночные Марки» несут в своих часах другую, тонкую генетическую мутацию? Медицина уже начинает поиски лекарств, которые сумеют вмешаться в работу биологических часов, смогут корректировать неприятные смещения во времени, какие мы испытываем, например, после трансатлантических перелетов на реактивных самолетах. Появится ли в будущем новая группа врачей... часовщиков? Допишет ли министр здравоохранения к уже существующим в нашей стране 72 врачебным специальностям новую? И назовет

ли этих специалистов по-ученому, чтоб их не путали с часовщиками, — хронологами?

Из многочисленных ритмов, пульсирующих в нашем организме, биение сердца нам ближе всего. Может, потому что оно всегда было опознавательным знаком жизни — как биологической, так и чувственной. Не с тем же ли самым сосредоточенным вниманием вслушиваются в биение сердца врач у пациента и писатель у героя романа? И не у них ли оба — и врач, и писатель — заимствуют слова для определения их состояния, говоря, что сердце колотится в груди, трепещет или замирает?

Ведь уже в просуществовавшей дольше всего однородной цивилизации мира, какой была египетская, сердце играло огромную роль, в том числе как средоточие психических сил. Оно входит в поэзию, в религию, в священные тексты, вырастает до ранга не только центрального органа тела, но и основного средоточия чувств — и становится почти «сутью сути» человека. В период Раннего царства, то есть пять тысяч лет тому назад, только сердце человека бросали на чашу весов в посмертном суде Озириса. Чистое сердце на чаше весов, стоящих перед богом, должно было весить меньше легчайшего перышка. В противном случае его немедленно пожирало ожидавшее неподалеку чудовище, и загробная жизнь египтянина завершалась позорно и навсегда.

Если говорить о сердце, то не столько созвучность ритмам окружающей среды, сколько независимость его ритма представляет собой самую удивительную особенность. Вспомним школьный урок биологии. Сердце, извлеченное из лягушки и положенное на доску стола, бьется долгие-долгие минуты. Ежедневно в полутора десятках операционных в нашей стране хирурги останавливают больные сердца и, охладив организм, выполняют сложные операции, с тем чтобы после их окончания снова привести в движение сердце с помощью электрического тока. Более того, во время трансплантации человеческое сердце, изъятое из тела донора, в течение многих часов остается в одиночестве, в питательной жидкости простого состава, а позже, оказавшись в чужом для себя организме, возбужденное током, на долю секунды приложенным к его стенке, — приходит в движение и начинает биться ритмично. Эти примеры показывают, что в самом сердце должен находиться механизм, способный побуждать его к ритмичной работе.

Этот механизм создают специализированные клетки, генерирующие и распределяющие импульсы. Они не рассеяны

беспорядочно, но образуют единую систему. Мы называем ее автоматической системой сердца или — чаще — проводящей системой. Первое название подчеркивает независимость и прежде всего безотказную, механическую регулярность работы системы, вторая — отмечает ее участие в распространении импульсов. Большие скопления клеток системы объединяются в узлы, или станции, между которыми по рельсам волокон мчатся импульсы. Проводящая система, как армия на фронте, имеет свою иерархию, обеспечивающую преемственность командования в случае смерти очередных командиров. На вершине иерархической лестницы находится синусно-предсердный узел, который задает темп, то есть делает первый шаг. Он вырабатывает импульсы самой высокой частоты. Следовательно, он подавляет все иные потенциальные стимуляторы и диктует ритм всему сердцу. В случае его повреждения командную роль перенимают очередные, ниже расположенные центры, задающие ритмы всё более низкой частоты. Когда и они умолкнут, сердце запустит свой последний спасательный механизм, скрытый в мышце, и начнет биться в самом медленном ритме, который обеспечит доставку крови к органам в состоянии покоя, но не позволит сделать никакого усилия. Мы говорим тогда о полной блокаде сердца: промежуточные станции и проходимые прежде пути пришли в негодность или заблокированы.

Что представляют собой эти сигналы, с которыми мы прошли путь от первой станции до последних? Мы описываем их на уровне электрических явлений. И говорим, что они возникают, когда в стенках клеток открываются щели, каналы, по которым внутрь влетают одни заряженные атомы, а вылетают другие. Это явление ритмически повторяется, приводя к возникновению разницы потенциалов. Электрические разряды мчатся по известным нам путям вплоть до волокон мышц и вызывают их сокращение. Но кто в стенках клеток с определенной ритмичностью открывает ворота, через которые в противоположные стороны проскакивают заряженные атомы? Какой метроном выстукивает этот первый ритм, из которого рождается ритм сердца? Этого мы не знаем. И вместе с электрическим током скользим по поверхности явлений.

Бьется ли наше сердце с механической точностью метронома? Не у каждого. Объяснение этому следующее. Рождение импульсов в клетках синусно-предсердного узла повторяется с ритмичностью идеальной, в такт наименьшему кванту информации. Но прежде чем импульс покинет узел — чтобы распространиться по созданным для него путям и побудить сердце к сокращению, — прежде чем это наступит, он испытает

чрезвычайно тонкое влияние нервов симпатической системы. Это утонченное воздействие, которое, как правило, мы не в состоянии обнаружить стетоскопом. Зато мы можем его заметить, анализируя длинную ленту записи электрокардиограммы. Если измерить промежутки между очередными ударами сердца на протяжении нескольких минут, то можно убедиться, что у многих из нас они незначительно отличаются друг от друга, отклоняясь от среднего значения на сотые доли секунды.

Это наводит на мысль о темпе *rubato*, особенности, присущей музыке Шопена. Известно много определений шопеновского *rubato*. Это должен быть способ исполнения произведения «с уточненным ритмическим беспокойством». Согласно другим определениям, *rubato* заключается в «минимальных перемещениях между нотами мелодического голоса в пределах собственного такта, на фоне равномерно идущего баса». Ференц Лист охарактеризовал шопеновское *rubato*, сравнив его с деревом, «крона которого сгибается на ветру во все стороны, тогда как корни крепко сидят в земле».

Словесное определение «*rubato*» для обозначения игры *senza rigore* Шопен использовал в 1824–1835 гг. — в мазурках и ноктюрнах. С 1836 г. он перестал его употреблять. Гастон Белотти считает, что наступило это по соображениям очевидным: в момент зрелости всё его исполнительское искусство стало *rubato*.

Есть сердца, в которых *rubato*, это «утонченное ритмическое беспокойство», запечатлевается отчетливо, как в период зрелого искусства Шопена, есть другие, в которых — как в его раннем, юношеском творчестве — этот ритм незаметен. Эти первые, пораженные грозной болезнью, реже останавливаются внезапно, словно недостаток жесткости, известная гибкость, склонность к ритмической свободе лучше готовили его к наступлению зловещих, означающих болезнь ритмов. Анализ этих незначительных отклонений от идеальной ритмичности под влиянием нервной системы (*heart rate variability*) находит всё более широкое применение при оценке риска внезапной остановки сердца у больных после перенесенного инфаркта.

Исследованию пульса врачи всегда придавали большое значение и достигли в нем необыкновенной искусности. Герофил из Александрии, в III веке до Р.Х., оценивал отдельные фазы пульса при помощи часов собственной конструкции, с которыми ходил к больным. На протяжении веков волны пульса анализировали всеми возможными способами, веря, и не без оснований, что это путь к познанию секретов работы

сердца и всего организма. И еще несколько лет тому назад студенты-медики у постели больного были обязаны сходу определить такие основные характеристики пульса, как быстрота, наполнение, напряжение, частота и ритмичность. Неисчислимыми должны были им казаться названия, которыми они старались описать главную характеристику исследования, говоря о пульсе двойственном, нитевидном, анакротическом или — когда уже прилагательных не хватало — чудн?м. Разве в эпоху всемогущей техники всё это знание кануло в забвение? Пожалуй, нет. Популярный «Медицинский словарь» Дорланда, в издании 2000 г. рекламируемый как собрание самых существенных для врачебной практики в третьем тысячелетии сведений, описывает... 82 разновидности пульса!

Разумеется, самую большую конкуренцию исследованиям пульса составило прослушивание сердца. Французский врач Рене Лаэннек, основатель аускультации, который однажды, желая избежать неловкости прикладывания уха к груди молодой пациентки, свернул бумагу в трубочку, обвязал шнурком и приложил к окрестностям ее сердца, вероятно, не предполагал, что его изобретение откроет целый мир звуков, нам в буквальном смысле ближайших, мир, прежде замкнутый для наших ушей. Отличные примеры этого дают аритмии. Одиночная экстрасистола подобна легкому спотыканию в танце — миг колебания, даже неосознанный, и на следующем шаге мы улавливаем ритм, который несет нас дальше. Отмеченный повторяющимися преждевременными сокращениями ритм сердца наводит на мысль, что синкопы не были оригинальным открытием джазовых музыкантов. При полной неритмичности — паузы между сокращениями изменяются, ритмический же акцент смещается. Быстрый бег галопирующего коня слышится в сердце с недостаточностью левого желудочка (галопирующий ритм, английское gallop rhythm). Биение сердца, пораженного полной блокадой, изредка прерывает «пушечный залп» (одновременное сокращение предсердий и желудочков), повторяемый тихим эхом сокращающихся предсердий.

Эхо — имя горной нимфы. Греческие мифы по-разному объясняли, как она стала олицетворением бестелесного, повторяющегося голоса. Полюбив без взаимности Нарцисса, она погрузилась в такое отчаяние, что стала исчезать, пока от нее не остался только голос. И должно было так случиться, что за утаивание любовных увлечений Зевса Гера обрекла Эхо на повторение последнего услышанного ею слова. Поэтому ничего удивительного, что ее имя стали повторять вновь

возникающие языки. Оно по-настоящему прижилось в них, чтобы в конце концов стать одним из чаще всего используемых слов в современной медицине. Эхо, эхозонд, эхокардиография... Мы исследуем сердце голосовыми волнами, а они отражаются, возвращаясь к нам как эхо, по которому мы конструируем образ самого сердца. Этот образ поражает точностью деталей. Исследовательская аппаратура развивается так быстро, словно хочет сравняться в совершенстве с эхозондом... летучей мыши.

Эхокардиограмма, открывая нам подробности анатомии сердца или способности к сокращению его мышцы, позволяет понять природу нарушений ритма. Распознаём же мы их по электрокардиограмме. Особенно ценной является двадцатичетырёхчасовая запись ЭКГ, по фамилии американского врача популярно называемая Хольтером. В этих мемуарах, записанных сердцем, отмечается каждое его сокращение. И, разумеется, каждая, даже кратчайшая, аритмия или гипоксия, кислородное голодание. Их запись оказывает неоценимую помощь в повседневной медицинской диагностике. Развиваются и более изощренные виды анализа, позволяющие зафиксировать тончайшую асинхронность работы сердца. В исследовании этих чрезвычайно сложных явлений на помощь медикам приходят математики и физики, применяя динамику нелинейных систем и теорию хаоса.

Сколько же усовершенствований ожидает сегодня студентов медицины, желающих глубже познать музыку сердца! Над грудиной, в месте крепления ребер, мы накладываем мембрану с электронным усилителем. Из него выходят шесть пар слуховых каналов, таких же, как в обыкновенном стетоскопе. Благодаря этому шесть человек одновременно воспринимают явления, прослушивая одно и то же место над сердцем. На экране переносного компьютера бежит кривая электрокардиограммы, а под ней фонокардиограмма — непрерывная запись тонов, шумов, всех акустических феноменов, возникающих в сердце. Их можно остановить, «заморозить» и анализировать.

О замораживании звуков, слов и даже музыки мечтали издавна. Антифан, домочадец Платона, рассказывает о стране, где зимы были такими суровыми, что слова замерзали в воздухе. Летом, когда они оттаивали, жители узнавали, о чем говорили зимой, подобно тому, как ученики Платона только в старости начинали понимать, что означали услышанные ими в молодости слова учителя. Несколько веков спустя некий итальянский купец (описанный Бальтазаром Кастильоне) отправился зимой на Украину за собольими мехами. Он

остановился на замерзшем берегу Днепра, откуда вел переговоры с московскими купцами, устроившими стоянку на противоположном берегу. Однако выкрикиваемые слова не долетали, замерзали по дороге и зависали в воздухе, как сосульки. Тогда польские переводчики разожгли огонь посередине реки. В оттаявших словах, однако, прозвучали такие высокие цены, что итальянец незамедлительно вернулся — с пустыми руками — на свою солнечную родину.

Но кто же перещеголял бы в рассказах о зимних странах барона Мюнхаузена! Мчась однажды в санях по ледяным пустыням России, он велел всю дорогу играть вознице почтовой кареты. Мы не удивимся тому, что ни один звук не вырвался из рожка: все они, замерзнув, застряли в нем. Но зато вечером, в трактире, из рожка, повешенного у камина, полилась музыка, при звуках которой радостно оттаивали замороженные сердца.

Когда врач на операционном столе «замораживает» сердце, снижая температуру на несколько градусов, он останавливает его музыку и ритм, потому что сердце не работает. Механические насосы заменяют сердце и нагнетают кровь в сосуды. После проведенной операции согретое сердце приступает к работе, испускает тоны. Приходит в движение кровообращение, регулируемое ритмом сердца.

В бытность мою начинающим врачом, когда Вроцлав сковали «зимы столетия», к нам в больницу в три часа утра привезли замерзшего человека. Его нашли над Одрой, где температура достигала — 35°. Он окоченел и был холоден, как сосулька, не дышал, сердце его не билось, ЭКГ чертила плоскую, горизонтальную линию. О реанимации только начинали говорить, оборудования у нас не было никакого. Мы были вдвоем с медсестрой. Я начал массировать сердце, а она делала искусственное дыхание «рот-в-рот». С каждым выдохом комната наполнялась парами денатурата. Работа сердца восстановилась примерно через час массажа, дыхание — через два часа. На следующий день больной вышел на своих собственных ногах, перед этим обругав нас: у него, мол, исчезла пачка «Экстра-крепких». Взволнованные, мы послали описание происшествия в журнал «Ланцет», хотя и не сумели ответить на вопрос редактора, какой была температура тела реанимированного. Более четверти века спустя в том же самом журнале был описан несчастный случай, произошедший с норвежской лыжницей-рекордсменкой на Дальнем Севере. Она упала в глубокое ледяное ущелье, откуда ее вытащили спустя два часа, неживую, с температурой тела 13,7°, и перевезли самолетом спасательной авиации в Тромсё. Сердце заработало

только после нескольких часов перекачивания ее крови через аппарат внешнего кровообращения. Из больницы она вышла после пятимесячной реабилитации. Такие случаи в последнее время подсказали мысль применять в отделениях интенсивной терапии, куда привозят больных после уличной реанимации, матрасы, охлаждающие тело по крайней мере на несколько градусов. В надежде, что отдалится время необратимых изменений в мозгу, что легче и быстрее вернется пульс и сердцебиение.

У нескольких тысяч американцев не удастся ни прощупать пульс, ни измерить давление крови, хотя некоторые из них передвигаются относительно свободно. Эти люди носят вшитые в сердце миниатюрные насосы, помогающие перетеканию крови из левого желудочка в аорту — непрерывным, не пульсирующим образом. На свете живут также несколько больных, у которых сердце извлечено, а вмонтировано полностью искусственное, величиной с грейпфрут — целиком из титана и пластика, — «проявление наиболее продвинутой технологии, какую человек когда-либо носил в себе». Повсеместно применяются и электрические стимуляторы сердца, а круг антиаритмических лекарств чрезвычайно широк и продолжает расти. И все же бывает так, что самые сильнодействующие лекарства подводят, а помочь может слово.

Много лет назад в нашу клинику был принят с тяжелой общей инфекцией организма Ежи Турович, главный редактор «Тыгодника повсехного». С инфекцией нам удалось справиться, но осталась аритмия. Сердце билось в недобром, угрожающем ритме, одном из тех, что сами не отступают, а предвещают наивысшую опасность. Мы применили сильнодействующие лекарства — безрезультатно. Мы оказались у предела наших возможностей. Однажды вечером я навестил Ежи в изоляторе, прослушал сердце и вернулся домой, удрученный собственным бессилием. Когда на другой день рано утром я приложил трубку, то услышал чистый, равномерный, правильный ритм сердца. Я не верил собственным ушам, но подтверждение принесла запись ЭКГ. Удивленный, я спросил: «Ежи, что-то случилось прошлой ночью?». Он ответил мне со своей известной мягкой, доброй улыбкой: «Ты знаешь, Папа позвонил мне после полуночи из Ватикана».

Тайна кровообращения в человеческом теле была открыта примерно через двести лет после открытия вращения Земли и планет вокруг Солнца. Наша длительная невозможность познать явление столь важное и касающееся каждого из нас

должна казаться почти непонятной, тем более что комплекс экспериментов, необходимых для установления этой истины, мог быть разработан и выполнен без всяких препятствий в течение нескольких предыдущих тысячелетий. Уильям Харви, открывший тайну кровообращения, был опытным патологоанатомом и ученым с неугасимой любознательностью. Прежде чем заняться человеком, он произвел вскрытие около двухсот различных животных, включая страуса, что в начале XVII века в Лондоне было все же делом не самым простым. В дальнейшем при помощи простых надрезов и перевязки человеческой руки он установил, что кровь вытекает из сердца по артериям, а к нему возвращается по венам.

Сравнение обращения планет вокруг Солнца и кровообращения в человеческом теле устремляет мысль к музыке. Пифагор полагал, что источник музыки — ритмичное движение планет. Музыка небесных сфер, выражение совершенной гармонии, звучит всегда, хотя мы ее никогда не слышим. Подобным же образом мы не слышим ритмичного шума крови, так как он с нами с рождения. Он доходит до нас только в редкие минуты, когда гармония организма глубоко нарушена, когда нам плохо, — в болезни.

Мой любимый «Oxford Companion to the Music» определяет ритм как лик музыки, обращенный ко времени. Как отнести это к ритму сердца?

До миллиардов наших клеток доходит волна крови и, как морская волна, лижущая песок на берегу, омывает их — и откатывает, чтобы вернуться через отмеренное время. Наши крупные внутренние органы и клетки, которые их образуют, непрерывно колеблемы волнами прилива и отлива. Они чувствуют, слышат шум и ритм крови, которая «скрепляет далекие берега нитью взаимопонимания» и говорит им о течении времени.

*

«Катарсис. О целебной силе природы и искусства»

Краков: Знак, 2003